Сочиненія Густава Эмара.

Черная птица.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе П. П. Сойкина
12, Стремянная, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Марта 1899 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., д. № 12.

Глава I.

Знакомство съ господиномъ и госпожею Курти.

Ліонель Арманъ-де-Лестокъ Курти, родомъ французъ, семья котораго поселилась въ Луизіанѣ въ концѣ царствованія Людовика XIV, родился въ Новомъ Орлеанѣ въ 1818 году. Поступивъ въ армію Соединенныхъ Штатовъ въ качествѣ драгунскаго лейтенанта, онъ сталъ быстро двигаться по службѣ впередъ. Живя почти постоянно на границѣ индѣйскихъ владѣній ради охраненія колонистовъ и предупрежденія нападеній краснокожихъ на новыя поселенія, онъ провелъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ въ непрерывныхъ походахъ и стычкахъ, подчасъ очень серьезныхъ. Произведенный на тридцать второмъ году, послѣ одного блестящаго дѣла, въ полковники, онъ взялъ отпускъ, который и провелъ у родныхъ въ Новомъ Орлеанѣ. Здѣсь онъ женился на прелестной молодой дѣвушкѣ лѣтъ двадцати, тоже француженкѣ по происхожденію; ее звали Лаурой Люси де-Перріеръ. По всѣмъ признакамъ, бракъ долженъ былъ быть счастливымъ, какимъ и оказался на самомъ дѣлѣ.

Когда срокъ отпуска кончился, полковникъ Курти, поцѣловавъ свою жену, вернулся на свой пограничный постъ; но, получивъ тяжелую рану въ одномъ дѣлѣ, онъ принужденъ былъ подать въ отставку. Сидячій образъ жизни, на который онъ былъ теперь обреченъ, сильно тяготилъ его,

привыкшаго къ дѣятельной жизни на воздухѣ. Но онъ не рѣшался жаловаться, такъ какъ больше всего на свѣтѣ боялся огорчить свою жену, которую обожалъ и отъ которой имѣлъ двухъ прелестныхъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, — граціозныхъ крошекъ, серебристый смѣхъ и милый лепетъ которыхъ легко разсѣевали мрачныя тучи на лбу полковника; но эти тучи сейчасъ-же снова собирались на его мужественномъ лицѣ.

Разъ вечеромъ госпожа Курти, сама уложивъ по обыкновенію дѣтей спать, такъ какъ она никому не довѣряла этой обязанности,—распорядилась, чтобы приготовили чай, и стала слушать разсказъ мужа объ его прежней жизни, о битвахъ и красотахъ природы, которыя онъ развертывалъ передъ ней, невольно сопровождая свои воспоминанія плохо скрытыми вздохами. Въ разгарѣ одного изъ описаній чудной мѣстности, госпожа Курти вдругъ положила руку на плечо мужа и сказала мягкимъ, музыкальнымъ голосомъ:

— Какъ должно быть прекрасно то, о чемъ ты говоришь!

— О, да!—отвѣтилъ полковникъ, подавляя вздохъ.

— Не правда-ли, мой дорогой Ліонель, — продолжала она,—ты сожалѣешь объ этомъ просторѣ, объ этой дѣятельной жизни, полной неожиданности и интереса? Ты долженъ задыхаться въ узкихъ улицахъ нашего города, въ стѣнахъ этихъ домовъ!

— Что дѣлать, милая Лаура, вѣдь, я уже не солдатъ! Мнѣ остается только свыкнуться съ теперешнимъ положеніемъ.

— Да, и ты страдаешь еще болѣе оттого, что, изъ боязни огорчить меня, стараешься не показать этого.

— Лаура!—вскричалъ онъ.

Молодая женщина продолжала съ нѣкоторымъ волненіемъ, немного насмѣшливо:

— И причина этого—только одно нежеланіе высказаться.

— Это еще что ты тамъ болтаешь!

— Я говорю, милый Ліонель, что ты эгоистъ; ты не

понимаешь, что я тоже страдаю, что я чувствую себя почти несчастной.

— Ты страдаешь? Ты несчастна, ты, Лаура?

— О, Богъ мой!—вскричалъ онъ въ тяжеломъ волненіи.

— Да, другъ мой,—сказала она,—и еще по твоей винѣ.

— По моей винѣ!

— Конечно! Какъ, ты не замѣчалъ, милый Ліонель, съ какой радостью, если не сказать съ восторгомъ, я слушаю каждый вечеръ твои интересные разсказы? Вѣдь я задыхаюсь не меньше тебя въ этомъ городѣ; я думаю о томъ, какъ хорошо было-бы нашимъ дѣтямъ рости на свободѣ и свѣжемъ воздухѣ, и тихонько спрашиваю себя, что заставляетъ тебя жить въ этой каменной тюрьмѣ, которую даже солнце не въ состояніи согрѣть, когда мы могли-бы быть такъ счастливы на какой-нибудь плантаціи на границѣ?!

Слова жены подѣйствовали на полковника, какъ ударъ грома. Не зная, слышалъ-ли онъ ихъ во снѣ или на яву, онъ смотрѣлъ на нее, съ такимъ комическимъ удивленіемъ, что та покачала головой и сказала со смѣхомъ:

— Теперь ты все знаешь!

— Такъ ты говорила серьезно?—спросилъ онъ нерѣшительно.

— Никогда въ жизни не говорила серьезнѣе Ліонель!

— Ты хочешь жить на границѣ, въ новыхъ участкахъ?

— Я считала-бы себя счастливой тогда.

— Но, въ такомъ случаѣ почему ты не сказала мнѣ объ этомъ раньше?

— Я ждала,—отвѣтила она съ очаровательной улыбкой,—я надѣялась, что тебѣ самому придетъ въ голову эта мысль. Но когда увидѣла, что ты упрямо хранишь молчаніе, то поняла, что должна была заговорить первая.

— Благодарю, дорогая, я счастливъ, что такъ вышло. Но подумала-ли ты о томъ, что передъ нами откроется совсѣмъ новая жизнь?

— Я этого и хочу, мой другъ. Я знаю что всякое начало трудно, но у меня хватитъ мужества; вѣдь не даромъ-

же я жена солдата! Кромѣ того развѣ мы, не обязаны принести кое-какія жертвы въ интересахъ нашихъ дѣтей?

— Это правда, душа моя, ты права, какъ всегда; и такъ....

— И такъ?--повторила она съ любопытствомъ.

— Разъ, что ты такъ сильно хочешь этого, я попробую удовлетворить твое желаніе.

— Спасибо, Ліонель, и вѣдь это будетъ скоро, не правда-ли?—настойчиво сказала она.

Вернувшись къ себѣ въ комнату и убѣдившись, что никто не можетъ ее подслушать, госпожа Курти бросилась въ кресло, залилась слезами и долго не могла успокоится. Она еще никогда не уѣзжала изъ Новаго Орлеана, въ которомъ выросла и гдѣ жили ея родные, друзья, всѣ ея знакомые. Всѣ ея занятія и удовольствія сосредоточивались въ этомъ городѣ, гдѣ сложились привычки ея тихой жизни. Перспектива жизни на новыхъ участкахъ, о которой ходило столько мрачныхъ легендъ, пугала ее; каково будетъ ей, такой нѣжной, деликатной, страшно застѣнчивой — среди грубаго населенія, почти не тронутаго цивилизаціей?—Но вдругъ она выпрямилась съ рѣшительнымъ видомъ и улыбнулась сквозь слезы.

— Бѣдный Ліонель,—проговорила она.—Вѣдь онъ такъ добръ и великодушенъ! Пусть онъ будетъ обязанъ мнѣ своимъ счастіемъ! Въ этомъ будетъ заключаться моя награда.

Она поднялась съ кресла и опустилась на колѣни передъ своимъ аналоемъ, потомъ поцѣловала дѣтей, какъ это дѣлала каждый вечеръ передъ сномъ, и заснула, прошептавъ:

— Они, мои сокровища, тоже будутъ счастливы на новомъ мѣстѣ. Самъ Богъ внушилъ мнѣ эту хорошую мысль!

На другой день полковникъ Курти уѣхалъ въ Вашингтонъ. Поѣздка его затянулась на цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ. онъ вернулся сіяющій отъ радости.

— Ну, что-же?—спросила его жена, какъ только кончились первые поцѣлуи и объятія. — Доволенъ-ли ты результатомъ поѣздки?

— Я даже и не надѣялся на то, что все такъ отлично удается!—отвѣтилъ полковникъ, потирая отъ удовольствія руки.—Дѣло устроилось самымъ великолѣпнымъ образомъ. Я получилъ именно то, что хотѣлъ, и совершенно даромъ. Военный министръ очень любезно заявилъ мнѣ, что, по моимъ старымъ заслугамъ, я имѣлъ-бы право и на большую плантацію, если бы захотѣлъ.

— И прекрасно; значитъ тебя еще не забыли, это очень пріятно. А гдѣ-же находится эта плантація?

— Недалеко отъ Красной рѣки, въ 500 миляхъ отъ Малыхъ Скалистыхъ горъ: я тебѣ покажу на планѣ. Это огромное пространство земли, перерѣзанное лѣсами и долинами; масса воды, воздуха, солнца, особенно солнца. О, мы будемъ такъ счастливы, и все это благодаря тебѣ, милая Лаура!

— Если бы это было дѣйствительно такъ, мой другъ!

Полковникъ сталъ дѣлать приготовленія къ отъѣзду. Къ нему вернулась его прежняя живость и дѣятельность, и онъ хлопоталъ безъ устали. Дѣйствительно, приготовленія къ такому путешествію, какъ на новую землю, являются не легкимъ дѣломъ, особенно въ томъ случаѣ, если уѣзжаютъ съ тѣмъ, чтобы совсѣмъ поселиться на новомъ мѣстѣ: приходится закупать массу вещей и предвидѣть все до мельчайшихъ подробностей. Полковникъ былъ богатъ и денежный вопросъ не смущалъ его. Больше всего безпокоилъ его составъ служащихъ, которыхъ надо было взять съ собой; но ему помогъ въ этомъ простой случай. Странствуя какъ-то по улицамъ Новаго Орлеана, онъ встрѣтился съ дюжиной своихъ бывшихъ драгунъ, которые мечтали только о томъ, чтобы отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Кромѣ того, онъ запасся четырнадцатью неграми—десятью мужчинами и четырьмя женщинами. Обезпечивъ себя съ этой стороны, полковникъ озаботился тѣмъ, чтобы были подводы для перевозки съѣстныхъ припасовъ, запасся одеждой, сѣменами, лошадьми, волами, овцами, курами, утками, наконецъ мебелью, всякой утварью, да и мало-ли чѣмъ еще! Всего и не перечислить!

Вмѣстѣ съ этимъ огромнымъ поѣздомъ должны были двинуться въ путь и рабочіе—плотники, каменщики, кузнецы и каретники.

Наконецъ, послѣ двухъ мѣсячной безостановочной работы все было готово, подводы были нагружены и день отъѣзда назначенъ. Полковникъ рѣшилъ уѣхать раньше одному, чтобы все устроить къ пріѣзду семьи, за которой онъ долженъ былъ пріѣхать въ Новый Орлеанъ. Ему приходилось уѣзжать отъ своихъ на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, потому что госпожа Курти была не совсѣмъ здорова и не могла сейчасъ-же отправиться въ такой дальній путь; ей не оставалось ничего другого, какъ терпѣливо ждать возвращенія мужа. Полковникъ уѣхалъ со своими служащими, и скоро подводы скрылись изъ глазъ провожавшихъ, среди пыльной дороги.

Глава II.

Плантація издали.

Быстрый ростъ бѣлаго населенія Соединенныхъ Штатовъ, благодаря постоянному наплыву рабочаго класса изъ Европы, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе раздвигаетъ границы этой великой сѣверо-американской республики; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, индѣйцы отодвигаются все болѣе къ западу, уступая свои владѣнія и углубляясь въ высокія саванны и таинственныя преріи. Но, прежде чѣмъ удалиться навсегда изъ земель, гдѣ они такъ долго наслаждались мирнымъ счастьемъ, краснокожіе обмѣниваютъ ихъ на участки, лежащіе въ другихъ мѣстностяхъ, или же просто продаютъ свои владѣнія по всѣмъ правиламъ торговли. Эти-то новые участки земли раздѣляются на части, большей или меньшей величины и различныя по доходности, и отдаются по самымъ низкимъ цѣнамъ, а иногда и вовсе даромъ, бывшимъ офицерамъ, солдатамъ и переселенцамъ изъ Европы, которые пріѣзжаютъ въ Америку съ цѣлью нажить себѣ собственность, которой

имъ не удалось пріобрѣсти у себя на родинѣ. Значеніе этихъ участковъ все увеличивается: на земляхъ, столько лѣтъ остававшихся пустынными, дикими, лишенными всякой доходности, выростаютъ, точно по волшебству, деревни и города, завязываются сношенія съ сосѣдями, устраиваются пути сообщенія; торговля и промышленность развиваются, богатства все прибываетъ и въ нѣсколько лѣтъ цивилизація успѣваетъ уже оказать на страну свое благотворное вліяніе. Такъ создаются новые штаты, которые вступаютъ въ составъ американскаго союза; пустыня исчезаетъ, уступая передъ непреклоннымъ трудомъ; поразительная дѣятельность эмигрантовъ и прогрессъ, который никогда не стоитъ на мѣстѣ, совершенно преобразуютъ эти земли, гдѣ въ теченіе столькихъ лѣтъ хозяйничали только дикари и хищные звѣри.

Былъ прекрасной вечеръ въ послѣднихъ числахъ мая 1858 года. Трое всадниковъ, красиво сидѣвшихъ на сильныхъ, чистокровныхъ лошадяхъ, ѣхали рысью вдоль одного изъ довольно значительныхъ притоковъ рѣки Красной, названіе котораго еще не стояло въ то время на картахъ. Эти путешественники, вооруженные съ ногъ до головы; были одѣты въ живописный костюмъ луизіанскихъ плантаторовъ и принадлежали къ чистой бѣлой расѣ. Немного впереди ихъ шелъ человѣкъ, въ которомъ легко можно было признать индѣйца по тому быстрому и размѣренному шагу, свойственному краснокожимъ, который даетъ имъ возможность не отставать отъ лучшей лошади, бѣгущей рысью. Первый изъ всадниковъ, повидомому главный изъ трехъ, подозвалъ къ себѣ знакомъ индѣйца и добродушно обратился къ нему:

— А что, мой милый, должно быть ужъ намъ не доѣхать сегодня?

— Такъ! отвѣтилъ индѣецъ гортаннымъ звукомъ, и продолжалъ на чистомъ англійскомъ языкѣ.—Мой отецъ слишкомъ быстръ: Черная Птица назначилъ ему пятый часъ дня, когда солнце удлиннитъ тѣни деревьевъ до тѣхъ высотъ.

— Да,—возразилъ смѣясь всадникъ,—но посмотри на тѣни

деревьевъ: онѣ становятся все длиннѣе, а между тѣмъ еще ничто не напоминаетъ о томъ, чтобы мы приближались къ нашей цѣли. Кругомъ насъ настоящая пустыня.

— Мой отецъ нехорошо смотрѣлъ, сказалъ индѣецъ съ оттѣнкомъ насмѣшки. Скоро онъ увидитъ лучше.

— Гдѣ-же это?

— За горами.

— А онѣ очень далеко отсюда?

— Вотъ онѣ!—сказалъ индѣецъ, протягивая руку,

Дѣйствительно, шагахъ въ полутораста передъ ними, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка дѣлала довольно крутый поворотъ, ея путь перерѣзался громадой скалъ, черезъ которыя вода пробила себѣ брешь. Эта масса воды, падающая или вѣрнѣе скользящая въ нижній бассейнъ, представляла необыкновенно живописное зрѣлище.

Спустя нѣкоторое время дорога стала, почти нечувствительно для ѣздоковъ, подниматься вверхъ, что не мѣшало лошадямъ ѣхать съ прежней скоростью. Впрочемъ, на самомъ поворотѣ рѣки берега ея круто обрывались вправо и влѣво, образуя довольно значительную разницу въ уровнѣ выше и ниже по ея теченію; но и здѣсь подъемъ почти не былъ замѣтенъ, такъ какъ отличался большой пологостью. Дойдя до хребта, который представлялъ самую высокую точку пути, Черная Птица остановился и, обернувшись къ всаднику и показывая рукой направо, произнесъ съ гримассой, которая должна была изобразить улыбку: — „Пускай мой отецъ посмотритъ теперь“.

Всадникъ сдержалъ поводья и, взглянувъ по указанному направленію, съ трудомъ удержалъ крикъ удивленія при видѣ волшебной картины, развернувшейся передъ его глазами не болѣе, какъ въ пятистахъ метровъ отъ него. Это былъ настоящій оазисъ, полный зелени, жизни и движенія, который, казалось, возникъ среди голой и безплодной пустыни по мановенію волшебнаго жезла. То была плантація кофе и сахара, на которой жизнь такъ и кипѣла. На огромное пространство тянулись поля пшеницы, овса, риса, сахарнаго

тростника, кофейнаго дерева; и эти поля перерѣзали тамъ и сямъ купы деревьевъ, скрывавшихъ простенькіе, но изящные домики и обширныя мастерскія. На верху лѣсистаго холма стоялъ домъ съ двумя флигелями, украшенный башенками съ правой и лѣвой стороны. Изъ центра этого зданія, выстроеннаго изъ огромныхъ дубовыхъ бревенъ, возвышалась высокая башня съ конькомъ на верху. Фундаментъ его былъ сложенъ изъ большихъ камней, основательно скрѣпленныхъ цементомъ, и поднимался на 10—12 футовъ отъ земли. Обширный и глубокій ровъ опоясывалъ весь домъ, въ который можно было проникнуть только по подъемному мосту. Но въ данный моментъ мостъ былъ спущенъ. Такимъ образомъ, это изящное и красивое зданіе, въ которомъ повидимому жилъ владѣлецъ плантаціи, представляло изъ себя солидную и надежную крѣпость.

Очень большой и красиво распланированный паркъ спускался съ холма и захватывалъ часть равнины. Позади дома росла роща столѣтнихъ деревьевъ--очевидно, послѣднихъ представителей того дѣвственнаго лѣса, который здѣсь нѣкогда стоялъ; густая стѣна ихъ, вооруженная многими бойницами, окружала домъ, образуя вторую хорошую охрану для него.

Съ того мѣста, гдѣ остановился путешественникъ, онъ могъ разглядѣть мельчайшую подробность этого удивительнаго пейзажа. Онъ замѣтилъ также массу рабочихъ, разсѣянныхъ всюду на поляхъ, и большія стада, которыя паслись на искуственныхъ лугахъ.

— Да это чудо, что такое! вскричалъ путешественникъ.— Такъ это и есть плантація полковника Курти?—спросилъ онъ у проводника.

— Да!—лаконически отвѣтилъ индѣецъ.

— Но вѣдь это совсѣмъ неслыханное дѣло! Какъ онъ добился того, чтобы въ такое короткое время такъ измѣнить до неузнаваемости неблагодарную почву пустыни?

Индѣецъ нѣсколько разъ качнулъ головою.

— Бѣлый господинъ—мужчина,—сказалъ онъ.—Великіе

мужи Запада—не старыя болтливыя женщины: чего они хотятъ, то они и могутъ! Работа—эта ихъ жизнь. Творецъ міра покровительствуетъ имъ, потому-что они добры, справедливы и жалостливы къ несчастнымъ.

Путешественникъ съ удивленіемъ обернулся на говорившаго: ему никогда не приходилось слышать, чтобы индѣецъ отзывался такъ объ американцахъ, этихъ заклятыхъ враговъ красной расы, которую они преслѣдуютъ безъ устали и безъ милосердія и которую поклялись уничтожить.

— Такъ ты любишь бѣлыхъ?—спросилъ всадникъ.

Странная улыбка скользнула по лицу краснокожаго, освѣтивъ на мгновеніе его мрачное и суровое выраженіе.

— Только этихъ!—отвѣтилъ онъ.—Черная Птица—великій и славный вождь своей націи. Онъ никогда не забываетъ ни благодѣяній, ни обидъ. Неблагодарность — это порокъ бѣлыхъ, признательность—добродѣтель краснокожаго. Кровь вождя принадлежитъ до послѣдней своей капли великому бѣлому вождю и его семьѣ, другихъ онъ не знаетъ и не заботится о нихъ.

Наступило короткое молчаніе. Всадникъ ѣхалъ, задумавшись надъ словами индѣйца, которыя поразили его. Проводникъ первый прервалъ молчаніе.

— Пускай мой отецъ посмотритъ!—сказалъ онъ протягивая руку по направленію къ дому.—Мой отецъ, конечно, замѣтилъ уже! Вотъ самъ великій бѣлый вождь; онъ выходитъ изъ большого каменнаго дома, онъ направляется въ эту сторону; онъ идетъ къ моему отцу навѣрное для того, чтобы предложить ему пріютъ у себя.

— Это правда,—отвѣтилъ всадникъ,—ѣдемъ-же навстрѣчу къ нему! Неловко дожидаться его здѣсь.

Онъ сдѣлалъ знакъ рукой, и всѣ четверо тронулись въ путь. Менѣе чѣмъ въ десять минутъ, они поровнялись съ полковникомъ, и въ то же мгновеніе путешественникъ и Курти испустили одновременно радостный крикъ:— „Вильямсъ“!—„Ліонель“!—и заключили другъ друга въ объятія.

— Такъ вы рѣшились таки навѣстить меня въ моемъ

уединеніи?—сказалъ съ чувствомъ полковникъ.—Какой пріятный сюрпризъ! Моя жена будетъ очень рада васъ видѣть.

— Что, она ужъ привыкаетъ понемножку къ этой жизни на границѣ, о которой ходятъ такія темныя легенды?

— Моя жена по истинѣ героиня. Намъ не мало пришлось терпѣть въ первое время отъ наглости населенія и отъ нападеній, даже довольно серьезныхъ. Но Лаура была просто поразительна! Она исполняла свои обязанности такъ весело и съ такимъ самоотверженіемъ, что дѣйствовала на насъ ободряющимъ образомъ, честное слово! Просто не вѣрится, чтобы женщина, такая нѣжная и робкая на видъ, могла обладать такой твердостью характера, мужествомъ и самопожертвованіемъ! Что еще прибавить къ этому? Сердце у нея безгранично; она готова на все, если только дѣло касается того, чтобы оказать какую-нибудь услугу. Словомъ, это нашъ ангелъ хранитель, и здѣсь всѣ ее обожаютъ.

— Вотъ это такъ похвала,—отвѣтилъ Вильямсъ.—Ну, а что ваше юное потомство?

— Ростутъ, какъ настоящіе шампиньоны! Люси, старшая моя дочь, уже помогаетъ въ домѣ, хотя ей всего тринадцатый годъ; это уже совсѣмъ маленькая женщина и правая рука матери. Джорджъ—тотъ отчаянный сорванецъ! Я никогда не видалъ болѣе подвижного и шаловливаго ребенка.

— Но вѣдь ему всего одиннадцать лѣтъ, пускай себѣ пока побѣсится немного; потомъ, съ возрастомъ его бурный характеръ будетъ все болѣе и болѣе стихать и успокаиваться.

— Я и не запрещаю ему шалить. Шумныя, горячія натуры оказываются часто самыми лучшими.

— Вы правы. Но разскажите про вашихъ двухъ младшихъ дочеряхъ, я ихъ совсѣмъ не знаю.

— И сами въ этомъ виноваты, милый мой! Они родились на плантаціи, куда вы являетесь сегодня въ первый разъ (не примите этого за упрекъ). Но успокойтесь, вы ихъ сейчасъ увидите. Дженни, моей третьей, десять лѣтъ; она кроткая, нѣжная и немного застѣнчивая, но у нея прекрасное

любящее сердечко. Послѣдній мой наслѣдникъ мальчикъ девяти лѣтъ; онъ очень милъ и по характеру похожъ на Дженни; его зовутъ Джемсомъ.

— Честное слово, вы живете, какъ въ раю: чудесная жена и четверо прелестныхъ дѣтей—да вы навѣрное счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ!

— Это такъ и есть, мой другъ, я такъ счастливъ, что по временамъ даже пугаюсь своего счастья!

— Ну, вотъ! Просто наслаждайтесь и не думайте ни о какихъ ужасахъ.

— Я такъ и дѣлаю.

— И прекрасно.

— Но, самъ не знаю почему, я съ нѣкоторыхъ поръ чувствую безпокойство.

— Безпокойство! Но почему-же, Курти?

— Самъ не знаю; можетъ-быть, это предчувствіе какого-нибудь несчастія.

— Ну, полно шутить!

— Я вовсе не шучу, другъ мой; вотъ ужъ съ мѣсяцъ, какъ у меня завелись плохіе сосѣди, которые причиняютъ мнѣ заботы.

— Сосѣди? Въ такомъ пустынномъ мѣстѣ?

— Да, въ 400—500 верстъ отсюда; они явились вечеромъ, расположились лагеремъ и, вмѣсто того, чтобы отправляться далѣе, живутъ съ тѣхъ поръ здѣсь.

— Что вамъ за дѣло до этихъ людей? У васъ съ ними нѣтъ ничего общаго.

— Такъ-то такъ, но меня пугаетъ ихъ близость.

— Пугаетъ за васъ самихъ?

— Богъ мой, конечно, нѣтъ! Но я боюсь за своихъ.

— Но въ чемъ-же наконецъ дѣло?

— Я боюсь, какъ-бы эти люди не были скваттерами: ихъ много тутъ появилось въ этихъ мѣстахъ за послѣдніе мѣсяцы, а раньше они никогда не жили здѣсь.

— А, чортъ возьми! Это было-бы скверно. Но увѣрены-ли вы, что это скваттеры?

— По крайней мѣрѣ, на то очень похоже по всѣмъ признакамъ.

— Было уже у васъ столкновеніе съ ними?

— Нѣтъ, пока еще нѣтъ; они только поселились очень близко отъ границы моихъ владѣній!

— Пока они не явятся къ вамъ, нечего и толковать объ этомъ.

— Да, но я теперь всегда настороже.

— Это очень благоразумно! Но однако....

— Тс! Мы пришли, и больше ни слова объ этомъ: моя жена не должна ничего знать.

— Вполнѣ разумно.

— Мы поболтаемъ на досугѣ. Вѣдь вы пробудете у насъ нѣкоторое время?

— Даже мѣсяцъ, если вы ничего не имѣете противъ.

— Ну, скажемъ ужъ два мѣсяца!

— Будь по вашему! Вы видите, что я не церемонюсь съ вами.

— Я вамъ за это только благодаренъ!

Съ этими словами оба друга подошли къ подъемному мосту, гдѣ ихъ ждала госпожа Курти, окруженная дѣтьми, стараясь разглядѣть издали гостя, такъ неожиданно нарушившаго уединеніе ихъ тихой жизни среди пустынной мѣстности.

Глава III.

Глава, изъ которой узнается масса интересныхъ вещей.

Какъ только дѣти узнали пріѣхавшаго, они бросились къ нему на встрѣчу, хлопая въ ладоши, испуская радостные крики и не слушая матери, которая напрасно пробовала удержать ихъ около себя. Впрочемъ, попытки ея были очень слабыя, и скоро она сама приняла участіе въ выраженіи шумнаго восторга, двинувшись, хотя и медленно, навстрѣчу

къ путешественнику, отважившемуся на такой смѣлый подвигъ, какъ пріѣздъ въ ихъ пустыню.

Вильямсу Гранмензону было пятьдесятъ пять лѣтъ. Лицо его, въ высшей степени симпатичное, было красиво, съ правильными чертами и добрымъ, немного безпечнымъ выраженіемъ глазъ. Онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ и имѣлъ очень изящныя руки. Онъ приходился дальней родней Курти и былъ сильно привязанъ ко всей семьѣ. Рано овдовѣвъ, онъ не захотѣлъ женится вторично, убѣжденный—основательно или нѣтъ, это уже его дѣло—въ томъ, что ему не найти второго такого-же ангела, какимъ была его покойная жена и память о которой онъ хранилъ, какъ святыню, въ глубинѣ своей души. Очень богатый и бездѣтный, онъ перенесъ всю свою нѣжность и любовь на Люси, старшую дочь полковника и свою крестницу.

— Наконецъ-то вы къ намъ пріѣхали,—сказала госпожа Курти, протягивая ему руку. — Такъ вы еще не совсѣмъ насъ забыли?

— Васъ забыть!—живо вскричалъ пріѣзжій.—Нѣтъ, вы не могли подумать—вы слишкомъ хорошо знаете меня!

— Я не хотѣла вамъ сдѣлать упрека, но вѣдь вотъ уже восемь лѣтъ, какъ мы не видались. Послѣдній разъ вы были у насъ въ Новомъ Орлеанѣ.

— Сознаюсь въ этомъ.

— Не огорчай его больше, — вступился полковникъ. — Вильямсъ обѣщалъ мнѣ провести съ нами цѣлыхъ два мѣсяца.

— Правда-ли это, по крайней мѣрѣ?—спросила молодая женщина.

— Я-бы съ удовольствіемъ остался у васъ навсегда. Гдѣ мнѣ можетъ быть лучше, чѣмъ здѣсь? Я останусь у васъ, пока вы меня не прогоните!—прибавилъ онъ смѣясь.

— Въ добрый часъ, вотъ это я понимаю.

И она протянула Вильямсу руку, которую тотъ горячо пожалъ.

Съ самаго пріѣзда, Гранмезонъ сдѣлался въ буквальномъ смыслѣ жертвой дѣтей плантатора. Люси какъ старшая и

потому болѣе сдержанная, чѣмъ другія дѣти, крѣпко поцѣловала своего крестнаго отца, зная, что пользуется его особенной любовью, и потомъ слегка толкнувъ въ его объятія своего маленькаго брата и сестру, сказала ему съ покровительственной улыбкой:

— Вотъ, крестный папа, мой младшій братъ и сестренка! Они еще не знаютъ васъ, но я имъ часто разсказывала, какой вы добрый, такъ что они уже любятъ васъ.

Дѣти, застѣнчивыя и дикія, смотрѣли глазами испуганной газели на этого высокаго старика, котораго они никогда не видали, но который имѣлъ такой добрый видъ, что они готовы были полюбить его.

— Правда это?—спросилъ Гранмезонъ, поднимая дѣтей на руки и цѣлуя ихъ.—Такъ вы любите меня, мои крошки?

— О, да, крестный папа! отвѣтили въ одинъ голосъ оба маленькіе дикаря, уже наполовину прирученныхъ.

— Боже мой, что за славный народъ—дѣти!—вскричалъ добрякъ со слезами на глазахъ.—И какое счастье имѣть дѣтей, если они похожи на этихъ!

— Я тоже очень люблю васъ, — сказалъ Джорджъ; — и охотно поцѣлую васъ. Но сначала пойду посмотрѣть, позаботились-ли о вашей лошади. Вѣдь ужъ я мужчина!—прибавилъ онъ съ комической важностью.

— Вотъ это хорошо, иди, только возвращайся поскорѣе.

— О, объ этомъ не стоитъ и говорить: карманы вашего пальто слишкомъ подозрительно оттопырены, чтобы тамъ не нашлось для меня какого-нибудь сюрприза.

— Ахъ, ты, хитрецъ!—сказала Гранмезонъ, грозя ему пальцемъ.

— Однако, Джорджъ, что ты тамъ болтаешь?!—строго замѣтила госпожа Курти.

— О, мама!—живо вскричала Люси.—Не брани Джорджа. Вѣдь онъ сказалъ это, потому что знаетъ привычки моего крестнаго папы.

— Вотъ это хорошо сказано!—проговорилъ Гранмезонъ.

— Спасибо, сестричка, ты добра, какъ и всегда.

И Джорджъ, нѣжно поцѣловавъ сестру, выкинулъ какое-то радостное антраша́ и убѣжалъ.

— Вѣтренная голова!—сказала госпожа Куртисъ, слѣдя глазами за сыномъ съ той нѣжной улыбкой, которая свойственна только истиннымъ матерямъ и ясно выражаетъ всю ихъ безграничную любовь.

— Да, у него вѣтеръ ходитъ въ головѣ, но онъ славный и сердечный мальчикъ.

— О, да, крестный папа, Джорджъ, правда, большой шалунъ, но такъ добръ, что на него нельзя сердится.

— Такъ что ему все сходитъ съ рукъ?

— Люси боготворитъ своего брата и балуетъ его!—сказала госпожа Курти.

— Конечно, мама, вѣдь онъ-же мой братъ.

— Гм! Моя крестная дочь умѣетъ заговаривать зубы.

Дѣвочка улыбнулась, видимо польщенная этимъ мнѣніемъ.

— Крестный папа, васъ ждетъ завтракъ.

— И правда, а я-то совсѣмъ и забыла объ этомъ!—вскричала госпожа Курти.

— Это очень понятно, мама, вѣдь у тебя такъ много дѣла, что ты можешь иногда забыть что-нибудь.

— Ну, смотрите пожалуйста, — произнесла мать съ сіяющимъ взглядомъ;—что вы на это скажете?

— Я повторю, что моя крестница тонкая дипломатка, и поэтому-то, конечно, всѣ и любятъ ее; какъ она этого достигаетъ,—это ужъ ея секретъ.

— О, мой секретъ очень простой!

— Посмотримъ-ка, въ чемъ онъ состоитъ?

— Въ томъ, чтобы быть умной, слушаться мама́ и папа́, чтобы подавать хорошій примѣръ младшимъ братьямъ и сестрѣ—вѣдь я самая старшая.

— Да это ужъ совсѣмъ взрослая маленькая женщина! О, еслибы у меня была такая дочь!

— Но вѣдь я и люблю васъ, какъ отца.

— И то правда!—вскричалъ Гранмезонъ растроганнымъ

голосомъ и прибавилъ,— изъ дѣтей, разсуждающихъ такъ логично, вышли бы самые краснорѣчивые ораторы конгрессовъ!

— Потому что они говорятъ отъ чистаго сердца и видятъ вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Сердце ребенка — это зеркало, въ которомъ отражаются всѣ впечатлѣнія, дурныя и хорошія, такими каковы они есть на самомъ дѣлѣ.

Разговаривая такимъ образомъ, они вошли въ столовую, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Одна только Люси отстала немного отъ другихъ, чтобы поздороваться съ Черной Птицей, индѣйскимъ вождемъ, къ которому она питала особенное пристрастіе.

— А!—вскрикнулъ Гранмезонъ, оборачиваясь назадъ.— Моя крестница ведетъ серьезный разговоръ съ моимъ проводникомъ индѣйцемъ. Такъ она знаетъ его?

— Черную-то Птицу! мы его всѣ здѣсь знаемъ и любимъ: это славный воинъ и честный человѣкъ, хотя и краснокожій. Онъ другъ Люси и находится подъ ея особымъ покровительствомъ.

— Какъ? Она дружна съ этимъ индѣйцемъ?

— Богъ мой, ну, да, я послѣ разскажу всю эту исторію но сначала вамъ надо подкрѣпиться.

— Я могу отлично слушать и въ то-же время ѣсть и пить. Мнѣ очень интересно узнать поскорѣе, отчего завязалась дружба между моей крестницей и этимъ дикаремъ.

— И вы останетесь довольны. Слушайте только меня хорошенько!

— Я весь превратился въ слухъ.

И Гранмезонъ въ то-же время сталъ уничтожать вкусныя кушанья, поставленныя передъ нимъ, съ волчьимъ аппетитомъ истаго путешественника.

Для бо̀льшей ясности разсказа, мы замѣнимъ госпожу Курти, чтобы дать возможность читателю узнать всю истину цѣликомъ, которую мать прелестной дѣвочки знала только отчасти. Люси-же сама была слишкомъ скромна, чтобы выставить себя въ настоящемъ свѣтѣ, и не разска-

зывала матери всей правды.—За девять или десять мѣсяцевъ до начала нашей исторіи, мать послала Люси отнести лекарства къ одному изъ фермеровъ, жена котораго была довольно серьезно больна. Такъ какъ дорога была не близкая, то она поѣхала верхомъ на спокойномъ пони и въ сопровожденіи великолѣпной ньюфаундлендской собаки, которыя такъ часто встрѣчаются на пріискахъ въ Сѣверной Америкѣ. Собака эта, по имени Добрякъ, была не старше полутора лѣтъ, но огромнаго роста и обладала чудовищной силой; для дѣвочки, которую собака очень любила, она представляла вполнѣ солидный конвой. Поэтому, когда Люси выѣзжала куда-нибудь изъ дому, она всегда брала съ собой Добряка, въ обществѣ котораго ей не могли быть страшны никакія встрѣчи. Поговоривъ съ фермеромъ и исполнивъ порученіе матери, дѣвочка стала уже подумывать объ обратномъ пути: было четыре часа дня, дорога предстояла не близкая, и Люси не хотѣла заставить мать безпокоиться объ ней. И такъ, она попрощалась съ семействомъ фермера, сѣла на своего пони и поѣхала домой; передъ лошадью бѣжалъ Добрякъ, играя по своему обыкновенію роль развѣдчика. Доѣхавъ до тропинки, хорошо извѣстной ей и сокращавшей дорогу на цѣлыхъ полчаса, Люси не задумываясь повернула по ней, хотя тропинка была неудобная для ѣзды и почти пустынная. Беззаботно подвигаясь впередъ, она напѣвала въ полголоса одну изъ хорошенькихъ Рождественскихъ пѣсенокъ, которой научила ее мать, срывала цвѣты съ кустовъ и смотрѣла своими глазами газели на птичекъ, которыя, выглядывая изъ густой зелени, точно посылали ей свой привѣтъ. Вдругъ Добрякъ, спокойно бѣжавшій до этого времени впереди, сталъ обнаруживать безпокойство и тихонько ворчать.

— Что съ тобой, мой Добрякъ?—сказала дѣвочка, оглядываясь по сторонамъ.

Собака посмотрѣла на свою хозяйку тѣмъ выразительнымъ, почти человѣческимъ взглядомъ, какимъ смотрятъ эти умныя животныя. Потомъ она тихонько залаяла и въ одно

мгновеніе исчезла въ густомъ кустарникѣ, окружавшемъ съ обѣихъ сторонъ тропинку. Люси, слегка встревоженная, поѣхала скорѣе, какъ вдругъ Добрякъ снова показался изъ кустовъ, испустивъ долгій и такой пронзительный вой, что она вздрогнула отъ страха. Затѣмъ собака кинулась на нее сзади и, вставъ на заднія лапы, стала тянуть ее внизъ за юбку, смотря на нее при этомъ особенно трогательно и точно умоляя сойти съ пони. Дѣвочка, какъ воспитанная умной матерью, отъ которой слышала разсказы, развившіе въ ней находчивость въ разныхъ случаяхъ, не боялась какихъ-нибудь вымышленныхъ опасностей.

— Чего ты хочешь отъ меня, Добрякъ?

Животное удвоило свои старанія.

— Ты хочешь, должно быть, чтобы я сошла съ лошади?

Добрякъ тихонько залаялъ.

Тогда Люси, не колеблясь болѣе, соскочила на землю и, привязавъ пони, чтобы онъ не убѣжалъ, сказала, лаская умную собаку.

— Ну, а теперь что мнѣ надо дѣлать?

Добрякъ залаялъ, бросился впередъ и сейчасъ-же вернулся назадъ, точно приглашая ее слѣдовать за собою.

Люси сейчасъ-же поняла, чего хотѣла отъ нея собака.

— Ну, иди впередъ, Добрякъ,—сказала она, лаская ее,— а я пойду за тобой.

Собака не заставила повторить это приказаніе и пустилась бѣжать. Но, добѣжавъ до одного мѣста въ кустахъ, она, вмѣсто того, чтобы скрыться въ нихъ, остановилась, точно давая время своей госпожѣ подойти къ ней.

— Ну, что-же станемъ теперь дѣлать?—сказала весело Люси.

Собака взглянула на нее, помахала хвостомъ и скрылась въ кустахъ. Дѣвочка пошла за ней слѣдомъ. Ей не пришлось идти долго: шагахъ въ шестнадцати отъ нея, наполовину скрытый въ кустахъ, лежалъ на землѣ человѣкъ, неподвижно, точно мертвый. При видѣ его, Люси поблѣднѣла и задрожала всѣмъ тѣломъ; она сдѣлала даже неволь-

ное движеніе, чтобы убѣжать прочь, но почти сейчасъ-же поборола свое нервное волненіе и, видя, что собака лижетъ руки этого человѣка, медленно, но рѣшительно подошла къ нему.

Это былъ индѣецъ; тѣло его было разрисовано, какъ у воина, а оружіе лежало около него на землѣ. Дѣвочка нагнулась къ нету и, хотя съ нѣкоторымъ колебаніемъ, смѣшаннымъ съ чувствомъ отвращенія, положила правую руку ему на лобъ.

— Онъ еще живъ!—прошептала она.—Я должна спасти его, если только возможно.

Она бросилась на дорогу, уже безъ всякаго колебанія, сняла чемоданчикъ, привязанный на спинѣ пони, и вернулась бѣгомъ въ кусты, гдѣ ждалъ ее Добрякъ, добровольно взявшій на себя обязанность сторожа при бѣдномъ индѣйцѣ въ отсутствіе своей хозяйки. Увидѣвъ ее, онъ радостно завизжалъ, помахивая хвостомъ точно въ знакъ благодарности Люси, къ которой вернулось все ея самообладаніе, какъ только она поняла, что дѣло идетъ о спасеніи человѣка, поспѣшно открыла чемоданчикъ и вынула оттуда все необходимое для перевязки, такъ какъ замѣтила на груди индѣйца рану, изъ которой текла кровь. Съ удивительной быстротой и ловкостью она перевязала ему рану, предварительно вымывъ ее хорошенько. Потомъ, сдѣлавъ это, она откупорила маленькую стклянку съ крѣпкой солью и поднесла ее къ носу раненаго. Странное зрѣлище представляла эта двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, нѣжная и миніатюрная, самымъ старательнымъ образомъ ухаживающая въ глухомъ лѣсу за дикаремъ-великаномъ свирѣпаго и отталкивающаго вида, благодаря своему раскрашенному тѣлу, и улыбающаяся ему кротко, между тѣмъ какъ ея собака лизала руки раненаго. Прошло не мало времени, пока раненый не подалъ признаковъ жизни и не пришелъ вп себя. Онъ бросилъ вокругъ себя растерянный взглядъ, потомъ, когда сознаніе окончательно вернулось къ нему, произнесъ нѣсколько словъ, которыхъ Люси не поняла.

— Вы чувствуете себя лучше, не правда-ли?

— О!—произнесъ индѣецъ съ трудомъ.—Моя дочь спасла меня, она добра. Самъ Владыка жизни послалъ ее ко мнѣ, чтобы вернуть меня на землю, когда я видѣлъ уже лѣса, въ которыхъ охотятся мои предки.

— Это Богъ устроилъ такъ, что моя собака открыла васъ здѣсь и привела меня. А потомъ ужъ я сдѣлала, что могла, чтобы вернуть васъ къ жизни. Выпейте вотъ это, — прибавила она, поднося къ его губамъ ромъ, смѣшанный съ водой.—Это вовзратитъ вамъ силы.

— Это сама жизнь влилась въ мои члены,—сказалъ индѣецъ, выпивъ напитокъ и возвращая стаканъ дѣвочкѣ. — Моя дочь великая чародѣйка! Я обязанъ ей жизнью.

— Нѣтъ, я вовсе не чародѣйка!—отвѣтила со смѣхомъ Люси,—но мои папа и мама учили меня, что надо всегда дѣлать добро, когда только можешь.

— Отецъ и мать моей дочери—умные и добрые люди; и они должно быть счастливы, что имѣютъ такую дочь.

— Вы можете ихъ скоро увидѣть, если только вы въ силахъ идти: мы не дальше, какъ въ четверти версты отъ ихъ дома.

— Хорошо,—отвѣтилъ индѣецъ.—Черная Птица—не убогая старуха, а воинъ и вождь своего народа, и попробуетъ отправиться въ путь.

— Ну, въ такомъ случаѣ выпейте еще глотокъ, это васъ подкрѣпитъ.

— Нѣтъ, вождь не станетъ больше пить, онъ чувствуетъ себя сильнымъ. Вотъ смотрите!

Индѣецъ собралъ всѣ свои силы [и попробовалъ подняться на ноги, но голова у него закружилась, онъ зашатался и едва не упалъ.

— Обопритесь на мое плечо, я сильнѣе, чѣмъ кажусь на видъ!—вскричала Люси, быстро подбѣгая къ нему.

— Нѣтъ,—сказалъ индѣецъ, мягко отклоняя ее.—Пусть моя дочь оставитъ меня одного: она увидитъ, что въ силахъ сдѣлать воля вождя.

Дѣйствительно, въ скоромъ времени, опираясь на свое ружье, Черная Птица сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Но, едва онъ вышелъ изъ кустовъ на дорогу, какъ силы оставили его, онъ покачнулся и принужденъ былъ опереться о дерево.

— Постойте,—сказала Люси,—я сейчасъ сяду на своего пони и черезъ полчаса вернусь уже къ вамъ съ помощью.

Индѣецъ печально покачалъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, проговорилъ онъ, что будетъ со мной, когда моя дочь покинетъ меня?

— Но вѣдь я сейчасъ-же вернусь съ нашими людьми, обѣщаю вамъ это, вождь!—отвѣтила дѣвочка.

— Нѣтъ, нѣтъ, Черная Птица не хочетъ разстаться съ Лѣснымъ Шиповникомъ, онъ пойдетъ тоже! Пусть только моя дочь дастъ ему лекарства.

Люси протянула ему стаканъ, и индѣецъ осушилъ его однимъ духомъ.

— Идемъ, — сказалъ онъ, возвращая пустой стаканъ. — Теперь Черная Птица достаточно силенъ.

И онъ бодро пустился въ путь.

Глава IV.

Глава, въ которой читатели обстоятельно знакомятся съ героиней этой правдивой исторіи.

Уже много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Люси уѣхала изъ дому на ферму. Солнце давно сѣло, наступила ночь, а она все не возвращалась. Ея отецъ и мать страшно безпокоились, стараясь придумать, что-бы могло случиться съ нею. Она не могла остаться такъ долго на фермѣ. Не заблудилась-ли она по дорогѣ? Но это было почти невѣроятно. Полковникъ и его жена не знали, что дѣлать. Управляющій плантаціи, посланный къ фермеру, успѣлъ вернуться, но по его разстроенному лицу видно было, что онъ привезъ дурныя вѣсти. Дѣйствительно, ему сказали тамъ, что Люси выѣхала изъ фермы около половины четвертаго,

и съ тѣхъ поръ никто ее не видѣлъ. Очевидно съ ней случилось какое-нибудь несчастіе. Но какое? Всего самаго худшаго можно было ожидать при подобныхъ обстоятельствахъ.

По распоряженію полковника, десять человѣкъ, верхомъ на лошадяхъ, бросились въ разныя стороны на поиски за бѣдной дѣвочкой. Съ госпожей Курти сдѣлался нервный припадокъ, послѣ котораго она почти лишилась чувствъ. Розыски продолжались около трехъ часовъ, но не привели ни къ какому результату, какъ вдругъ послышался громкій лай.

— Это лаетъ Добрякъ!—вскричалъ полковникъ.—Я узнаю его отрывистый лай. Онъ никогда не покидалъ моей дочери; что можетъ значить этотъ лай?

— Навѣрное онъ зоветъ насъ на помощь!—сказалъ управляющій.—Вѣдь вы знаете, какой онъ умный. Откуда слышится лай?

— Звуки доносятся съ той глухой тропинки, которую мы прозвали тропинкой краснокожихъ.

— Но моя дочь не рискнула-бы поѣхать по этой запущенной и почти непроходимой дорожкѣ.

— Эта тропинка сокращаетъ дорогу, полковникъ. Во всякомъ случаѣ на этой тропинкѣ происходитъ въ данное время кое-что очень интересное для насъ, и намъ не мѣшало-бы поѣхать по направленію къ ней.

— Пожалуй, вы и правы, мы не должны ничѣмъ пренебрегать; боюсь только, что изъ этого не выйдетъ того результата, на который мы надѣемся.

— Какъ знать! вѣдь извѣстно, что Добрякъ никогда не покинетъ миссъ Люси.

— Это правда, собака вѣрна ей, какъ тѣнь. Такъ идемъ-же скорѣе туда, когда она насъ зоветъ. Впередъ, друзья мои, впередъ!

Пригнувшись къ гривамъ лошадей, отрядъ верховыхъ поскакалъ по направленію къ тропинкѣ краснокожихъ.

Несмотря на свое мужество и необыкновенную энергію, Черная Птица не въ силахъ былъ дойти до дома планта-

тора, какъ ни близко было разстояніе до него: онъ слишкомъ много потерялъ крови и силы его истощились. Нѣсколько разъ онъ падалъ, и послѣ этого ему стоило большого труда подняться на ноги. Два раза онъ даже терялъ сознаніе. Наконецъ, онъ не въ силахъ уже былъ встать съ земли и лежалъ неподвижно, не обнаруживая признаковъ жизни.

Тогда Люси пришла въ полное отчаяніе.

Она не рѣшалась бросить несчастнаго дикаря, которому уже оказала столько услугъ, и не знала, что ей дѣлать. Ея силы тоже приходили къ концу! Давно уже прошелъ тотъ часъ, когда она должна была вернуться домой, и она живо рисовала въ своемъ воображеніи безпокойство родитетелей. Въ такомъ состояніи ее эастала ночь; тогда ея отчаяніе сдѣлалось безграничнымъ. Надо однако отдать справедливость Люси: втеченіи всѣхъ этихъ долгихъ часовъ, такихъ тяжелыхъ и тревожныхъ, ей ни разу не пришло въ голову бросить раненаго, котораго она такъ счастливо спасла отъ смерти; напротивъ, мысль о немъ только и поддерживала энергію ея добраго и великодушнаго сердца, для котораго выше всего стоялъ долгъ. Въ то время, какъ она ухаживала за несчастнымъ, Добрякъ, который ни на шагъ не отставалъ отъ своей госпожи, вдругъ съ громкимъ лаемъ бросился впередъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросила себя Люси.—Ужъ не поѣхали-ли искать меня?—И, бросивъ сострадательный взглядъ на раненаго, который все еще лежалъ безъ признаковъ жизни, она прибавила:

— Какое это было-бы счастье! Онъ былъ-бы тогда спасенъ

По обыкновенію, она забывала о себѣ, думая только о другихъ. Скоро раздался топотъ лошадей.

— Ѣдутъ! вскричала она, складывая руки въ волненіи. Отчаянный лай Добряка перешелъ въ радостный визгъ.

— Это мой отецъ!—вскричала Люси.—Теперь *онъ* спасенъ! (подъ *нимъ* она разумѣла индѣйца).

Почти въ тоже мгновеніе нѣсколько всадниковъ, вооруженныхъ факелами, показались на тропинкѣ.

— Папа! сказала Люси, и бросилась къ нему, заливаясь слезами. Полковникъ поднялъ дочь на руки и сталъ осыпать ее самыми страстными ласками.

— Злая дѣвочка!—проговорилъ онъ, все еще покрывая ея лицо поцѣлуями.—Какъ ты встревожила меня и мать!

— О, я знаю это! Я сама была въ отчаяніи, что не могла вернуться во время.

— Какъ, не могла вернуться? Такъ тебя задержали противъ твоей воли?

— О, нѣтъ, никто меня не задерживалъ! Но я не могла вернуться, хотя и хотѣла этого, простите меня!

И изъ ея хорошенькихъ глазъ опять полились слезы.

— Ну, не плачь-же, Люси, осуши твои глазки. Я прощаю тебя, только ты разскажи мнѣ все толкомъ.

— Конечно, разскажу, папа! — отвѣтила Люси, обнимая отца.

— Ну, вотъ и отлично. А теперь намъ надо скорѣй торопиться домой.

— О, да, отецъ, я очень хочу поскорѣе обнять маму. Но я не могу его бросить. Несчастный! что съ нимъ теперь будетъ?

— Съ кѣмъ? О какомъ несчастномъ ты говоришь? Что все это значитъ?

— Это бѣдный раненый индѣецъ, котораго нашелъ Добрякъ въ кустахъ еле живого и которому мнѣ удалось, кажется, спасти жизнь.

— Что ты тамъ болтаешь, малютка?

— Я говорю правду, папа!

— Ты спасла жизнь какому-то человѣку?

— Насколько только это было въ моихъ силахъ.

— Гдѣ-же онъ?

— Здѣсь, въ кустахъ, гдѣ Добрякъ стоитъ, точно на часахъ.

— И ты говоришь, что это краснокожій?

— Да, это индѣйскій вождь; онъ сказалъ мнѣ, что его зовутъ Черной Птицей.

— Онъ раненъ?

— У него рана на груди. Когда я его нашла, онъ лежалъ въ лужѣ крови.

— И ты не испугалась?

— О, да, испугалась, папа, и даже очень, но вспомнила, что вы мнѣ говорили и чему всегда учили и это придало мнѣ мужества, такъ что я попробовала помочь ему.

— Это хорошо, очень хорошо, Люси! Ты поступила, какъ и слѣдовало поступить, повинуясь голосу сердца и принципамъ гуманности: спасать человѣческую жизнь—это великое и славное дѣло! Вмѣсто того, чтобы бранить тебя, я поздравляю тебя съ твоимъ хорошимъ поступкомъ.

— Такъ вы не сердитесь на меня за тѣ огорченія, которыя я вамъ причинила?—скромно спросила Люси.

— Бѣдная, милая моя дѣвочка!—сказалъ полковникъ, обнимая и прижимая дочь къ своей груди.—Посмотримъ-же на твоего раненаго.

— Вы сжалитесь надъ нимъ, не правда-ли, хотя онъ только индѣецъ?—спросила Люси дрожащимъ голосомъ.

— Всѣ люди равны, когда они страдаютъ, дитя мое!—отвѣтилъ полковникъ.—Я сдѣлаю все, чтобы только твое доброе дѣло не осталось втунѣ.

— О, благодарю!—вскричала Люси съ волненіемъ.

Скоро они дошли до мѣста, гдѣ лежалъ раненый. Черная Птица началъ только что приходить въ сознаніе послѣ глубокаго обморока. Полковникъ сошелъ съ лошади и подошелъ къ индѣйцу, который дѣлалъ усилія подняться съ земли и сѣсть.

— Вы чувствуете себя лучше, вождь?—спросилъ привѣтливо полковникъ.

— Черной Птицѣ хорошо!—отвѣтилъ тотъ медленнымъ и гортаннымъ голосомъ.—Лѣсной Шиповникъ вернулъ его къ жизни! Безъ нея, онъ черезъ нѣсколько часовъ отправился-бы

въ лѣсъ, чтобы охотиться со своими предками въ благословенныхъ лугахъ!

— Хорошо, вождь, и—съ Божьей помощью—мы закончимъ, надѣюсь то, что моя дочь такъ успѣшно начала. Вамъ нечего меня опасаться: въ моихъ намѣреніяхъ нѣтъ ничего дурнаго.

— Вы—отецъ Лѣсного Шиповника; развѣ я могу васъ бояться? Отецъ такой дочери долженъ быть добрымъ! Пускай мой братъ дѣлаетъ со мной, что хочетъ; я вполнѣ довѣряю ему.

— И это довѣріе не будетъ обмануто, вождь; я велю перевести васъ въ свой домъ, гдѣ за вами будетъ самый тщательный уходъ, какой только потребуется вашимъ состояніемъ.

— Мой отецъ хорошо сказалъ, и Черная Птица благодаритъ его! Онъ не забудетъ этого.

По распоряженію полковника, Леонъ Маркэ сейчасъ-же устроилъ носилки, которыя покрыли плащами и положили на нихъ раненаго, чтобы перенести его такимъ образомъ домой. Но, такъ какъ шествіе съ носилками могло подвигаться только очень медленно и съ большими предосторожностями, то полковникъ послалъ впередъ человѣка къ своей женѣ, чтобы скорѣй успокоить ее, что Люси найдена, находится внѣ опасности и что она ее скоро увидитъ здоровой и невредимой. Эти добрыя вѣсти моментально вылечили госпожу Курти точно по волшебству, прекративъ ея мучительное безпокойство; и ей захотѣлось пойти на встрѣчу къ дочери, хотя-бы только до подъемнаго моста, что она и исполнила. Здѣсь она ждала около трехъ четвертей часа, пока наконецъ, не увидала вдали огоньковъ, мерцавшихъ среди ночной темноты: это былъ свѣтъ отъ факеловъ которыми были вооружены всадники. Затѣмъ она услышала топотъ лошадей, которыя скакали галопомъ. Вскорѣ она различила еще неясные силуэты двухъ всадниковъ; они ѣхали во главѣ отряда. Ея сердце усиленно забилось: это былъ ея мужъ и дочь. Тогда начались объятія и безконечные поцѣлуи.

— Нехорошая дѣвочка! — вскричала госпожа Курти, обнимая дочь, послѣ того, какъ первое волненіе немного утихло.

— Милая Лаура!—сказалъ полковникъ.—Не брани дочь и не упрекай ее, а напротивъ—поздравь за то, что она воспользовалась уроками, которые мы ей давали, и такъ успѣшно примѣнила ихъ на практикѣ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—вскричала она съ удивленіемъ.—Что-же такое сдѣлала Люси?

— Великій и великодушный поступокъ, за который нельзя достаточно расхвалить ее! Вотъ тамъ несутъ одного человѣка индѣйскаго вождя, опасно раненаго: онъ обязанъ жизнью нашей Люси. Это и было причиной, задержавшей ее въ дорогѣ и доставившей намъ столько страха.

— Боже мой, неужели это возможно? Неужели Люси дѣйствительно сдѣлала это?

— Посмотри, вотъ и самъ раненый!

— О, дорогое дитя мое!—вскричала мать.

Черную Птицу уложили въ постель въ одной изъ комнатъ, предназначенныхъ для гостей. Люси помѣстилась у его изголовья, и съ этой минуты исполняла обязанности сидѣлки все время, пока длилась его болѣзнь, которая затянулась надолго, потому что рана была изъ очень тяжелыхъ. Наконецъ, больной сталъ поправляться. Поговорка краснокожихъ, что „неблагодарность есть порокъ бѣлыхъ, а благодарность—добродѣтель краснокожихъ“,—вполнѣ оправдалась въ данномъ случаѣ. Черная Птица чувствовалъ живую признательность къ полковнику и его женѣ за всѣ заботы о немъ, чувство-же его къ Люси переходило всѣ границы чувствъ, внушенныхъ благодарностью за благодѣяніе: это была не просто признательность, а какое-то обожаніе, доходящее до фанатизма, той, которой онъ обязанъ былъ спасеніемъ; и онъ безъ колебанія и съ радостью отдалъ-бы за нее свою жизнь. Было еще одно существо, къ которому индѣецъ питалъ искреннюю привязанность, и это существо было никто иной, какъ Добрякъ, который первый нашелъ

его умирающимъ и привелъ къ нему ту, которая спасла его.

Наконецъ, послѣ четырехъ долгихъ мѣсяцевъ страданій, Черная Птица окончательно выздоровѣлъ и къ нему вернулись его прежнія силы. Однажды рано утромъ, когда солнце еще только показалось на горизонтѣ, онъ явился къ полковнику и его женѣ, горячо поблагодарилъ ихъ за все то, что они сдѣлали для него, и выразилъ имъ желаніе вернуться къ своимъ. Полковникъ подарилъ ему на прощанье прекрасную степную лошадь, далъ на дорогу пороху, пуль и провизіи, и ласково сказалъ:

— Мой братъ, какъ свободный человѣкъ, можетъ вернуться къ своимъ; но этотъ домъ будетъ всегда открытъ для него и, когда только онъ пожелаетъ вернуться, ему будутъ всегда рады.

Тогда Черная Птица повернулся къ Люси, которая стояла возлѣ матери, склонился передъ нею и, взявъ ея руку, почтительно поднесъ ее къ губамъ, а потомъ прижалъ къ своему сердцу, проговоривъ съ волненіемъ:

— Въ этомъ домѣ остается моя дочь, Лѣсной Шиповникъ!

Съ этими словами онъ оставилъ плантацію.

Послѣ того онъ часто приходилъ дня на три или на четыре къ полковнику, гдѣ его всегда встрѣчали съ удовольствіемъ; но больше и искреннѣе всѣхъ радовалась его приходу Люси.

Разсказъ госпожи Курти о знакомствѣ съ Черной Птицей и хорошемъ поступкѣ ея дочери, который мы только-что передали, занялъ не мало времени и очень заинтересовалъ Гранмезона, которому захотѣлось похвалить дѣвочку; но Люси, вѣроятно подозрѣвая объ этомъ, нарочно не показывалась во время разсказа. Послѣ того, какъ она долго разговаривала съ Черной Птицей, она проводила его на половину разстоянія выстрѣла отъ дома и довела до индѣйской хижины (калли), выстроенной совершенно такъ, какъ строятъ себѣ дома племя команчей, къ которому принадле-

жалъ Черная Птица. Внутреннее устройство хижины вполнѣ гармонировало съ внѣшнимъ видомъ, такъ что можно было легко перенестись мысленно въ пустынныя земли индѣйцевъ.

— Когда вождь будетъ приходить навѣщать своихъ друзей,—сказала Люси индѣйцу со своей милой улыбкой,—онъ будетъ жить въ своемъ „калли". Можетъ быть это сдѣлаетъ его посѣщенія болѣе частыми и продолжительными. Это я сама велѣла построить этотъ „калли"; нравится онъ вождю?

— У Лѣсного Шиповника—нѣжное и деликатное сердце!—отвѣтилъ индѣецъ съ волненіемъ.—Какъ можетъ не нравится то, что она дѣлаетъ? Черная Птица благодаритъ ее!

И онъ почтительно поцѣловалъ ей руку, какъ это обыкновенно дѣлалъ.

Этотъ *калли*, или простая хижина, былъ построенъ Леономъ Маркэ, управляющимъ плантаціи, по просьбѣ дѣвочки и съ позволенія полковника.

Глава V.

Возвращеніе къ прошлому, чтобы лучше освѣтить настоящее положеніе дѣлъ.

Намъ надо теперь немного вернуться назадъ, чтобы опредѣлить положеніе героевъ нашей исторіи въ тотъ моментъ, когда она начинается.

Леонъ Маркэ, управляющій плантаціи, долго служилъ подъ начальствомъ полковника въ качествѣ помощника лейтенанта и затѣмъ лейтенанта; это былъ человѣкъ испытанной честности, которая вошла въ арміи даже въ поговорку. Но, къ сожалѣнію, онъ не получилъ достаточнаго образованія; кромѣ того, у него не было состоянія и умѣнья заставить оцѣнить себя по заслугамъ, чего добиваются чуть не силой люди менѣе робкаго десятка, чѣмъ онъ. Съ такими данными у него не было, понятно, никакихъ шансовъ добиться рано или поздно болѣе высокаго положенія. Онъ былъ очень привязанъ къ полковнику, который съ своей стороны

давно оцѣнилъ его по достоинству и уважалъ. Когда полковникъ получилъ землю, первой его заботой было найти безукоризненно честнаго и умнаго человѣка, къ которому онъ могъ-бы питать полное довѣріе. Не легкая была вещь найти такого человѣка, но къ счастью полковникъ вспомнилъ о своемъ бывшемъ лейтенантѣ.

— Вотъ кого мнѣ надо! — вскричалъ онъ. — Съ нимъ я могъ-бы спать совершенно спокойно, увѣренный въ томъ, что все идетъ отлично,—конечно, если только онъ приметъ мое предложеніе.

Въ тотъ-же день онъ написалъ своему бывшему лейтенанту и послалъ письмо съ нарочнымъ, чтобы быть увѣреннымъ, что оно дойдетъ по назначенію. Черезъ двѣ недѣли лейтенантъ самъ явился къ полковнику. Онъ подалъ въ отставку и принялъ не колеблясь всѣ условія полковника. Полковнику оставалось только гордиться выборомъ, который онъ сдѣлалъ. Какъ всѣ старые солдаты, Леонъ Маркэ былъ прежде всего человѣкомъ долга: всякое отданное приказаніе было для него священно, и онъ даже не допускалъ мысли о томъ, чтобы не исполнить его. Онъ былъ еще не старъ—ему было тридцать восемь лѣтъ,—высокаго роста и по истинѣ атлетическаго сложенія. Онъ превосходно ѣздилъ верхомъ и владѣлъ оружіемъ съ удивительнымъ искусствомъ и вѣрностью прицѣла. Съ восхода и до захода солнца, а зачастую и часть ночи, разъѣзжалъ онъ верхомъ на своей лошадя по плантаціи; онъ наблюдалъ за всѣми работами, которыя здѣсь производились, тѣмъ болѣе, что полковникъ, имѣя къ нему безграничное довѣріе, далъ ему всѣ свои полномочія, что, было, конечно, большой честью для управляющаго, но въ то-же время налагало на него громадную отвѣтственность, такъ какъ ничто не дѣлалось безъ его приказанія.

Разъ утромъ, еще до восхода солнца, управляющій шагомъ объѣзжалъ восточную границу плантаціи, осматривая огромный дѣвственный лѣсъ, девять десятыхъ котораго, если не больше, приходились на участкѣ полковника. Ему нужно было, для однихъ неотложныхъ работъ, большое количество

досокъ, и онъ искалъ какого-нибудь ручейка или рѣчки, на которомъ могъ-бы поставить пильную мельницу; изъ деревьевъ, старыхъ, какъ самъ міръ, окружавшихъ его густой стѣной со всѣхъ сторонъ, могли выйти чудесныя доски, которыя можно было-бы сплавлять по водѣ до того мѣста, гдѣ въ нихъ встрѣчалась-бы надобность. Онъ осмотрѣлъ уже нѣсколько источниковъ, пересѣкавшихъ плантацію, но всѣ они не представляли тѣхъ преимуществъ, которыя онъ искалъ: всѣ, за исключеніемъ одного, протекали слишкомъ далеко отъ того мѣста, гдѣ можно было употребить доски въ дѣло. И вотъ онъ отправился изслѣдовать этотъ единственный подходящій къ его требованіямъ источникъ, какъ вдругъ ему послышались вдали, за деревьями, какіе-то голоса. Леонъ Маркэ сейчасъ-же соскочилъ съ лошади, привязалъ ее къ дереву и, съ ружьемъ въ рукѣ, углубился въ чащу, ступая съ величайшей осторожностью, чтобы не спугнуть тѣхъ, кого онъ хотѣлъ застать врасплохъ.

Въ этомъ направленіи лѣсъ оканчивался широкой лужайкой, какія часто встрѣчаются въ дѣвственныхъ лѣсахъ. Въ нѣсколько минутъ управляющій достигъ этого мѣста, но прежде, чѣмъ проникнуть на лужайку, онъ спрятался въ кустахъ позади стѣны деревьевъ. Его глазамъ представилось пестрое и живописное зрѣлище. Это былъ лагерь переселенцевъ или цыганъ; пять тяжелыхъ повозокъ, очень глубокихъ и крытыхъ просмоленнымъ холстомъ, были связаны вмѣстѣ цѣпями, образуя форму звѣзды; свободное пространство между ними было занято грудами разныхъ вещей. Все это вмѣстѣ составляло маленькое укрѣпленіе, способное выдержать довольно продолжительное нападеніе. Внутри лагеря было отгороженное мѣсто, раздѣленное на двѣ части, и въ немъ находилось около двадцати пяти лошадей, коровы, овцы, козы и три или четыре свиньи. Нѣсколько красивыхъ куръ бродило тамъ и сямъ, роясь въ землѣ съ самымъ беззаботнымъ видомъ.

Три хижины, сплетенныя изъ древесныхъ вѣтокъ, стояли такимъ образомъ, что изъ нихъ получался треугольникъ; та,

которая соотвѣтствовала вершинѣ треугольника, была очевидно предназначена для кухни, другія-же двѣ служили жилымъ помѣщеніемъ для тѣхъ странныхъ и неязвѣстныхъ путешественниковъ, которые здѣсь поселились, — эмигрантовъ или скваттеровъ. Огромный костеръ посреди лагеря, горѣвшій очевидно въ теченіе всей ночи, почти потухъ уже.

Это былъ часъ пробужденія, и переселенцы принимались за свои утреннія дѣла. Всѣхъ людей было немного, и управляющій легко сосчиталъ ихъ; было всего восемь мужчинъ и двѣ женщины. Судя по ихъ взаимному сходству, они всѣ принадлежали къ одной семьѣ.

Мужчины чистили лошадей и задавали имъ корму, женщины-же, изъ которыхъ одна была уже не молодая, а другая только-что вышла изъ дѣтскаго возраста, доили коровъ, козъ и кормили ихъ. Отецъ и его семеро сыновей, гиганты по сложенію и съ суровыми, наводящими страхъ, лицами, усердно работали, не обмѣниваясь ни однимъ словомъ другъ съ другомъ. Все дѣлалось въ строгомъ порядкѣ, быстро и дружно. Отецъ, высокій, еще бодрый и крѣпкій старикъ, обладалъ, повидимому, несмотря на преклонный возрастъ, необыкновенной силой; его длинная сѣдая борода, косые глаза, узкій лобъ, длинные, сѣдые, всклокоченные волосы придавали ему отталкивающій видъ; а изношенное платье, грязное и почти въ лохмотьяхъ, доканчивало впечатлѣніе его внѣшности — впечатлѣніе далеко не изъ пріятныхъ и успокоительныхъ.

Сыновья очень походили на отца; у нихъ былъ тотъ-же свирѣпый, мрачный и коварный видъ, та-же необыкновенная физическая сила; только одежда ихъ была чище, не такъ изношена и даже носила слѣды безсознательнаго кокетства. Самому младшему изъ нихъ было не больше двадцати одного года.

Мать была высокой и сильной, уже не молодой женщиной, черты лица у нея были жесткія, взглядъ—высокомѣрный. Впрочемъ, подъ цѣлой сѣтью лучистыхъ морщинъ, которыми ода и заботы избороздили ея лицо, сохранились его

чистыя и благородныя линіи, по которымъ можно было догадываться, что она была очень красива въ молодости.

Дочь ея, молодая дѣвушка лѣтъ шестнадцати—семнадцати самое большее, была поразительно хороша со своими бѣлокурыми волосами, глазами испуганной газели, маленькимъ ротикомъ съ розовыми губками и жемчужными зубками; и, тѣмъ не менѣе, она очень походила на свою мать. Очевидно, что и та была такою-же въ этомъ возрастѣ. Костюмъ обѣихъ женщинъ былъ изъ самыхъ простыхъ и даже жалкихъ, но отличался изысканной чистотой.

Двѣ огромныя собаки, помѣсь волка и нью-фаундленда, вооруженныя страшными клыками, дополняли составъ этой странной и подозрительной семьи. Эти люди находились слишкомъ далеко отъ того мѣста, гдѣ сидѣлъ въ засадѣ управляющій, чтобы онъ могъ разобрать то, что они говорили между собой.

— Гм! — сказалъ самъ себѣ управляющій. — Вотъ такъ странные сосѣди! Счастье еще, что, по всей вѣроятности, они не останутся здѣсь надолго, а направятся къ западу, къ новымъ поселеніямъ. Впрочемъ, разъ, что они не во владѣніяхъ полковника, я не имѣю права сказать имъ что-нибудь, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту; потомъ видно будетъ; во всякомъ случаѣ я не потеряю ихъ изъ виду!

Разсуждая такимъ образомъ, управляющій вернулся къ тому мѣсту, гдѣ онъ оставилъ свою лошадь привязанной къ дереву, вскочилъ на сѣдло и продолжалъ свое изслѣдованіе, которое въ концѣ концовъ привело къ самымъ благопріятнымъ результатамъ. Какъ онъ и предполагалъ, тотъ источникъ, на которомъ онъ хотѣлъ построить водяную пильную мельницу, удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ, какія только можно было къ нему предъявить.

Вечеромъ того-же дня управляющій, ужиная по обыкновенію съ полковникомъ, за столомъ котораго ему всегда накрывался приборъ, сообщилъ ему объ успѣхѣ своихъ утреннихъ поисковъ, а затѣмъ разсказалъ и о странномъ лагерѣ

эмигрантовъ, который ему удалось случайно открыть на самой границѣ его владѣній.

— А вполнѣ-ли вы увѣрены, мой милый Маркэ,—отвѣтилъ полковникъ,—что эти такъ называемые эмигранты не скваттеры?

— Мнѣ приходила уже въ голову эта мысль, полковникъ!—замѣтилъ бывшій лейтенантъ.—Видъ у этихъ людей былъ болѣе чѣмъ подозрительный. Но, такъ какъ они остановились не на вашей землѣ, то я не считалъ себя въ правѣ явиться къ нимъ и позволить себѣ какія-нибудь замѣчанія по ихъ адресу. Люди подобнаго сорта по большей части въ высшей степени обидчивы, принимаютъ все близко къ сердцу и всегда готовы отъ словъ сейчасъ-же перейти къ дракѣ. Вы сами знаете это, полковникъ! Лучше поэтому потерпѣть и дѣйствовать по отношенію къ нимъ съ величайшей осторожностью.

— Я совершенно согласенъ съ вами, мой другъ. Но только осторожность не должна спуститься до слабости, въ особенности въ такой странѣ, въ какой мы живемъ.

— Я знаю это, полковникъ! Будьте спокойны. Если я только поймаю ихъ на мѣстѣ преступленія, то не дамъ имъ спуску.

— И вы будете совершенно правы. Сильный и внезапный отпоръ съ нашей стороны, при чемъ мы покажемъ имъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, можетъ избавить насъ отъ скучныхъ и долгихъ хлопотъ.

— Я того-же мнѣнія.

— Какъ вы думаете, давно они поселились на этой полянѣ?

— Не съумѣю сказать вамъ это положительно; но насколько я могъ убѣдиться, они, должно быть устроились въ этомъ лѣсу дней восемь или десять тому назадъ.

— Какъ, уже такъ давно?

— Да, полковникъ.

— Какъ-же могло случиться, что вы открыли ихъ присутствіе только сегодня утромъ?

— Очень просто, такъ какъ въ той сторонѣ тянется огромный дѣвственный лѣсъ, въ которомъ мнѣ приходится бывать крайне рѣдко. Сегодня меня привелъ на поляну чистый случай, и еслибы только я не услыхалъ недалеко отъ себя голосовъ, то вѣроятно прошелъ-бы мимо этихъ людей, совершенно не замѣтивъ ихъ.

— Вы правы!—сказалъ полковникъ.

Онъ задумался, видимо соображая что-то, но черезъ нѣсколько минутъ заговорилъ:

— Самъ не знаю, почему, но это событіе такъ интригуетъ и безпокитъ меня. Согласны-ли вы отправиться со мной завтра къ этимъ людямъ, чтобы разузнать, каковы ихъ намѣренія?

— Я къ вашимъ услугамъ, полковникъ. Въ которомъ часу желаете принять эту экскурсію—потому-что вѣдь, могу васъ въ томъ увѣрить, это будетъ настоящей экскурсіей?

— Ну, чтожъ, и отлично; это будетъ прогулкой для меня. Заходите за мной въ десять часовъ утра, я буду къ тому времени готовъ и буду васъ ждать.

— Въ точности исполню ваше желаніе, полковникъ!

Вѣрный своимъ привычкамъ стараго солдата, Леонъ Маркэ явился на слѣдующее утро съ военною аккуратностью ровно въ назначенный часъ. Полковникъ былъ совершенно готовъ, такъ что оставалось только сѣсть на лошадей и тронуться въ путь. Старый лейтенантъ зналъ характъ полковника, какъ свои пять пальцевъ; онъ зналъ, что, не смотря на безграничную доброту, которой тотъ отличался, онъ могъ быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ очень рѣзокъ и безпощаденъ, а главное — что онъ очень легко выходилъ изъ себя; этой-то способности полковника терять самообладаніе и горячиться управляющій больше всего и боялся. Поэтому, прежде, чѣмъ идти за нимъ онъ принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности, о чемъ, конечно, благоразумно промолчалъ передъ своимъ хозяиномъ.

Дорога была не близкая. Полковникъ, желая однимъ ударомъ убить двухъ зайцевъ, воспользовался этой прогулкой, чтобы ознакомиться съ нѣкоторыми работами на мѣстѣ

ихъ производства, а если онѣ были еще только въ проектѣ, то хотя-бы съ выбраннымъ для нихъ мѣстомъ. Частыя остановки сильно задержали въ пути нашихъ всадниковъ, такъ что было уже около двухъ часовъ пополудни, когда они только доѣхали до поляны вь лѣсу. Но за одни сутки, которыя протекли со вчерашняго дня, положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось и то, что было такъ просто вчера, страшно усложнилось теперь.

Скваттеры—такъ какъ теперь уже не могло оставаться сомнѣній, что это были они — вполнѣ ясно открыли свои намѣренія.

Спустя нѣкоторое время послѣ отъѣзда управляющаго, они принялись за дѣло по части грандіозной рубки лѣса, не принимая въ разсчетъ границъ участка, на которомъ они поселились самымъ спокойнымъ образомъ. Съ лихорадочной дѣятельностью разсчистили они уже большое пространство земли, считая въ томъ числѣ и поляну, и въ данный моментъ были заняты проведеніемъ канала въ одинъ изъ источниковъ, чтобы дренажировать свои владенія, захваченныя такимъ простымъ образомъ, безо всякаго судебнаго процесса.

Управляющій былъ пораженъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ: смѣлость и энергія этихъ людей, захватившихъ чужую землю, переходила всѣ границы возможнаго.

Что-же касается полковника, то онъ пришелъ въ ярость и, не помня себя, пустилъ лошадь во весь духъ на скваттеровъ, и, безъ дальнѣйшихъ объясненій, сталъ наносить имъ удары своимъ хлыстомъ.

Очевидно, это дѣло, начатое такимъ образомъ, не могло кончиться мирно.

Застигнутые врасплохъ такимъ грубымъ нападеніемъ, котораго они накакъ не могли ожидать, скваттеры въ первую минуту разбѣжались во всѣ стороны, но, подумавъ немного и видя передъ собой только двоихъ людей, устыдились своего малодушнаго бѣгства и вернулись назадъ. Затѣмъ они вооружились ружьями и устроили себѣ за деревьями засаду,

рѣшившись, по всей вѣроятности, встрѣтить нападеніе отпоромъ. Съ своей стороны, полковникъ сожалѣлъ уже о томъ, что погорячился, такъ какъ отъ этого положеніе дѣлъ не только не улучшилось, но стало, напротивъ, еще хуже и на мирное соглашеніе не оставалось почти никакой надежды.

Благодаря мѣрамъ предосторожности, принятымъ скваттерами, полковникъ и его управляющій очутились въ центрѣ круга, составленнаго изъ восьми направленныхъ на нихъ ружей. Положеніе было критическое.

— Ну, а теперь мы потолкуемъ,—произнесъ грубый голосъ, въ которомъ слышалась злорадная насмѣшка. И старый скваттеръ вынырнулъ изъ за огромнаго дуба, съ самымъ спокойнымъ видомъ сдѣлалъ шаговъ двадцат по направленію къ полковнику, потомъ остановился, скрестилъ руки на своемъ ружьѣ, которымъ упирался въ землю, и, обернувшись на сыновей, о присутствіи которыхъ можно было судить только по торчавшимъ изъ-за деревьевъ дуломъ ружей, обратился къ нимъ сословами:

— Главное, вниманіе, дѣти! При малѣйшемъ угрожающемъ движеніи одного изъ этихъ господъ, стрѣляйте въ нихъ! Расправтесь съ ними, какъ съ кроликами или какъ съ дикимъ терновникомъ саваннъ!

— Такъ, такъ!—отвѣтили семеро молодыхъ людей въ одинъ голосъ.—Будь спокоенъ, отецъ, мы знаемъ свое дѣло и не дадимъ маху!

— И отлично!—сказалъ отецъ.

Минуты двѣ или три длилось молчаніе. Затѣмъ скваттеръ снова заговорилъ, обратившись на этотъ разъ къ полковнику:

— .Кто вы такой? Что вамъ надо? По какому праву напали на насъ? Отвѣчайте, я слушаю.

— Кто я? Я—собственникъ этой земли, — отвѣтилъ любезно полковникъ.—Чего я хочу? Наказать васъ такъ, какъ вы того заслуживаете. По какому праву я напалъ на васъ? По праву, принадлежащему всякому человѣку, котораго воры

и разбойники пытаются разорить и ограбить. Что вы можете отвѣтить на это?

— Очень немногое, — возразилъ старый скваттеръ со своей мрачной и насмѣшливой улыбкой. — Я скажу только, что если хочешь сдѣлать то, что вы теперь собираетесь, то надо быть для этого достаточно сильнымъ; что вы по своей доброй волѣ попали въ осиное гнѣздо; что я могу васъ убить и сдѣлаю это, если вы не примите тѣхъ условій, которыя я вамъ самъ поставлю.

— Я не принимаю никакихъ условій отъ людей вашего сорта! Вы ничего отъ меня не добьетесь!

— Гм! Я полагаю, что вамъ не худо было-бы пораздумать немного, прежде чѣмъ заходить такъ далеко.

— Я уже подумалъ и мое рѣшеніе твердо, я не измѣню его.

— Берегитесь!

— И вамъ-бы не мѣшало поберечься!—замѣтилъ старый лейтенантъ.

— Этотъ еще чего тамъ болтаетъ?—насмѣшливо спросилъ старый скваттеръ.

— Я говорю,—возразилъ управляющій,—что вы ошиблись относительно своего положенія; даю вамъ двѣ минуты на то, чтобы отпустить ружья и скрыться въ како-нибудь укромномъ мѣстѣ!—прибавилъ онъ, спокойно вынимая часы изъ кармана и слѣдя за минутной стрѣлкой.

Взрывъ страшнаго хохота со стороны скваттеровъ былъ единственнымъ отвѣтомъ на это явленіе.

— Двѣ минуты прошли,—невозмутимо произнесъ управляющій, кладя часы обратно въ карманъ, и вдругъ крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Впередъ!

И онъ, и полковникъ бросились на скватеровъ. Въ это время произошло что-то совсѣмъ неожиданное. Сильный шумъ внезапно нарушилъ тишину лѣса, шумъ, въ которомъ можно было различить крики, проклятія, вопли и выстрѣлы, смѣшанные со страннымъ топотомъ.

Старый скваттеръ хотѣлъ вскинуть на плечо ружье, но повалился на землю, сшибленный грудью лошади управляющаго и не успѣлъ опомниться, какъ его уже основательно связали по рукамъ и ногамъ и сдѣлали совершенно безпомощнымъ. Въ ту-же минуту около тридцати человѣкъ въѣхало на поляну, увлекая за собою сыновей скваттера, его жену и дочь. Молодые люди были связаны, а трое изъ нихъ даже ранены, такъ какъ вели втеченіе нѣсколькихъ минутъ отчаянную борьбу прежде, чѣмъ сдаться; женщины были свободны. Все это произошло менѣе, чѣмъ въ пять минутъ.

Благоразумныя мѣры, принятыя управляющимъ, спасли жизнь полковнику, потому-что скваттеры, безъ сомнѣнія, не поколебались-бы убить его, зная, что имъ нечего надѣяться на пощаду въ томъ случаѣ, если ими завладѣютъ.

— Ну?—произнесъ полковникъ, обращаясь къ старому скваттеру.—Что вы скажете, если я примѣню къ вамъ и ко всей вашей разбойничьей шайкѣ законъ Линча?

— Я безпомощенъ, какъ дитя! — отвѣчалъ скваттеръ.— Дѣлайте со мной, что вамъ будетъ угодно. Вы держите меня въ своихъ рукахъ, и я не въ силахъ защищаться.

Жена и дочь скваттера бросились на колѣни передъ полковникомъ и умоляли его, съ крикали и слезами, о пощадѣ. Тотъ подумалъ съ минуту.

— Я, со своей стороны,—проговорилъ онъ наконецъ,— не стану ставить вамъ условій. Вы свободны и можете отправляться куда угодно со всѣмъ вашимъ добромъ, за исключеніемъ ружей, которыя сломаютъ сейчасъ въ вашемъ присутствіи. Вы обязаны своей жизнью просьбамъ жены и дочери, не забывайте этого, и главное—берегетесь появляться снова въ этихъ мѣстахъ: во второй разъ вамъ не удастся отдѣлаться такъ дешево, какъ теперь.

Скваттеры и его сыновья не произнесли ни слова; въ въ душѣ у нихъ кипѣла ярость. Часъ спустя они покинули лѣсъ.

Въ ту минуту, какъ полковникъ возвращался на плантацію въ сопровожденіи Вильямса Гранмезона, управляю-

щій подошелъ къ нему и, отведя его въ сторону, сказалъ ему:

— Полковникъ, мнѣ необходимо переговорить съ вами, время не терпитъ. Меня извѣстили, что менѣе, чѣмъ въ десяти верстахъ отсюда замѣтили тѣхъ самыхъ скваттеровъ, которыхъ мы выгнали изъ вашихъ владѣній. Надо непремѣнно принять какія-нибудь мѣры.

Оставивъ своего друга на попеченіе жены, полковникъ послѣдовалъ за управляющимъ, и оба они отошли въ сторону, чтобы кто-нибудь не помѣшалъ имъ обдумывать планъ дѣйствій, который слѣдовало предпринять во избѣженіе грозящей имъ опасности.

Глава VI.

О томъ, какъ неожиданно прервано было совѣщаніе полковника съ его другомъ.

Полковникъ присоединился къ своей семьѣ только тогда, когда позвонили къ ужину. Онъ извинился передъ Вилльямсономъ Гранмезономъ, что его задержали неотложныя распоряженія, которыя надо было отдать рабочимъ. Но Вилльямсъ, слушавшій съ большимъ интересомъ разсказъ госпожи Курти, едва замѣтилъ отсутствіе своего друга, хотя и принялъ его объясненія, по обыкновенію, съ самой любезной улыбкой.

Полковникъ во время своего длиннаго разговора съ Леономъ Маркэ, условился съ нимъ, что они посвятятъ Вилльямса въ тайну той опасности, которая висѣла надъ плантаціей, чтобы онъ также могъ быть насторожѣ и обезпечить себя отъ какого-нибудь непріятнаго событія на сколько возможно скорымъ возвращеніемъ въ Новый Орлеанъ.

Ужинъ прошелъ очень весело; дѣти изощрялись другъ передъ другомъ въ остроумныхъ выходкахъ, радостно возбужденныя благодаря прелестнымъ подаркамъ, которыми Вилльямсъ биткомъ набилъ свой чемоданъ и карманы своего

широкаго сюртука. Люси и Джорджъ, какъ старшіе, были наиболѣе щедро одѣлены, какъ и слѣдовало ожидать, хотя и младшія дѣти, которыхъ Вилльямсъ зналъ только по письмамъ полковника, не были имъ забыты. Люси получила отъ своего крестнаго отца двѣ прекрасныя книги, интересныя и въ тоже время поучительныя, съ массой гравюръ, и кромѣ того кусокъ ліонскаго шелка на платье и накидку съ капюшономъ и рукавами, чтобы одѣвать въ сырые и свѣжіе вечера. Дѣвочка была на седьмомъ небѣ отъ радости и не знала какъ и благодарить своего крестнаго отца за такой пріятный сюрпризъ. Но самымъ счастливымъ и гордымъ своимъ подаркомъ былъ, безъ сомнѣнія, Джорджъ, такъ какъ Вилльямсъ, давно зная его мужественный и буйный характеръ, привезъ ящикъ, обшитый русской кожей и содержащій превосходный карабинъ. Подарокъ этотъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати и не возможно было-бы придумать чего-нибудь болѣе подходящаго. Съ семилѣтняго возраста мальчикъ бралъ правильные уроки гимнастики, верховой ѣзды и фехтованія у Леона Маркэ — лучшаго учителя, какого только можно было-бы достать; и Джорджъ, который очень любилъ эти физическія упражненія, дѣлалъ въ нихъ быстрые успѣхи. А за послѣдніе два года, когда Джемсъ тоже сталъ принимать участіе въ этихъ урокахъ, Джорджъ сдѣлался такъ сказать, учителемъ своего брата, такъ что къ двѣнадцати годамъ онъ удивительно развился физически: высокій, стройный, красиво сложенный, онъ казался по крайней мѣрѣ на три года старше своего настоящаго возраста.

Но, кромѣ этихъ физическихъ упражненій, Джорджъ, какъ и его братъ и сестры, долженъ былъ серьезно заниматься иностранными языками, науками, музыкой и рисованіемъ. Спеціально для этого полковникъ пригласилъ учителя и гувернанку, которые подъ его неусыпнымъ руководствомъ, должны были научить дѣтей всему, что имъ слѣдовало знать, чтобы занять впослѣдствіи почетное мѣсто въ обществѣ, среди котораго имъ надо было жить.

Итакъ, подарокъ Вилльямса доставилъ Джорджу величай-

шую радость. Ужинъ прошелъ очень весело и вечеръ былъ чудесный.

Около десяти часовъ вечера полковникъ захотѣлъ самъ проводить своего друга въ назначенную для него и роскошно меблированную комнату. Попрощавшись уже и пожелавъ спокойной ночи, полковникъ вдругъ остановился въ дверяхъ и сказалъ съ чувствомъ:

— Ты усталъ?

— Я! Ни капельки! Я проѣхалъ сегодя всего нѣсколько миль. Прошлую ночь я провелъ на плантаціи у Рукета, на берегу притока рѣки Красной.

— Знаю, это въ трехъ или четырехъ миляхъ отсюда!

— Вотъ именно. Эти Рукетъ — милѣйшіе люди. Они ухаживали за мной, какъ за какимъ-нибудь принцемъ, и сегодня утромъ не хотѣли меня отпускать.

— Узнаю этихъ гостепріимныхъ людей! — сказалъ полковникъ.—Но, конечно, ты желаешь теперь спать?

— Честное слово, нѣтъ! Увѣряю тебя, что я привыкъ ложиться очень поздно. Въ Новомъ Орлеанѣ, какъ ты помнишь, разумѣется, живутъ скорѣе ночью, чѣмъ днемъ.

— Это вѣрно.

— Такъ что, откровенно говоря, я нахожу тотъ часъ, когда вы ложитесь спать, немного раннимъ.

— И что-же изъ этого слѣдуетъ?

— Что я не усну раньше часу или двухъ.

— Я понимаю тебя. Не стѣсняйся со мной, милый другъ. Мы расходимся рано ради дѣтей, которымъ надо непоздно ложиться. Вѣдь, дѣти, ты знаешь, требуютъ продолжительнаго сна; но я и мой помощникъ, Леонъ Маркэ, ложимся позже.

— Прекрасный человѣкъ, этотъ Маркэ! — замѣтилъ Вилльямсъ.

— И испытанной вѣрности! — прибавилъ полковникъ. — Это чистый кладъ для меня. Въ былое время онъ служилъ лейтенантомъ въ томъ полку, который былъ подъ моимъ началомъ. Я былъ очень счастливъ, что нашелъ его и взялъ къ себѣ.

— Да, онъ повидимому, очень преданъ тебѣ.

— Онъ готовъ для меня въ огонь и въ воду. Я ужъ и счетъ потерялъ всѣмъ случаямъ, когда онъ мнѣ спасъ жизнь.

— О—о!

— Вѣрно, мой другъ. И вотъ, по вечерамъ, когда всѣ въ домѣ улягутся спать, мы съ нимъ проводимъ чудесные часы вдвоемъ передъ стаканомъ грога, покуривая сигары и трубки и болтая о прошломъ, что всегда имѣетъ столько прелести для стараго солдата.

— Но это просто восхительно!—вскричалъ Билльямсъ.

— Прибавь къ этому,—замѣтилъ полковникъ,—что ночи въ этихъ мѣстахъ удивительно хороши, что небо усыпано звѣздами, а воздухъ напоенъ ароматомъ; все время слышишь какіе то таинственные звуки, глухіе и гремящущіе, неизвѣстно отъ чего происходящіе и которые кажутся могучимъ дыханіемъ заснувшей природы.

— И ты, неблагодарный другъ,—вскричалъ Билльямсъ,—вмѣсто того чтобы предложить мнѣ принять участіе во всѣхъ этихъ прелестяхъ, которыми я не могу наслаждаться въ городахъ, невозмутимо пожелалъ мнѣ спокойной ночи и оставилъ меня на произволъ судьбы! О, это дурно, Ліонель, это по истинѣ преступленіе и оскорбленіе дружбы!

— Ты правъ,—отвѣтилъ смѣясь полковникъ.—Но я думалъ, что ты усталъ. Вѣдь вы, городскіе жители, не приспособлены къ жизни на плантаціяхъ и не закалили себя на открытомъ воздухѣ; довольно какого-нибудь пустяка, чтобы вы раскисли и расхворались. Какъ-же я могъ рѣшиться?...

— Та-та-та, твои слова не имѣютъ ни малѣйшаго смысла, и твой предлогъ никуда не годится. Просто—ты эгоистъ и хочешь захватить все только себѣ самому. Подумай, мой другъ, что, оказывая мнѣ гостепріимство, ты тѣмъ самымъ налагаешь на себя обязанность заботиться о моемъ счастіи и развлеченіяхъ во все время, что я пробуду у тебя.

— Это справедливо и я сдѣлаю въ этомъ отношеніи все, что только будетъ въ моихъ силахъ.

— Я буду безжалостенъ и не уступлю своего права ни на іоту, такъ и знай напередъ. И, для начала, я требую, чтобы меня не оставили одного, точно стараго беззубаго льва, а позволили мнѣ провести славный вечерокъ, или вѣрнѣе ночь, въ обществѣ тебя и этого милѣйшаго Леона Маркэ, котораго я уже полюбилъ до безумія, даромъ, что почти не знаю его; но послѣднее обстоятельство нисколько не безпокоитъ меня, такъ какъ мы познакомимся еще.

— Ну, разъ что ужъ ты такъ сильно желаешь этого, иди за мной!

— Въ добрый часъ! Я буду слѣдовать за тобой по пятамъ.

Они вышли изъ комнаты и направились въ помѣщеніе управляющаго, которое было въ концѣ корридора.

Управляющій ожидалъ ихъ прихода съ нетерпѣніемъ.

Полковникъ сіялъ отъ удовольствія: онъ заставилъ своего друга самого напроситься на то, чтобы быть членомъ ихъ интимныхъ собраній, чего онъ самъ сильно желалъ. Дѣйствительно, Вилльямсъ Гранмезонъ былъ умнымъ человѣкомъ, и его мнѣніе въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ обсужденіе мѣръ, которыя слѣдовало принять при настоящихъ обстоятельствахъ, могло имѣть большое значеніе.

Полковникъ и его другъ вошли въ гостиную, очень скромно, но уютно меблированную. Три большихъ окна выходили на просторный балконъ, гдѣ стоялъ столъ, на которомъ было разставлено нѣсколько бутылокъ разной формы, сахарница, стаканы, графины съ замороженной водой и ящики съ сигарами. Синее небо усѣено безчисленными яркими звѣздами, которыя сверкали, какъ брилліанты. Луна щедро изливала на землю блѣдный меланхолическій свѣтъ своихъ молочно-голубыхъ лучей. Мошки кружились, рѣзвясь, въ легкомъ туманѣ, окутывавшемъ землю, который постепенно становился все свѣтлѣе и прозрачнѣе, пока воздухъ не сдѣлался такъ чистъ, что можно было окинуть взоромъ далекій горизонтъ. Глубокая тишина царила въ этой чудной задре-

мавшей природѣ, которая, казалось, только-что вышла изъ рукъ Творца.

Полковникъ представилъ Леона Маркэ своему другу, и затѣмъ всѣ трое усѣлись на балконѣ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Величіе и гармонія природы дѣйствуютъ такъ сильно, что впечатлительныя натуры безсознательно испытываютъ что то въ родѣ религіознаго экстаза при видѣ того грандіознаго зрѣлища, которое открывается передъ ихъ глазами, и охотно отдаются мечтамъ, имѣющимъ странную прелесть и уносящимъ ихъ изъ этого міра въ другой, лучшій, созерцая который они забываютъ обо всемъ на свѣтѣ.

Наконецъ, безъ видимой причины, трое мужчинъ внезапно вздрогнули, точно очнувшись отъ своихъ сладкихъ грезъ; машинально проведя рукой по влажному лбу, они бросили вокругъ себя отуманенный, еще не вполнѣ сознательный взглядъ и поправились въ своихъ креслахъ. Очарованіе разсѣялось, какъ дымъ,—они упали съ облаковъ на землю.

Леонъ Маркэ, въ качествѣ хозяина, сталъ предлагать прохладительные напитки.

— Вотъ, рекомендую, настоящій ямайскій ромъ; выбирайте себѣ гаванскія сигары, я ручаюсь за ихъ достоинство!

Мужчины принялись курить, изрѣдка обмѣниваясь двумя-тремя незначущими и неинтересными фразами; они — если можно такъ выразиться,—сидя у моря, ждали погоды. Между тѣмъ время шло, а надо было поднять и покончить съ серьезнымъ вопросомъ, единственной цѣлью настоящаго собранія.

По знаку полковника, Леонъ Маркэ открылъ огонь, разсказавъ предварительно, какъ простое воспоминаніе, неимѣющее важности, о томъ, что произошло нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ между собственникомъ плантаціи и скваттерами.

Виллъямсъ Гранмезонъ слушалъ разсказъ управляющаго съ величайшимъ вниманіемъ. Когда тотъ умолкъ, полковникъ, видя, что его другъ задумался о чемъ-то, посмотрѣлъ

ему прямо въ лицо и сказалъ слегка насмѣшливымъ голосомъ:

— Ну, другъ Вилльямсъ, какъ ты находишь эту исторію? Полагаешь-ли ты, что мы хорошо выпутались изъ бѣды?

Вилльямсъ покачалъ головой.

— Я нахожу эту исторію очень интересной, но мнѣ трудно повѣрить ей.

— Все разсказанное — отъ начала и до конца — совершенно вѣрно!—живо возразилъ полковникъ.

— Ну, тогда позвольте мнѣ вамъ сказать, что у васъ въ рукахъ было удивительное счастіе, но что по собственной вашей ошибкѣ и благодаря великодушію благородной души, не имѣвшему здраваго смысла, вы его не только въ настоящее время упустили изъ рукъ, но и совершенно потеряли надежду когда-либо получить его въ будущемъ. Таково мое мнѣніе, если вы желаете его знать!

— Но вѣдь самъ ты не сталъ-бы дѣйствовать при подобныхъ обстоятельствахъ иначе?

— Конечно, сталъ-бы! Напротивъ, я былъ-бы неумолимъ и безъ всякаго колебанія примѣнилъ-бы законъ Линча къ этимъ жалкимъ людямъ которые — можешь быть въ этомъ совершенно увѣренъ—не пощадили-бы тебя, если-бы держали въ своихъ рукахъ, какъ ты держалъ ихъ—въ своихъ.

— Какъ! И это ты говоришь такимъ образомъ?

— Ты хочешь, навѣрное, знать мое искреннее мнѣніе, Ліоннель?

— Да, другъ мой!

— Прекрасно. Для меня теперь ясно, что эта исторія была разсказана господиномъ Маркэ не случайно, а что у тебя была извѣстная цѣль, когда ты задумалъ открыть ее мнѣ.

— Быть можетъ.

— Не быть можетъ, а навѣрное!

— Ну, положимъ, что и такъ. Я именно спрашиваю у тебя твоего мнѣнія и очень дорожу имъ.

— Отлично, ты будешь удовлетворенъ.

— Въ добрый часъ, мы слушаемъ!

— Слушай мой другъ, и главное поучайся! Ты знаешь, что я — только мирный гражданинъ, никогда не сдѣлавшій ни одного выстрѣла изъ ружья, если не считать того, что нѣсколько разъ стрѣлялъ случайно въ воробьевъ, да и то промахивался изъ религіознаго чувства. И мое искусство въ этомъ отношеніи таково, что я въ десяти шагахъ промахнулся-бы въ корову изъ лучшаго ружья въ мірѣ. Но, хотя я и стрѣляю плохо, это не мѣшаетъ мнѣ, какъ полагаю, вѣрно разсуждать.

— Я знаю это, старый другъ, и въ этомъ еще нѣтъ большого грѣха!

— Объ этомъ и рѣчи нѣтъ, я знаю самъ, чего я стою! Не забывай о томъ, дорогой Ліоннель, что то, что хорошо, остается хорошимъ навсегда, а напротивъ—что дурно, то и всегда будетъ дурно.

— Ты правъ.

— А если ты самъ сознаешь это, то почему-же сдѣлалъ такую грубую ошибку?

— Какъ это?

— Ты сейчасъ увидишь это.

— Посмотримъ, посмотримъ!—сказалъ лейтенантъ, потирая отъ удовольствія руки; казалось, онъ уже заранѣе соглашался съ мнѣніемъ Вилльямса.

— Вы сейчасъ увидите, въ чемъ дѣло, если желаете. Вы имѣли дѣло съ разбойниками, которые не признаютъ ни вѣры, ни закона. Ты, другъ Ліоннель, попался въ руки этой разбойничьей шайки, какъ настоящій скворецъ, и не знаю ужъ, какъ-бы ты и выпутался изъ бѣды, если-бы нашъ другъ Леонъ Маркэ такъ ловко не принялъ умныхъ мѣръ предосторожности.

— Узнаю его, я опять обязанъ ему своей жизнью! — сказалъ полковникъ, пожимая руку стараго лейтенанта.

— Къ чему это!—отвѣтилъ управляющій.—Развѣ мы не въ разсчетѣ съ вами, полковникъ?

— Въ разсчетѣ! Хорошо сказано! — сказалъ съ улыбкой Вилльямсъ.—Но будемъ продолжать. Счастье внезапно мѣ-

няется: разбойники, считавшіе себя побѣдителями, должны просить у тебя пощады. И что-же, умоляютъ они тебя о помилованіи? Нѣтъ, напротивъ — они выражаютъ жажду мстить тебѣ! И ты, вмѣсто того, чтобы сейчасъ-же повѣсить ихъ безъ всякаго снисхожденія, унижаешь ихъ своимъ глупымъ великодушіемъ. Твоя снисходительность дурной пробы увеличиваетъ ихъ ненависть къ тебѣ, невольно выставляя имъ все величіе твоей души. Еще глупѣе то, что ты даешь имъ доказательство того, какъ не довѣряешь имъ, тѣмъ, что велишь сломать у нихъ на глазахъ ихъ оружіе. Несомнѣнно, что эти разбойники, — а они не могутъ быть никѣмъ другимъ — никогда не простятъ тебѣ всего этого, и съ ихъ точки зрѣнія — они будутъ сто разъ правы въ этомъ!

— Это вѣрно! — проговорилъ управляющій, нѣсколько разъ утвердительно качнувъ головой.

— Положимъ, что и такъ, — замѣтилъ полковникъ, кусая губы. — А что-бы ты сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ, Вилльямсъ?

— Богъ мой, дѣло совсѣмъ просто, дорогой Ліоннель. У тебя было цѣлыхъ два средства выйти съ честью изъ того капкана, въ который ты самъ добровольно попался, неизвѣстно ради чего.

— Извини, я...

— Дашь-ли ты мнѣ договорить?

— Да, продолжай... Но я не вижу этихъ двухъ средствъ, о которыхъ ты говоришь.

— Сейчасъ ты ихъ увидишь. Это просто до чрезвычайности, только слушай хорошенько.

— Да я слушаю такъ, что не пороню ни словечка. Я весь обратился въ слухъ.

— Нельзя было колебаться: надо было или повѣсить ихъ, или ужъ простить.

— Понятно!

— Дай мнѣ кончить.

— Сдѣлай одолженіе.

— Разъ, что они были-бы повѣшены, — мужчины и жен-

*

щины, всѣ вмѣстѣ,—все было-бы кончено. Кто мертвъ—тотъ мертвъ и не можетъ напоминать о прошломъ!

— Совершенно вѣрно, но...

— Дай договорить, я сейчасъ кончу!

— Пожалуйста!

— Или я помиловалъ-бы ихъ.

— Ну, а что-же я сдѣлалъ?

— Ты сдѣлалъ глупость.

— Гм!

— Нечего говорить „гм"! Вовсе не такъ легко давать помилованіе, какъ ты воображаешь, и въ особенности разбойникамъ съ такими силами. Что касается меня, я-бы сказалъ имъ: — „Дѣти мои, вы потеряли партію, которую считали выигранной; вы славные люди, но васъ, вѣроятно, натолкнула на вашъ поступокъ крайняя нужда; кромѣ того, я увѣренъ что вы не знали, что находитесь на моей землѣ, вы думали что имѣете право дѣлать на ней что угодно; но вы ошиблись. Я не поставлю этого въ вину — это можетъ со всякимъ случиться. По берегу рѣки Красной не мало земель, не имѣющихъ хозяевъ, и вамъ не трудно будетъ найти подходящій къ вашимъ требованіямъ участокъ, до котораго никому не будетъ никакого дѣла. Если у васъ не хватаетъ провіанта, то я могу васъ снабдить имъ. Если у васъ недостатокъ въ оружіи, порохѣ и пуляхъ, я доставлю вамъ все это. Разстанемся-же добрыми друзьями, и вѣрьте мнѣ, что все, что только я могъ-бы сдѣлать для вашего удовольствія, я сдѣлаю въ предѣлахъ возможнаго, потому-что я тоже не богатъ". — Тогда разбойникамъ, обязаннымъ тебѣ многимъ, не осталось-бы ничего другого, какъ благодарить тебя. У нихъ не было-бы никакой причины желать тебѣ зла; они уѣхали-бы съ благодарностью, и все было-бы покончено между тобою и ими, потому что у нихъ не оставалось-бы ни малѣйшаго предлога не только мстить тебѣ, но даже и сердиться на тебя.

— Да, во всемъ этомъ много правды, но къ несчастью— теперь уже поздно объ этомъ сожалѣть!

— Очевидно, что эти негодяи только выжидаютъ удобнаго случая, чтобы отомстить тебѣ, и какъ только этотъ случай представится, они не упустятъ его!

— Какъ ты это легко говоришь!—произнесъ полковникъ.

— А, Богъ мой! Я говорю, что думаю. Какъ знать? Быть можетъ этотъ случай представился уже имъ, и они вернулись сюда ускореннымъ маршемъ, чтобы привести въ исполненіе планъ такой мести, какая тебѣ и во снѣ не снится.

— Ты не ошибаешься, Вилльямсъ! Ты роковымъ образомъ, совершенно безсознательно, являешься пророкомъ.

— Я, пророкомъ? Ты шутишь!

— Ничуть. То событіе, о которомъ тебѣ разсказывали, случилось уже много времени тому назадъ, Вилльямсъ.

— Ну, такъ что-же?

— А то, милый другъ, что моему старому лейтенанту, Леону Маркэ, было дано сегодня знать, всего нѣсколько часовъ тому назадъ, что эта разбойничья шайка спѣшно вернулась въ наши края.

— Возможно-ли?

— Это положительно вѣрно, — сказалъ управляющій; — я знаю эти свѣдѣнія отъ вполнѣ надежнаго человѣка, къ которому имѣю полное довѣріе.

— Гм! Въ этомъ мало утѣшительнаго! —возразилъ Вилльямсъ.— Удивительная удача для меня, пріѣхавшаго сюда развлечься! Если такъ будетъ продолжаться и дальше, то я получу много удовольствія! Что-же вы предполагаете предпринять?

— Защищаться, чортъ возьми! — вскричалъ полковникъ.

— Это само сабой разумѣется; но надо быть въ силахъ это сдѣлать.

— У насъ до шестидесяти человѣкъ, которые постоятъ за себя и въ которыхъ мы увѣрены.

— Это недурно. Но, очевидно, эти негодяи ловко разставили свои западпи и приняли мѣры предосторожности на будущее.

— Не знаю, я ничего не нахожу возможнымъ предпринять, раньше чѣмъ ихъ планъ дѣйствій не выяснится.

— Гм! сначала слѣдуетъ спасти дѣтей и женщинъ.

— Я и сдѣлаю это прежде всего.

— И ты будешь правъ. Впрочемъ, если-бы можно было...

Въ это время подъ балкономъ послышался довольно сильный шумъ.

— Тише!—произнесъ управляющій.

Онъ поднялся, схватилъ ружье и, нагнувшись надъ перилами балкона, крикнулъ, щелкая пружиной ружья:

— Кто тамъ?

— Другъ!—отвѣтилъ чужой голосъ.

— Странная вещь!—пробормоталъ управляющій.

Не колеблясь ни минуты, онъ спустилъ съ перилъ балкона веревочную лѣстницу, которой, очевидно, часто пользовался, чтобы уходить изъ дому, не привлекая вниманія кого-нибудь.

— Поднимайтесь,—сказалъ онъ.

Глава VII.

Въ которой маленькая Люси доказываетъ свой умъ и нѣжное сердце.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

Всѣ трое мужчинъ ждали, испытывая безпокойство и нѣкоторую тревогу. Подъ балкономъ раздался пріятный и размѣренный, но едва слышный свистъ.

— Это Черная Птица!—прошепталъ управляющій.

— Что-бы это могло значить?

Онъ свистнулъ въ свою очередь.

Почти въ то-же мгновеніе веревочная лѣстница натянулась; большая тѣнь вынырнула изъ темноты парка и шагнула на балконъ. Управляющій не ошибся: это былъ Черная Птица, вождь команчей.

— Что случилось?—спросилъ полковникъ.

Вмѣсто отвѣта, Черная Птица потушилъ огонь, поднялъ на балконъ веревочную лѣстницу, увлекъ троихъ мужчинъ за собой въ гостиную и старательно, безшумно заперъ дверь. Когда все это было кончено, онъ сталъ говорить, или вѣрнѣе ворчать, пожимая плечами:

— Бѣлые люди — безумцы! Безумцы, что сами отдаютъ себя въ руки своихъ враговъ, которые подстерегаютъ ихъ въ тѣни съ захода солнца.

— Такъ мы въ опасности?—живо произнесъ полковникъ.

Закрывъ окна и задвинувъ ставни Черная Птица зажегъ свѣчи; потомъ молча взглянулъ на полковника, описавъ вмѣсто отвѣта, кругъ около своей головы указательнымъ пальцемъ правой руки.

— Неужели грозитъ опасность быть скальпированнымъ? вскричалъ полковникъ содрогаясь.

— Да, — лаконически отвѣтилъ индѣецъ. — Всѣ будутъ скальпированы. И бѣлые мужчины, и женщины, и дѣти — никого не пощадятъ. Понялъ-ли мой отецъ? Затѣмъ, послѣ смерти бѣлыхъ воиновъ, — грабежъ и поджогъ каменныхъ хижинъ.

Невозможно было-бы сообщить болѣе кратко столько печальныхъ извѣстій! Мужчины были совсѣмъ подавлены ими.

— Какое индѣйское племя можетъ разставлять намъ такіе капканы? Вѣдь у насъ не было никакихъ ссоръ съ краснокожими?—спросилъ полковникъ.

Черная Птица пожалъ плечами.

— Краснокожіе—воины,—сказалъ онъ, гордо выпрямляясь. — Передъ тѣмъ, чтобы выступать противъ непріятеля, они посылаютъ ему стрѣлы, возвѣщающія о войнѣ. Индѣйцы—не враги бѣлыхъ: враги ихъ —это люди ихъ расы!

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ управляющій,—это скваттеры съ луговъ зеленой рѣки?

— Да, это старый бѣлый дубъ и его семь сыновей.

— Меня не обманули,—замѣтилъ управляющій,—свѣдѣнія, которыя я получилъ, оказываются вѣрными!

— Я выслѣдилъ ихъ!—прибавилъ индѣецъ.

— Что-же теперь дѣлать?—проговорилъ полковникъ.

— Бѣлые вожди и Черная Птица будутъ держать великій совѣтъ!

— Будемъ совѣщаться!—согласился полковникъ.

Краснокожіе и бѣлые, живущіе на границѣ, не идутъ никогда на предпріятіе,—какого-бы рода оно ни было,—не устроивъ предварительно совѣщанія, чтобы обсудить всѣ мѣры, какія надо принять для нападенія или самозащиты.

Черная Птица закурилъ „трубку мира“, затянулся нѣсколько разъ, потомъ передалъ ее своему сосѣду, который послѣдовалъ его примѣру и передалъ слѣдующему. Такъ переходила трубка отъ одного къ другому, пока не потухла, послѣ чего Черная Птица сдѣлалъ воззваніе къ *Вакондѣ*, „господину жизни“, и объявилъ совѣтъ открытымъ.

Прежде, чѣмъ начать обсужденіе вопроса, индѣецъ ясно и точно объяснилъ положеніе дѣла. Мы дадимъ здѣсь краткій пересказъ этихъ объясненій, выслушанныхъ тремя американцами съ живѣйшимъ интересомъ.

За нѣсколько минутъ до ужина, когда Черная Птица, сидя на корточкахъ въ своей хижинѣ, жарилъ на горячихъ угольяхъ большіе куски мяса, которые, вмѣстѣ съ нѣсколькими сладковатыми картофелинами, составляли его вечернюю ѣду,—кто-то тихонько толкнулъ рѣшетку съ воловьей шкурой, служившей дверью хижины, и индѣецъ увидѣлъ, къ своему удивленію, хорошенькую Люси, или Лѣсной Шиповникъ, какъ онъ называлъ ее. Дѣвочка казалась взволнованной, почти испуганной. Индѣецъ съ участіемъ спросилъ, что съ ней, и тогда она разсказала слѣдующее:

— Часъ тому назадъ я возвращалась домой отъ кузнеца Пьера Марто, которому носила маминъ ключъ, чтобы онъ поправилъ его. Когда я шла каштановой рощицей, которая примыкаетъ къ большому водопаду, Добрякъ, сопровождавшій меня, вдругъ два или три раза залаялъ короткимъ лаемъ и сталъ ворчать съ угрожающимъ видомъ, вставъ передомной, точно для того, чтобы защищать меня. Я схватила собаку за ошейникъ, чтобы не дать ей броситься на

кого-нибудь, и осмотрѣлась вокругъ. Въ ту-же минуту изъ чащи кустарника вышла высокая женщина со злымъ лицомъ, въ жалкой одеждѣ; ея сѣдые волосы падали въ безпорядкѣ, закрывая отчасти лицо. Она остановилась посреди тропинки, въ четырехъ или пяти шагахъ отъ меня.

— Придержите вашу собаку,— сказала она мнѣ хриплымъ голосомъ, который она впрочемъ старалась смягчить. — Это славный песъ, и я не хочу сдѣлать ему зла!

Хотя видъ этой женщины испугалъ меня, я сдержала себя и, поласкавъ и успокоивъ Добряка спросила ее, кто она такая.

— Не бойтесь, я не желаю вамъ зла! — отвѣтила она мнѣ.

— Если вамъ нужна помощь, — сказала я, совсѣмъ забывъ про свой страхъ—то идите за мной, бѣдная женщина! Мой отецъ и мать добры и дадутъ вамъ все, что вамъ только нужно.

— Я не прошу милостыни, — возразила женщина грубымъ голосомъ,—и мнѣ ничего не нужно. Я ищу васъ уже нѣсколько часовъ, чтобы дать вамъ добрый совѣтъ.

— Говорите, сударыня, я васъ слушаю!

— Скажите вашему отцу, что есть люди, которые не забываютъ добра, и другіе, болѣе многочисленные, которые помнятъ только зло. Тѣ, которыхъ онъ пощадилъ, мечтаютъ только о мести; это люди, которые жаждутъ крови и убійства. Но двѣ женщины, только онѣ однѣ, сохранили въ своемъ сердцѣ благодарность за благодѣянія, забывъ объ оскорбленіи; я—одна изъ этихъ женщинъ. Пусть вашъ отецъ будетъ настороже — ему угрожаетъ ужасная опасность, ему и всей его семьѣ. Нельзя терять ни минуты, если вы хотите спасти его и всѣхъ тѣхъ, кто васъ любитъ. Прощайте, я исполнила мой долгъ, предупредивъ васъ, но не могу сказать вамъ ничего больше. Торопитесь!

Проговоривъ послѣднія слова, женщина быстро скрылась въ кустарникахъ, изъ которыхъ вышла, а я сейчасъ-же поспѣшила къ вашей хижинѣ, вождь. Вѣдь, я еще ребенокъ.

быть можетъ, мой отецъ и не повѣритъ мнѣ или подумаетъ, что я слишкомъ легко дала убѣдить себя этой незнакомой женщинѣ и что опасность не такъ велика, какъ я говорю. Но вы, вождь, вы—воинъ, ваше слово имѣетъ вѣсъ; и если вы скажете: „вотъ что произошло“,—вамъ повѣрятъ!

— Хорошо, — отвѣтилъ индѣецъ съ добродушной улыбкой; — моя дочь молода, но у нея уже большая мудрость. Она хорошо сдѣлала. Она поведетъ Черную Птицу въ лѣсъ, вождь увидитъ слѣдъ ноги женщины, пойдетъ по слѣду и откроетъ истину.

— Спасибо, вождь, это хорошо. А что мнѣ надо дѣлать?

— Моя дочь будетъ молчать, вождь заговоритъ, какъ только узнаетъ все!

Люси обѣщала ничего не говорить, такъ-какъ понимала важность хранить тайну при такихъ обстоятельствахъ. По просьбѣ вождя, она привела его на то самое мѣсто, гдѣ увидѣла незнакомую женщину. Черная Птица внимательно разсмотрѣлъ слѣды отъ ея ногъ и потомъ, поблагодаривъ дѣвочку, сказалъ ей:

— Пускай моя дочь, Лѣсной Шиповникъ, возвращается въ каменную хижину: вождь напалъ на слѣдъ. Теперь все пойдетъ хорошо!

Ночь уже почти наступила, былъ часъ ужина. Никто не замѣтилъ долгаго отсутствія Люси. Такимъ образомъ, ей не надо было отвѣчать на вопросы, которые, пожалуй, смутили бы ее, и она заняла за столомъ свое обычное мѣсто, не обнаруживая ни малѣйшаго безпокойства. Казалось, ея умъ еще болѣе развился отъ совершившихся событій, и она съумѣла понять важное значеніе того, что быть можетъ должно было скоро произойти.

Оставшись въ лѣсу одинъ, Черная Птица сейчасъ-же пошелъ по слѣду незнакомой женщины, обнаруживая при этомъ то поразительное чутье и остроту зрѣнія, которыми только и обладаютъ американскіе краснокожіе. Слѣды шли по направленію къ рѣкѣ Красной. Индѣецъ переплылъ рѣку и на другомъ берегу, съ того мѣста, гдѣ онъ нашелъ пи-

рогу, спрятанную въ дуплѣ дерева и въ которой женщина переплыла рѣку, снова пошелъ по ея слѣдамъ. Они привели его, наконецъ въ лагерь, раскинутый въ видѣ маленькой деревушки, ночные огни котораго онъ замѣтилъ еще издали. Черная Птица сдѣлалъ значительный обходъ, чтобы никто не могъ отгадать, съ какой стороны онъ пришелъ, а затѣмъ рѣшительнымъ шагомъ направился прямо къ лагерю.

Какъ онъ и подозрѣвалъ, это былъ лагерь скваттеровъ. Число ихъ можно было считать до шестидесяти, причемъ женщины и дѣти составляли по крайней мѣрѣ половину. Съ ними были ихъ пожитки, въ изобиліи провизія всякаго рода, домашній скотъ; они были вооружены съ ногъ до головы.

Женщина, по слѣдамъ которой шелъ Черная Птица, вернулась въ лагерь значительно раньше, чѣмъ краснокожій. Вождь, не показывая вида, что видитъ ее, спокойно усѣлся около одного изъ ночныхъ огней; потомъ онъ спустилъ возлѣ себя на землю свою сумку, открылъ ее, досталъ оттуда кое-какую провизію и принялся ѣсть, не заботясь, казалось, о томъ, что происходило вокругъ него.

Всѣ люди, находившіеся въ лагерѣ, принадлежали къ бѣлой расѣ, исключая нѣсколькихъ негровъ. Они внимательно слѣдили за поведеніемъ индѣца, но не трогали его: такимъ образомъ поступаютъ обыкновенно индѣйцы съ путешественниками и переселенцами, которые встрѣчаются имъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ. Краснокожіе, никогда не отказывая въ гостепріимствѣ всѣмъ, кто ищетъ пріюта въ ихъ хижинахъ, считаютъ себя, не безъ основанія, въ правѣ дѣйствовать такимъ-же образомъ и по отношенію къ бѣлымъ. Въ концѣ концовъ ихъ всегда принимаютъ, если не съ радостью, то по крайней мѣрѣ равнодушно; во всякомъ случаѣ, имъ никогда не отказываютъ, если они хотятъ сѣсть или лечь возлѣ ночнаго огня. Они приходятъ и уходятъ, и никто объ этомъ не тревожится. Такой обычай гостепріимства въ кочевой жизни такъ твердо установился, что пріобрѣлъ, такъ сказать, силу закона для пустынныхъ мѣстностей, и всякій, кто-бы попытался не слѣдовать этому закону,

заслужилъ-бы негодованіе и презрѣніе къ себѣ всѣхъ своихъ товарищей.

Нѣсколько скватеровъ, одинъ за другимъ, размѣстились около индѣйца. Одинъ изъ нихъ, старикъ, взялъ спустя нѣсколько минутъ бутылку, выдолбленную изъ тыквы, откупорилъ ее, поднесъ ко рту и, порядочно отпивъ, протянулъ ее затѣмъ краснокожему, проговоривъ добродушнымъ тономъ:

— Хлебните глоточекъ, индѣецъ! Ночь свѣжая, это согрѣваетъ; это вѣдь виски!

— Спасибо!—отвѣтилъ вождь, отклоняя бутылку.

— Какъ, вы отказываетесь?—съ удивленіемъ вскричалъ старикъ.

— Черная Птица — вождь команчей! — гордо произнесъ краснокожій.

— Ну, тогда другое дѣло! — сказалъ старикъ, отпивая вторично такую-же обильную порцію, какъ и въ первый разъ.—Тогда это не стыдно.

— Мой старый отецъ не зналъ этого?—любезно отвѣтилъ вождь.

Скваттеръ зналъ, что индѣйское племя команчей никогда не употребляетъ крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ, почему и не долженъ былъ обидѣться на отказъ индѣйца выпить изъ его бутылки.

— Такъ вы изъ команчей? — переспросилъ онъ черезъ минуту.

— Черная Птица — изъ команчей озеръ; онъ — вождь своего племени.

— Команчи озеръ—храбрые воины; я видѣлъ ихъ на войнѣ.

Индѣецъ наклонилъ голову при этомъ лестномъ комплиментѣ.

— Вождь возвращается къ своему племени?—сказалъ старый скваттеръ.

— Пока еще нѣтъ! Черная Птица увидитъ свое племя только въ полнолуніе. Онъ охотится уже три лунныхъ не-

дѣли со своими молодыми людьми на бизона въ земляхъ кендіасовъ, союзниковъ своего племени.

Наступило молчаніе. Старикъ задумался, а индѣецъ набилъ свою трубку и закурилъ ее.

— Мой братъ, вождь команчей, — снова заговорилъ скваттеръ равнодушнымъ голосомъ,—другъ плантаторовъ съ рѣки Красной?

— Воинъ краснокожій — не другъ плантаторовъ, мой старый отецъ хорошо знаетъ это!

— Это правда. Плантаторы съ ихъ проклятыми новыми участками истребляютъ всю дичь, и краснокожіе не могутъ больше находить пищу для своихъ женъ и дѣтей.

Индѣецъ опустилъ голову, и его взглядъ сверкнулъ ненавистью. Этотъ отвѣтъ, хотя и нѣмой, былъ достаточно многозначителенъ.

Старикъ перетолковалъ его въ смыслѣ, наиболѣе выгодномъ для своихъ интересовъ и плановъ, которые копошились въ его головѣ.

— Молодые люди вождя находятся, безъ сомнѣнія, еще очень далеко, въ прэріяхъ?

— Въ шести часахъ ходьбы отсюда, самое большее.

— Разстояніе не большое, если его проѣхать на лошади.

— Вождь потерялъ свою лошадь.

— Я найду для него лошадь, если надо!

Индѣецъ повернулъ голову въ сторону старика и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Старый отецъ хочетъ сдѣлать предложеніе своему другу команчу?—спросилъ онъ съ особенно выразительной улыбкой.

— Быть можетъ!—отвѣтилъ старикъ.

— Уши вождя открыты!—значительно произнесъ Черная Птица.

— У вождя много молодыхъ людей?

— Нѣтъ; четыре раза столько, сколько пальцевъ на моихъ двухъ рукахъ, и одинъ разъ столько, сколько паль-

цевъ на моей правой рукѣ,—этого довольно, чтобы охотиться въ прэріяхъ на бизона.

— О, о!—сказалъ смѣясь скваттеръ.—Сорокъ пять воиновъ! Можно многое сдѣлать съ такими силами, потому что вѣдь это все, безъ сомнѣнія, отборные воины?

— Самые храбрые воины племени!

— Славно! Вотъ это хорошо!

Скваттеръ снова замолчалъ. Что-то мѣшало ему открыть свои тайныя мысли: есть вещи, которыя очень трудно высказать.

Черная Птица, сидя на землѣ съ руками, сложенными на груди, казалось, готовъ былъ заснуть; его глаза точно закрывались сами собой.

— Чертъ возьми!—вскричалъ вдругъ скваттеръ. —Если только вамъ угодно, вѣдь, я могу обезпечить вамъ большое число мѣховыхъ шкуръ, которыя не будутъ вамъ ничего стоить, не считая прекраснаго оружія въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы снабдить ружьями все ваше племя.

— О!—отвѣтилъ индѣецъ. —Мой старый отецъ любитъ смѣяться, онъ очень веселый.

— Я нисколько не шучу, а напротивъ — говорю очень серьезно!

— Нѣтъ! Гдѣ мой отецъ найдетъ эти прекрасные мѣха и великолѣпное оружіе? Развѣ они произрастаютъ на прэріяхъ, какъ деревья и трава?

— Нѣтъ, не совсѣмъ такъ, хотя вождь и найдетъ ихъ въ прэріяхъ.

— Хорошо! Я понимаю. Мой отецъ нашелъ богатый кладъ и хочетъ подѣлить его содержимое со своимъ другомъ, вождемъ команчей.

— Вы не отгадали, вождь. Если и можетъ быть въ этомъ дѣлѣ рѣчь о кладѣ, то этимъ кладомъ является домъ самаго богатаго плантатора по ту сторону рѣки Красной.

— О—о! Но плантаторъ, о которомъ говоритъ старый отецъ, не отдастъ своихъ мѣховъ и своего оружія.

— Это вѣрно.

— Ну, такъ какъ-же?

— Мы сами возьмемъ ихъ у него!

— Это правда, я и не подумалъ о такомъ способѣ! Такъ мой старый отецъ сдѣлаетъ это?

— Да!—отвѣтилъ старикъ съ выраженіемъ плохо скрытой ненависти.

— Тогда друзья стараго отца и молодые люди Черной Птицы раздѣлятъ все между собой по братски: половина ему, половина—мнѣ.

— Нѣтъ вождь. Я иду на это дѣло не ради корысти, а изъ мести.

— Старый отецъ ненавидитъ плантатора?

— Да! я сочту себя отомщеннымъ только въ томъ случаѣ, если увижу его распростертымъ у своихъ ногъ.

— Хорошо, мои молодые люди помогутъ старому отцу. Но онъ долженъ сдержать свое обѣщаніе относительно мѣховъ и оружія!

— Клянусь вамъ въ этомъ вождь, головою моей дочери, которую люблю больше всего на свѣтѣ.

— Хорошо! Мой старый отецъ можетъ разсчитывать на друзей команчей. Гдѣ Черная Птица долженъ соединиться съ блѣднолицыми?

— Завтра, какъ только взойдетъ луна, въ лугахъ зеленой воды!

— Вождь будетъ тамъ въ одиннадцатомъ часу ночи, какъ условлено.

— Значитъ, съ этимъ кончено, вождь. Когда вы предполагаете ѣхать за вашими молодыми людьми?

— Еслибы у меня была лошадь, я-бы поѣхалъ сейчасъже: путь далекій и нельзя терять на минуты, чтобы явиться въ назначенный часъ.

— Это правда. Но не безпокойтесь объ этомъ: я беру на себя снабдить васъ лошадью, на которую вы можете разсчитывать.

— О! Въ такомъ случаѣ все обстоитъ благополучно. Гдѣ эта лошадь?

— Пусть вождь идетъ за мной, лошадь готова!

Имъ пришлось идти не недалеко; прекрасная черная лошадь въ полной упряжи стояла привязанной къ дереву.

— Вотъ она,—сказалъ старикъ. — Поѣзжайте, вождь, и не забудьте чего нибудь.

— Черная Птица никогда ничего не забываетъ!

— Тѣмъ лучше! Потому что, если вы меня обманете....

— Вождь сказалъ уже, что будетъ со своими молодыми воинами на лугахъ рѣки зеленой, и будетъ тамъ!—высокомѣрно отвѣтилъ индѣецъ.

— Хорошо, буду разсчитывать на это!

Спустя двѣ минуты, вождь оставилъ лагерь, пустивъ лошадь во весь опоръ. Но, какъ только онъ очутился въ зеленомъ лѣсу и изъ лагеря уже нельзя было ни видѣть его, ни слышать стукъ копытъ лошади, Черная Птица сдѣлалъ крутой поворотъ и съ быстротой вихря устремился въ темную ночь по направленію къ плантаціи. Въ одиннадцать часовъ вечера онъ кончилъ миссію, великодушно взятую имъ на себя, и сигналомъ далъ знать о своемъ присутствіи тремъ мужчинамъ, сидѣвшимъ на балконѣ.

— Теперь, — проговорилъ индѣйскій вождь, окончивъ разсказъ о своемъ разслѣдованіи,—что думаютъ мои друзья и какія мѣры намѣреваются они употребить въ дѣло, чтобы избѣжать капкана, въ который надѣются ихъ поймать скваттеры?

— Я предчувствовалъ опасность,—сказалъ Вилльямсъ,—но этимъ и ограничивается все, что я могъ сдѣлать: я слишкомъ несвѣдущъ въ вещахъ, касающихся жизни въ такихъ пустынныхъ мѣстностяхъ, чтобы рискнуть высказать свое мнѣніе въ такомъ важномъ вопросѣ.

— На сколько человѣкъ можемъ мы разсчитывать? — спросилъ полковникъ управляющаго.

— Человѣкъ на сорокъ, самое большее, полковникъ, но все это храбрый и преданный народъ!

— Я знаю это. Къ несчастью этого оказывается недостаточно послѣ того, что намъ сказалъ вождь.

— Правда,—замѣтилъ вождь, — скваттеровъ столько-же, а у насъ еще и женщины, и дѣти.

— Это вѣрно,—сказалъ полковникъ.—И такъ, надо разсчитывать человѣкъ на двадцать пять или тридцать, самое большое: мы совершенно не знаемъ плана дѣйствій разбойниковъ и должны оберегать женщинъ и дѣтей.

— Увы!—произнесъ Виллъямсъ.

— Что дѣлать?—спросилъ полковникъ.

— Спросимъ совѣта у вождя,—сказалъ управляющій. — Черная Птица— такой же мудрый совѣтчикъ на совѣщаніяхъ, какъ и храбрый воинъ въ бою: у него навѣрное есть въ головѣ какая-нибудь идея; не даромъ-же онъ прослѣдилъ этотъ опасный слѣдъ до самаго его конца и отправился въ лагерь разбойниковъ.

— Посмотримъ! Говорите, вождь, чтобы вы стали дѣлать при такомъ положеніи дѣлъ?—спросилъ тогда полковникъ.

Вождь поднялся съ своего мѣста, запахнулся въ свой плащъ, сдѣланный изъ шкуры бизона, и, простирая правую руку впередъ, произнесъ:

— Пусть слушаютъ мои братья: великій вождь будетъ говорить!

Трое присутствовавшихъ придвинулись ближе къ индѣйскому оратору, который началъ такъ:

— Цѣль, которую имѣютъ скваттеры—это месть. Чтобы достигнуть ее, они прибѣгнутъ сначала къ пожару, чтобы поселить тревогу и страхъ среди защитниковъ плантаціи. Прежде всего надо помѣстить женщинъ и дѣтей въ такое убѣжище, гдѣ до нихъ не могли-бы добраться. Вотъ что сдѣлалъ-бы Черная Птица: за два часа до восхода солнца собралъ-бы женщинъ и дѣтей, велѣлъ-бы имъ сѣсть на лошадей и повезъ-бы ихъ за двѣ или три мили, въ мѣсто, которое онъ одинъ знаетъ и гдѣ они могутъ быть въ безопасности, пока не кончится бой; потомъ вождь продолжалъ-бы свой путь и соединился-бы съ молодыми воинами, съ

помощью которыхъ, вставъ посреди разбойниковъ, онъ уничтожилъ-бы ихъ усилія и въ извѣстный моментъ обезоружилъ-бы ихъ, въ чемъ ему помогли-бы и воины плантаціи, руководимые сильной рукой ихъ вождя. Разбойники ничего не предпримутъ до прибытія воиновъ команчей, которыхъ они считаютъ своими союзниками и къ которымъ питаютъ полное довѣріе. Черная Птица самъ поведетъ ихъ къ большому каменному дому, въ которомъ устроятъ засаду блѣднолицые. По знаку вождя воины его ударятъ на разбойниковъ спереди, въ то время, какъ воины команчи нападутъ на нихъ сзади; и скваттеры будутъ взяты, какъ животное въ норѣ, обезоруженные и связанные по рукамъ и по ногамъ раньше, чѣмъ поймутъ, что съ ними происходитъ; не успѣютъ даже подбросить особыхъ стрѣлъ, чтобы поджечь домъ.

— Это превосходный планъ, — живо сказалъ полковникъ, — именно тѣмъ, что такъ простъ и легко исполнимъ. Онъ навѣрное удастся.

— Онъ и удастся, за это я отвѣчаю! — замѣтилъ управляющій, который за время своей военной практики имѣлъ частые нелады съ индѣйцами.

— Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе,—сказалъ съ своей стороны и Виллььямсъ.—Но, съ вашего позволенія, сдѣлаю одно маленькое и невинное примѣчаніе—хотя и вовсе не критическое,—избави меня Богъ отъ этого!

— Посмотримъ, что это будетъ за примѣчаніе! — проговорилъ полковникъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло: если мы такъ увѣрены въ успѣхѣ,—а на этотъ счетъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, я гордо заявляю это, — то для чего-же удалять отсюда женщинъ и дѣтей? Развѣ они не могутъ спокойно остаться здѣсь спрятанными въ домѣ, который представляетъ полную безопасность, какъ солидная крѣпость?

— И въ самомъ дѣлѣ,—замѣтилъ полковникъ,—къ чему имъ уѣзжать?

— Это замѣчаніе кажется мнѣ довольно справедливымъ!— сказалъ управляющій, взглянувъ на вождя.

Тотъ улыбнулся съ нѣсколько сомнительнымъ видомъ.

— Сколько женщинъ и дѣтей въ плантаціи?—спросилъ индѣецъ.

— Всѣхъ около шестнадцати или двадцати, — сказалъ управляющій,—и изъ нихъ нѣсколько одного года и меньше.

— Хорошо!—отвѣтилъ вождь все еще улыбаясь и считая что-то про себя.

— Объяснитесь, мой другъ!—сказалъ полковникъ.

— Отвѣтить на это легко, а объяснить еще того легче. Чтобы битва оказалась удачной,—мой братъ знаетъ это, — надо все предвидѣть и, насколько возможно, имѣть на своей сторонѣ всѣ шансы.

— Это одна изъ тѣхъ неоспоримыхъ истинъ, противъ которыхъ ничего нельзя возразить.

— О!—произнесъ индѣецъ.—Женщины не разсуждаютъ, когда ихъ дѣти въ опасности, а дѣти разсуждаютъ и того менѣе; ихъ дѣйствіями руководятъ любопытство и страхъ. Крикъ, неожиданно вырвавшійся у женщины или ребенка, заставитъ врага встрепенуться, насторожиться и перемѣнить свои намѣренія, и тогда нашъ планъ, успѣхъ котораго могъ-бы быть обезпеченнымъ, рухнетъ изъ-за неосторожности, страха или любопытства! Пусть мои братья подумаютъ объ этомъ хорошенько. Женщины и дѣти будутъ удалены всего на два или три часа; что-же это значитъ въ сравненіи съ общимъ спасеніемъ?!

При послѣднихъ доводахъ индѣйскаго вождя, доводахъ несомнѣнно важныхъ, трое мужчинъ склонили свои головы, и, спустя нѣсколько минутъ размышленія, вполнѣ присоединились къ плану Черной Птицы.

Между тѣмъ нельзя было терять ни минуты, и потому сейчасъ-же приступлено было къ исполненію того плана, который былъ только-что принятъ.

---

*

Глава VIII.

Люси выставляетъ себя съ очень выгодной стороны и беретъ на себя отвѣтственность за свои поступки.

Какъ мы сообщали уже, планъ обороны былъ обдуманъ и принятъ полковникомъ, Вилльямсомъ, Леономъ Маркэ и Черной Птицей. Съ теоретической точки зрѣнія все было предусмотрѣно; но какъ-бы оно сошло на практикѣ—одному Богу извѣстно, потому что, къ несчастью, отъ теоріи до практики еще очень далеко: самые прекрасные и удивительно составленные на бумагѣ планы часто внезапно разбиваются о непреодолимыя препятствія, когда дѣло доходитъ до ихъ исполненія. Одна изъ поговорокъ—этихъ мудрыхъ изреченій народа, какъ говорятъ, — гласитъ, что „кто не принимаетъ въ соображеніе непредвидѣнныхъ случайностей, тотъ всегда ошибается въ разсчетѣ“, — что, конечно, очень непріятно. Такъ случилось и на этотъ разъ, когда хотѣли привести задуманный планъ въ исполненіе.

Женщины не разсуждаютъ, когда дѣло касается ихъ дѣтей; любовь матери—безсознательна, какъ и всѣ сердечныя влеченія. Ребенокъ — это все для матери; она живетъ имъ однимъ, видитъ только его, и если дѣло идетъ объ его жизни — самая кроткая и мягкая мать находитъ въ себѣ силы, чтобы противустоять самымъ логичнымъ доводамъ. Такъ было и на плантаціи: женщины отказались покинуть домъ и скрываться со своими дѣтьми, вдали отъ всякой помощи. Откровенно говоря, онѣ были правы, не желая уѣзжать отъ своихъ мужей, братьевъ, друзей. Совѣтъ вождя команчей, строго логичный съ точки зрѣнія нравовъ краснокожихъ, являлся нелѣпостью, когда дѣло касалось бѣлой расы, стоявшей на такой ступени цивилизаціи, когда невозможно принимать подобныхъ мѣръ. Дѣйствительно, индѣйцы въ военное время, прежде чѣмъ вступать въ битву, прячутъ своихъ женъ въ чащѣ лѣса, чтобы спасти ихъ отъ

жестокости враговъ; и женщины, съ дѣтства привыкшія къ кочевой жизни въ прэріяхъ и лѣсахъ, къ жизни подъ открытымъ небомъ, и не затрудняющіяся въ добываніи себѣ пропитанія, находятъ вполнѣ естественнымъ, что ихъ отцы, мужья и братья поступаютъ съ ними такимъ образомъ; во время этой добровольной ссылки, иногда очень продолжительной, образъ ихъ жизни почти не измѣняется. Индѣйцы знаютъ все это очень хорошо, почему нисколько и не безпокоятся объ нихъ, такъ какъ увѣрены, что по окончаніи войны найдутъ ихъ совершенно такими-же, какими онѣ были и раньше. Но у цивилизованныхъ народовъ — другіе нравы, другія условія жизни, идеи и обязанности. Основы ихъ семейной жизни болѣе прочны и глубоки. Благодаря нравственнымъ связямъ, мужъ обязанъ—какъ по закону, такъ и въ силу привязанности— содержать и охранять свою жену, которая привыкла находить въ немъ поддержку.

Это различіе между индѣйской и цивилизованной женщиной и затрудняло исполненіе плана, задуманнаго Черной Птицей.

Все, чего удалось добиться полковнику отъ его жены, это то, что она согласилась удалиться съ дѣтьми и служанками въ маленькій деревянный домикъ, который, въ первое время по пріѣздѣ на плантацію, служилъ временнымъ жилищемъ для всей семьи, но былъ оставленъ, какъ только большой домъ принялъ обитаемый видъ. Этотъ домикъ, остававшійся меблированнымъ, помѣщался, собственно говоря, за чертой плантаціи, но былъ какъ разъ на дорогѣ къ тому мѣсту, гдѣ разбойники назначили свое свиданіе, именно—въ пяти километрахъ отъ него. Здѣсь, судя по всему, госпожа Курти и ея дѣти могли быть тѣмъ болѣе въ безопасности, что разбойники не подозрѣвали, очевидно, о существованіи этого домика и всѣ ихъ усилія должны были быть направлены противъ большого дома. Въ случаѣ-же какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствъ, не могло представить труда защитить скрывавшихся въ немъ людей.

И такъ, озаботились тѣмъ, чтобы быстро перенести въ

домикъ съѣстные припасы и то, что могло оказаться необходимымъ для пребыванія въ немъ въ теченіи восьми или десяти дней; все это было, во всякомъ случаѣ, болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы обезпечить существованіе этихъ дорогихъ для всѣхъ существъ.

Полковникъ настоялъ, чтобы Виллльямсъ и его двое слугъ негровъ отправились вмѣстѣ съ его женой и дѣтьми—не для того, чтобы охранять ихъ, такъ какъ, казалось, опасность была немыслима, но чтобы успокоить ихъ тревожное состояніе и придать имъ бодрости. Виллльямъ сначала противился: и онъ, и его слуги, — по его мнѣнію — могли-бы принести пользу во время битвы, оставаясь около полковника. Но послѣдній продолжалъ настаивать на своемъ; госпожа Курти и дѣти также присоединились къ нему, такъ что въ концѣ концовъ ему ничего не оставалось другого, какъ уступить, хотя онъ и ворчалъ, что на его долю достается роль лѣнивца. На самомъ-же дѣлѣ, полковнику давно была извѣстна неловкость Виллльямса въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было пускать въ ходъ оружіе; кромѣ того, онъ зналъ, что тотъ не имѣетъ никакого понятія о характерѣ схватокъ на границѣ, почему и не можетъ оказать пользы, и что негры его—чистые горожане, не видавшіе другого огня, кромѣ того, который разводили на кухнѣ. Но если полковникъ и не разсчитывалъ на храбрость своего друга, тотъ могъ, тѣмъ не менѣе, оказать отличныя услуги, охраняя госпожу Курти и дѣтей.

Наконецъ, настало время разставаться. Хотя разлука не могла быть продолжительной, тѣмъ не менѣе прощанье было тяжелое. У госпожи Курти сжималось сердце, такъ какъ ей казалось, что она больше не увидитъ своего мужа, и она настойчиво умоляла его позволить ей и дѣтямъ вернуться въ большой домъ и раздѣлить съ нимъ тѣ случайности, которыя могли произойти. Но полковникъ отказалъ ей въ ея просьбѣ и въ первый разъ за все время ихъ совмѣстной жизни побранилъ свою жену, хотя у него самого стояли на глазахъ слезы.

— Негодные эти скваттеры,—сказалъ Джорджъ сердито топнувъ ногой.—Пусть-ка явятся сюда! Я испытаю на нихъ мой новый карабинъ. А ты взялъ свой, Джемсъ?—спросилъ онъ брата.

— Да, да, у меня ружье съ собой! Будь спокоенъ, я также буду убивать скваттеровъ, если они вздумаютъ напасть на насъ.

Печально прошелъ этотъ день въ домикѣ. Потомъ наступила ночь, и вмѣстѣ съ надвигавшейся темнотой общее тревожное состоянie увеличилось. Госпожа Курти, чувствовавшая себя нездоровой, просила Люси, какъ старшую, присмотрѣть за тѣмъ, какъ будутъ ложиться спать дѣти.

— Будь спокойна, мама,—отвѣтила дѣвочка,—спи хорошенько и поправляйся скорѣй!

Вилльямсъ, считая, что они здѣсь въ полной безопасности уже давно удалился въ свою комнату.

Когда Дженни заснула, Люси сдѣлала знакъ брату Джорджу и повела его въ гостиную, въ которой никого не было.

— Будемъ говорить тихонько,—сказала она,—не надо, чтобы насъ услышали. Мнѣ нужно переговорить съ тобой объ очень важныхъ вещахъ! Могу я довѣриться тебѣ, Джорджъ?

— Да, сестрица!—сейчасъ-же отвѣтилъ мальчикъ, внутренно польщенный словами своей сестры.

— Ты никому не скажешь безъ моего позволенiя о томъ, что я тебѣ открою по секрету, и будешь меня слушаться?

— Конечно, Люси!

— Дай мнѣ свое честное слово.

— Клянусь, что никому не проболтаюсь! — гордо проговорилъ Джорджъ, поднимая правую руку.

Ничего нельзя было себѣ представить смѣшнѣе и въ тоже время интереснѣе этого таинственнаго совѣщанiя двоихъ дѣтей: старшей было тринадцать лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ, а младшему только что минуло двѣнадцать. Но положенiе было очень серьезное и оба, казалось, сразу выросли

благодаря тяжелымъ обстоятельствамъ, отлично понимая, что имъ предстояла важная роль въ тѣхъ событіяхъ, которыя подготовлялись.

— Слушай, Джорджъ! Мама очень плохо чувствуетъ себя и не въ силахъ будетъ распорядиться, если что-нубудь случится,—потому что вѣдь мы должны быть готовы ко всему.

— Это правда, Люси,—отвѣчалъ Джорджъ,—и мы должны позаботиться объ ней.

— Хорошо! Я очень рада слышать это отъ тебя: это доказываетъ, что ты понимаешь то положеніе, въ которомъ мы находимся, и что я могу разсчитывать на тебя.

— Во всемъ рѣшительно!—вскричалъ онъ горячо.—Къ тому-же у меня карабинъ и....

— Пока еще дѣло обойдется и безъ твоего карабина. Выслушай меня, Джорджъ.

— Говори, сестренка!

— Мой крестный папа такой добрякъ! Я его ужасно люблю.

— И я также!—вставилъ Джорджъ.

— Да! Но въ случаѣ опасности для насъ — что онъ можетъ сдѣлать?

— Ровно ничего, это правда.

— Развѣ онъ въ состояніи защитить насъ?

— Не думаю, чтобы могъ! — проговорилъ мальчикъ съ убѣжденіемъ.

— Не то, чтобы онъ не захотѣлъ этого сдѣлать, напротивъ,—возразила дѣвочка,—но просто потому, что онъ не будетъ знать, что ему дѣлать. Мой крестный папа никогда не выѣзжалъ изъ Новаго Орлеана, онъ не знаетъ здѣшнихъ мѣстъ и не подозрѣваетъ о томъ, что происходитъ въ поселеніяхъ и какія опасности угрожаютъ странѣ.

— Онъ не умѣетъ владѣть и ружьемъ! — презрительно замѣтилъ Джорджъ.

— Это вѣрно,—подтвердила улыбаясь Люси, —и вполнѣ естественно. Я подозрѣваю, что и негры не больше его умѣютъ стрѣлять. Надо поэтому, чтобы мы при случаѣ за-

щищали себя сами, а также и маму, которая такъ добра и такъ любитъ насъ.

— О, да!—сказалъ съ волненіемъ Джорджъ. — Бѣдная мама! Но какъ-же мы съумѣемъ защитить себя? Можно-ли что устроить намъ?

— Это будетъ не трудно, если ты согласенъ слушаться меня.

— Вѣдь я тебѣ далъ уже честное слово!

— И ты сдержишь его, чтобы ни случилось?

— Я клялся, Люси! Вспомни, что я сынъ солдата!

— Ну, хорошо. Теперь выслушай меня, я сейчасъ тебѣ все скажу.

— Говори!

— Ты, Джемсъ и я—мы должны взять на себя все.

— Джемсъ еще очень молодъ!—сказалъ Джорджъ, качая головой.

— Это правда, но онъ все-таки поможетъ намъ, и мы не можемъ обойтись безъ него.

— Положимъ, что и такъ; продолжай.

— Къ тому-же мы будемъ руководить имъ. Да и то, что намъ предстоитъ дѣлать, вовсе не трудно.

— Я слушаю, говори.

— Теперь половина одиннадцатаго, всѣ въ домѣ спятъ. Если принять мѣры предосторжности, то никто не будетъ ничего подозрѣвать!—продолжала дѣвочка, которая принимала все болѣе важный видъ по мѣрѣ того, какъ открывала задуманный ею планъ.

— О, что касается слугъ, то они не пошевелятъ и пальцемъ, если даже и услышатъ насъ: они слишкомъ лѣнивы и трусливы для этого. Впрочемъ, все-же это намъ не мѣшаетъ принять мѣры предосторожности.

— Такъ и надо. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы все приготовить на случай, если на насъ будетъ нападеніе.

— Ты права, Люси. Но какъ мы это сдѣлаемъ?

— Ты всегда всѣмъ затрудняешься, а между тѣмъ не можетъ быть ничего проще этого.

— Я не говорю, что совсѣмъ не знаю, что дѣлать, я только не знаю всего....

— Намъ надо втроемъ перенести всѣ съѣстные припасы, одѣяла и матрацы въ повозки, запречь лошадей, не забыть взять вино, бисквиты, а также корму для лошадей; наконецъ, имѣть подъ рукой все необходимое, чтобы быть совсѣмъ готовыми къ внезапному отъѣзду, если придется бѣжать отсюда.

— Понимаю, все это совсѣмъ не трудно и можно съ этимъ справиться меньше чѣмъ въ часъ.

— Это не все.

— Что-же еще?

— Когда все будетъ готово, мы спрячемъ свѣчи, но не будемъ ихъ тушить, потому-что онѣ могутъ намъ пригодиться, и потомъ будемъ тайкомъ наблюдать въ окна, не покажутся-ли разбойники.

— А когда они явятся, я стану стрѣлять по нимъ! — живо вскричалъ Джорджъ.

— Нѣтъ, это только выдастъ наше присутствіе, а надо чтобы они какъ можно дольше не знали, что въ этомъ домѣ кто нибудь есть.

— Ты права.

— Ты хорошо меня понялъ?

— Совершенно!

— Тогда будемъ спѣшить. Пойди, разбуди Джемса!

Джорджъ поднялся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но потомъ остановился и быстро вернулся къ сестрѣ.

— Въ чемъ дѣло?—спросила та съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Ты забыла самое важное!—сказалъ онъ.

— Я?

— Да, Люси!

— Что-же именно?

— Такъ какъ мы не будемъ сопротивляться....

— Было-бы очень неосторожно сопротивляться!—перебила Люси съ живостью.

— Это вѣрно, но тогда намъ надо устроить баррикаду, чтобы у насъ было время убѣжать, пока разбойники станутъ ломать двери, которыя, къ счастью, довольно прочны и займутъ ихъ надолго.

— Ты правъ, Джорджъ; какъ я не подумала объ этомъ!

— У тебя явилась прекрасная мысль, сестра, а я только дополняю ее, вотъ и все!—отвѣтилъ мальчикъ самодовольно.— Но если двери будутъ заставлены баррикадами, какъ-же мы убѣжимъ?

— Не безпокойся объ этомъ: я знаю потайной ходъ, который мнѣ какъ-то случайно показалъ папа, много времени тому назадъ; я и не думала тогда, что когда нибудь это мнѣ пригодится.

— Въ такомъ случаѣ, все обстоитъ великолѣпно, я сейчасъ разбужу Джемса и вернусь къ тебѣ черезъ шесть минутъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты, счастливый той важной ролью, которую дала ему сестра, и спустя нѣсколько минутъ вернулся въ сопровожденіи брата, у котораго были еще заспанные глаза, потому что онъ былъ разбуженъ слишкомъ быстро и энергично, и во взглядѣ его стояло выраженіе удивленія и недоумѣнія.

Джемсу было десять лѣтъ, но онъ былъ высокій и сильный для своего возраста. Это былъ очень тихій, кроткій, неразговорчивый и застѣнчивый мальчикъ. Но подъ этой спокойной, почти боязливой внѣшностью скрывались задатки, которымъ надо было только окрѣпнуть, чтобы обратиться въ твердость духа и непоколебимое мужество. Самъ онъ, конечно, и не подозрѣвалъ о своихъ силахъ, еще не пробившихся наружу и таившихся пока въ глубинѣ его души, гдѣ онѣ тихонько росли, чтобы при подходящемъ случаѣ—какъ это обыкновенно бываетъ—сразу выдать о своемъ существованіи. Джемсъ былъ очень любящимъ и ласковымъ ребенкомъ. Онъ нѣжно любилъ своихъ родителей, брата и сестеръ, но питалъ особенную слабость къ Люси: она была его повѣренной, его

другомъ; онъ повѣрялъ ей свои дѣтскія тайны, и она цѣловала, одобряла его, утѣшала, если у него было горе, осушала его слезы своими добрыми и ласковыми словами, радовалась его радостямъ и потихоньку надѣляла его лакомствами. Правда, Джемсъ былъ въ большой дружбѣ и съ братомъ Джорджемъ, но пылкій и буйный характеръ послѣдняго представлялъ рѣзкій контрастъ съ его тихой и вдумчивой натурой. Благодаря этому несходству, въ отношеніяхъ Джемса къ брату проглядывало нѣкоторое недовѣріе и почти боязливое чувство; съ своей стороны, Джорджъ, слишкомъ порывистый и мало проницательный для того, чтобы понять сокровища доброты, даже снисходительности, скрытыя подъ холодной, почти недружелюбной внѣшностью, объяснявшеюся природной робостью его младшаго брата, видѣлъ въ немъ ребенка, неспособнаго ни къ какой самостоятельной дѣятельности. Говоря о Джемсѣ, онъ принималъ всегда снисходительный тонъ, презрительно сжимая губы и прибавляя непремѣнно, что „вѣдь онъ еще совсѣмъ маленькій!“.

Когда Джемсъ вошелъ въ комнату, Люси поцѣловала его, потомъ въ нѣсколькихъ словахъ познакомила его съ положеніемъ дѣлъ и открыла ему во всѣхъ подробностяхъ задуманный ею планъ. Къ большому удивленію Джорджа, Джемсъ понялъ съ полъ слова мысль сестры и сраву схватилъ ее во всѣхъ мелочахъ!

— Ты права,—сказалъ онъ съ волненіемъ,—мы должны позаботиться о нашей доброй мамѣ. Я тебѣ помогу, насколько буду въ силахъ. Къ несчастью только, у меня силы небольшія. Что надо дѣлать? Я готовъ начать.

— О!—замѣтилъ Джорджъ.— Ты такъ молодъ и несиленъ, что не можешь намъ очень-то помочь!

— Какъ знать? Искреннее желаніе и мужество чего-нибудь да стоятъ. Папа часто намъ это говорилъ, и самое лучшее, что я могу сдѣлать, это слѣдовать тому совѣту, который онъ намъ далъ.

— Какъ хочешь!—отвѣтилъ Джорджъ, значительно пожимая плечами. На самомъ дѣлѣ онъ не понялъ словъ брата

и — сказать правду — совершенно искренно считалъ себя выше Джемса.

— Теперь, когда мы обо всемъ переговорили и условились относительно плана дѣйствій,—сказала Люси, зажигая два фонаря,—не станемъ терять времени.

Потомъ она вручила одинъ фонарь Джемсу, прибавивъ:— „пойдемте всѣ вмѣстѣ“!

Трое дѣтей вышли изъ комнаты на цыпочкахъ, чтобы не разбудить никого въ домѣ. Люси замыкала шествіе. Изъ предосторожности, она потушила лампу въ гостиной, которая послѣ того погрузилась во мракъ. Такимъ образомъ, ничто не выдавало снаружи, что въ домикѣ кто-нибудь есть: не видно было никакого свѣта не слышно было ни звука.

Дѣти принялись за дѣло. Люси руководила работами съ такой увѣренностью и такъ умно, какъ нельзя было ожидать отъ ребенка ея возраста, а Джоржъ и Джемсъ трудились отъ души. Трогательно было видѣть, съ какой охотой, бодростью и стараніемъ работали они всѣ, чтобы хорошенько исполнить трудную задачу, взятую ими на себя изъ-за любви къ матери.

Но трудность дѣла превышала ихъ слабыя силы; часто имъ приходилось помогать другъ другу, соединяясь вмѣстѣ, чтобы перенести что-нибудь тяжелое или поставить передъ входной дверью массивную мебель. Ничто не могло остановить ихъ или отнять у нихъ бодрость, и они трудились безъ устали, подбодряя другъ друга. Самое трудное — это было устроить баррикады передъ дверями и низенькими окнами домика. Всего было двѣ двери и четыре окна. Двери были дубовыя, изнутри обитыя желѣзными полосками; такими-же толстыми желѣзными перекладинами были снабжены и ставни оконъ. Кромѣ того, въ ставняхъ имѣлись узкія отверстія, черезъ которыя можно было легко стрѣлять въ случаѣ нападенія.

Побуждаемыя любовью къ матери, дѣти менѣе чѣмъ въ два часа сдѣлали такую работу, за которую имъ навѣрное,

при иныхъ обстоятельствахъ, даже въ голову не пришло-бы взяться, настолько казались-бы имъ непреодолимы всѣ сопряженныя съ нею трудности. Надо еще прибавить, что нашимъ юнымъ труженикамъ помогалъ помощникъ съ поистинѣ поразительной силой, очень важной въ данномъ случаѣ: это былъ никто иной, какъ Добрякъ, огромная собака Люси. По знаку своей хозяйки, умное и преданное животное дѣлало все, что отъ него требовалось, не только охотно, но даже съ видимой радостью. И—если говорить откровенно—втеченіи всего времени, что длилась эта работа Добрякъ сдѣлалъ больше чѣмъ трое дѣтей, вмѣстѣ взятыхъ, несмотря на всѣ ихъ старанія.

Заставивъ основательно двери и окна подъ наблюденіемъ Люси, занялись нагрузкой двухъ телѣгъ одеждой, одѣялами, бѣльемъ, съѣстными припасами, словомъ — всѣмъ, въ чемъ только могла представиться надобность, еслибы пришлось бѣжать и внезапно покинуть домъ. Все было взято, считая здѣсь и кормъ лошадямъ, и оружіе, и уголь, и кухонную посуду для стряпни. Когда все было уложено, Люси еще разъ осмотрѣла телѣги, чтобы убѣдиться, что все въ порядкѣ и ничего не забыто. Въ одной изъ телѣгъ, гдѣ были сложены матрацы, одѣяла и подушки, дѣвочка нарочно оставила довольно много свободнаго мѣста. Сдѣлавъ послѣдній обзоръ, она застегнула просмоленное полотно, служившее покрышкой для повозокъ, потомъ дѣти запрягли лошадей, предварительно накормивъ ихъ хорошенько, чтобы придать имъ силъ для длиннаго путешествія по пустынной мѣстности, во время котораго нельзя будетъ отдыхать. Когда покончено было съ телѣгами и лошадьми, Люси зажгла фонари въ конюшнѣ и сараѣ, расположенныхъ такимъ образомъ, что не видно было свѣта снаружи; это было очень важно на случай торопливыхъ сборовъ, чтобы избѣжать смятенія и потери времени, когда придется спасаться бѣгствомъ.

Добряка Люси оставила сторожить повозки и лошадей: она знала, что можно было вполнѣ положиться на него въ

томъ отношеніи, что онъ не станетъ лаять, а прибѣжитъ къ ней при малѣйшей тревогѣ, чтобы предупредить ее.

Затѣмъ дѣти сошлись въ одной изъ низкихъ залъ, въ которыхъ они старательно устроили баррикады; здѣсь они могли спокойно разговаривать такъ какъ ихъ не могли замѣтить снаружи.

— Ну, что мы теперь станемъ дѣлать?—спросилъ Джорджъ, важно потирая себѣ лобъ.

— Я думаю,—сказала Люси, — что было бы важно наблюдать за тѣмъ, что дѣлается вокругъ дома, чтобы во время узнать о приближеніи непріятелей, которые навѣрное явятся сюда.

— Хочешь, я пойду кругомъ дома?—храбро предложилъ Джорджъ.

— Боже тебя сохрани отъ этого, — живо вскричала Люси,—это значило-бы открыть наше присутствіе здѣсь разбойникамъ, у которыхъ навѣрное есть шпіоны на плантаціи!

— Что же тогда дѣлать?

— Мнѣ кажется,—тихо проговорилъ Джемсъ,—что, спрятавшись на крышѣ, которая образуетъ родъ террассы, можно было-бы, не подвергаясь опасности и не рискуя быть увидѣннымъ, наблюдать за всѣмъ, что будетъ происходить вокругъ насъ, даже на большомъ разстояніи отъ дома.

— А!—вскричалъ Джорждъ.—Вотъ это славная мысль! Какъ она пришла тебѣ въ голову, братишка?

— Не знаю, да это и не важно; довольно того, что бы она была хороша.

— Да, это самое главное,—замѣтила Люси, нѣжно цѣлуя брата.—Спасибо, Джемсъ, двоя мысль превосходна, и мы воспользуемся ею. Дѣйствительно, это лучшее средство, которое мы можемъ употребить, чтобы узнавать о ходѣ событій, не возбуждая подозрѣній шпіоновъ, которые, безъ сомнѣнія, бродятъ вокругъ насъ.

Двое мальчиковъ взяли свои ружья и взобрались на кры-

шу съ помощью лѣстницы, а затѣмъ ползкомъ пробрались въ разныя стороны крыши.

Люси, убѣдившись въ томъ, что братья хорошо размѣстились на крышѣ, вернулась въ комнаты и на цыпочкахъ прошла въ спальню матери, успокоившись въ томъ, что та спала мирнымъ и ровнымъ сномъ, и загородивъ свѣчку, она сѣла въ кресло около изголовья дорогой больной.

Глава IX.

Въ которой Вилльямсъ Гранмезонъ узнаетъ, что его крестница хитрѣе, чѣмъ онъ предполагалъ.

Прошло не больше четверти часа съ тѣхъ поръ, какъ Люси, побуждаемая любовью къ матери, кончила всѣ приготовленія — не къ защитѣ, — объ этомъ дѣвочка не думала ни минуты,—но къ бѣгству, чтобы избавить свою мать отъ послѣдствій нападенія разбойниковъ на домикъ, — послѣдствій, которыя могли сдѣлаться непоправимыми, ввиду болѣзненнаго состоянія здоровья госпожи Курти. Гробовое молчаніе царило въ окрестностяхъ; ночь, освѣщенная фантастическимъ свѣтомъ луны и блѣднымъ блескомъ звѣздъ, была восхитительна. Въ воздухѣ, необыкновенно чистомъ и прозрачномъ, не слышно было дуновенія вѣтерка.

Пробило полночь на часахъ, стоявшихъ на подставкѣ изъ полисандроваго дерева въ спальнѣ больной. Люси машинально считала удары.

Вдругъ раздался глухой шумъ, похожій на отдаленный ударъ грома. Дѣвочка вздрогнула и почувствовала, что блѣднѣетъ.

— Скваттеры нападаютъ на нашихъ, — прошептала она дрожащимъ голосомъ.—Схватка началась. Боже мой! Какъ-то она кончится?

Но, произнося эти слова, Люси не трусила: она не даромъ была дочерью солдата и отличалась мужествомъ и преданностью. Если она дрожала, то не за себя, а за свою мать;

достаточно было прослѣдить за направленіемъ ея взгляда, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Удостовѣрившись, что мирный сонъ матери не былъ потревоженъ глухими раскатами, она поднялась съ кресла, осторожно оставила спальню, пробѣжала остальныя комнаты и подошла къ лѣстницѣ, которая вела на платформу; затѣмъ быстро, не переводя духу, стала подниматься по ступенькамъ. Когда голова ея очутилась на уровнѣ террасы, Люси остановилась и шепотомъ позвала Джорджа. Мальчикъ сейчасъ-же подползъ къ сестрѣ.

— Это ты Люси?—спросилъ онъ тихонько.

— Мнѣ послышался грухой шумъ; что это значитъ?

— Это значитъ, что тамъ бьются. Папа и наши друзья схватились со скваттерами!—отвѣчалъ Джорждъ.

— Боже мой! Бѣдный папа! — прошептала Люси, складывая руки.—Увѣренъ-ли ты, Джорждъ, что нападеніе уже началось?

— Конечно. Можно видѣть издали, какъ горятъ хижины, точно зажженныя спички. Сомнѣнія не можетъ быть.

— Увы! что мы будемъ дѣлать, Джорджъ? — вскричала Люси.—И бѣдная наша мама! Какое печальное пробужденіе ждетъ ее!

— Надо сейчасъ же разбудить ее! — сказалъ Джорждъ.

— Не будемъ торопиться, — живо проговорилъ Джемсъ, который подошелъ къ нимъ, заслышавъ голосъ сестры. — Пока еще намъ не угрожаетъ никакая опасность. Сраженіе далеко отъ насъ. Мы же съ своей стороны совершенно приготовились, такъ что достаточно будетъ нѣсколькихъ минутъ, чтобы убѣжать отъ разбойниковъ.

— Да,—замѣтила рѣшительно Люси,—не будемъ поддаваться страху, пока еще опасность далеко отъ насъ. Джемсъ правъ, мы здѣсь хорошо спрятаны отъ враговъ. Кто знаетъ быть можетъ наше присутствіе здѣсь и не будетъ вовсе открыто?!

— Во всякомъ случаѣ,—прибавилъ Джемсъ, —для чего-

же будить маму раньше, чѣмъ мы не будемъ увѣрены, что на насъ нападаютъ?

— Ну, подождемъ, я и не желаю ничего другого,—сказала Джорджъ;—но будемъ осторожны и не выдадимъ себя.

— Если мы будемъ внимательно слѣдить, намъ не трудно будемъ судить о положенiи дѣла и узнать, когда наступитъ моментъ для бѣгства!—замѣтилъ Джемсъ.

— Само собою разумѣется, — проговорилъ Джорджъ, — Иди, Люси, вернись къ мамѣ, а мы возвратимся опять на наши наблюдательные посты.

— Хорошо,—сказала Люси;—до свиданiя!

Она скрылась и ступая легко, какъ птичка, стала пробираться въ спальню матери. Но, не доходя до этой комнаты, она, къ своему крайнему удивленiю, неожиданно очутилась въ гостиной лицомъ къ лицу съ Вилльямсомъ. Люси не могла удержать крика удивленiя.

Вилльямсъ, одѣтый въ свое дорожное платье, спокойно заряжалъ пистолетъ; ружье, уже заряженное, лежало на столѣ.

— А, дѣточка, куда ты это бѣжишь? Я думалъ, что ужъ ты давно лежишь въ постели и спишь!

Люси покачала своей хорошенькой бѣлокурой головкой улыбнулась милой улыбкой и проговорила съ гордостью:

— Я совсѣмъ не ложилась и не спала, крестный папа!

— Такъ, дитя, но безсонныя ночи совсѣмъ не для такихъ маленькихъ дѣвочекъ, какъ ты. Повѣрь мнѣ и лучше отправляйся спать.

— Крестный папа,—сказала Люси, не отвѣчая на слова Вилльямса,—позвольте мнѣ потушить эту лампу, которую вы зажгли: свѣтъ такъ легко увидѣть съ дороги. Хотя ставни и закрыты, но достаточно одного луча свѣта, чтобы наше убѣжище было открыто шпiонами скваттеровъ!

— Честное слово, это вѣрно! — вскричалъ Вилльямсъ, ударяя себя по лбу.—Но если я потушу лампу, то какъ-же мы будемъ видѣть въ темнотѣ?

— Не безпокойся объ этомъ, крестный папа, — сказала

дѣвочка, рѣшительно потушивъ лампу;—съ насъ будетъ довольно и моего фонаря.

— Какъ хочешь, Люси; знаешь, я и не зналъ, что ты такая осторожная, и искренно выражаю тебѣ свое пріятное удивленіе по этому поводу.

— О, крестный папа!—сказала грустно Люси.—При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы живемъ, дѣти сами научаются разсуждать и поневолѣ становятся благоразумными, такъ какъ этому учатъ ихъ постоянныя опасности.

— Это вѣрно, совершенно вѣрно, — пробормоталъ Вильямсъ, качая головой.—Какое печальное существованіе для бѣдныхъ дѣтей! Постоянно бояться чего-нибудь, жить подъ вѣчнымъ страхомъ! Это даже не значитъ жить! Спохватившись, онъ проговорилъ громко:

— Ты конечно знаешь, что на плантацію напали разбойники?

— Да, крестный папа.

— И ты не трусишь?

— О, да, очень. Я боюсь за маму, которая такъ больна!

— И то правда. Лучше-ли ей?

— Да, ей нуженъ только отдыхъ и спокойствіе. Къ несчастью, я боюсь, какъ-бы скваттеры не открыли, гдѣ мы скрываемся.

— Этого, конечно, можно опасаться. Что намъ тогда дѣлать? Вотъ вопросъ, на который, я думаю, довольно трудно отвѣтить.

— Почему-же трудно, крестный папа?—спросила съ любопытствомъ Люси.

— По многимъ причинамъ, дѣточка!

— Ну, разберемъ эти причины, мой добрый крестный папочка! Скажите мнѣ хоть нѣкоторыя изъ нихъ, пожалуйста, я такъ хочу ихъ знать!

— Ну, ничего не подѣлаешь, приходится тебѣ уступить.

— Какъ и всегда, папочка. Я слушаю!

— Во первыхъ, я боюсь напугать тебя своими словами.

— Будьте спокойны, меня не легко напугать.

— Представь только, что разбойники открыли этотъ уединенный домикъ и начинаютъ его аттаковать.

— Одно неизбѣжно вытекаетъ изъ другого.

— Что намъ остается тогда дѣлать? Каковы наши средства защиты противъ разбойниковъ? Мои два негра да я— вотъ и весь отрядъ, и я подозрѣваю къ тому-же, что мои негры отчаянные трусы.

— Я увѣрена даже въ этомъ, крестный!

— Надо будетъ постараться какъ можно скорѣе спастись бѣгствомъ, но я не знаю еще, удастся-ли это.

— Почему-же нѣтъ?

— Очень просто, дорогая, потому-что твоя мать больна и не можетъ стоять на ногахъ, а тѣмъ болѣе идти въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. И это еще не все: три или четыре негритянки твоей матери совсѣмъ обезумѣли отъ страха и неспособны помогать намъ во время бѣгства. Наконецъ, твоя сестра и братья только затруднятъ наше бѣгство, потому-что не могутъ перенести утомительной дороги.

— Такъ вы думаете, крестный?..

— Я думаю, что въ томъ положеніи, въ которомъ мы находимся, самое лучше, что мы можемъ сдѣлать — это довѣриться разбойникамъ; вѣдь все-таки это бѣлые, какъ ни какъ: быть можетъ, они еще и не убьютъ насъ.

— Можетъ быть, крестный папа!

— Я знаю, что нельзя быть увѣреннымъ въ этомъ, — живо вскричалъ Вилльямсъ.—Вотъ почему и дрожу — не за себя, дорогая моя дѣвочка, но за васъ, за твою мать, твою сестру, братьевъ и тебя. Пускай меня убиваютъ — я уже старъ и смерть можетъ явиться ко мнѣ, когда ей угодно — она не испугаетъ меня.

— А что, мой крестный папа,—произнесла Люси съ загадочной улыбкой,— что̀, если-бы у насъ была возможность бѣжать?..

— Я-бы не колеблясь воспользовался этой возможностью.

— Правда?

— Чортъ возьми! Надо быть дуракомъ, чтобы не испы-

тать средства спастись! Но ты понимаешь, что эти средства должны быть вѣрными.

— Я и говорю о такихъ.

— Но я безумецъ! Я брежу и ты тоже, дѣточка! Вѣдь мы сидимъ въ капканѣ, изъ котораго намъ не удастся выкарабкаться. Надо помириться съ этимъ положеніемъ. Это несчастье, я и самъ это отлично знаю, но что-же дѣлать, если иначе поступить невозможно; лучше ужъ сейчасъ-же сдаться, это будетъ самое благоразумное!

— Я не согласна съ вами, крестный.

— Да, въ самомъ дѣлѣ?

— Совсѣмъ не согласна.

— А все-таки тебѣ придется уступить, бѣдное дитя; я знаю, что ты мужественная дѣвочка и съ силой воли, но...

— Крестный папа, съ силой воли можно многое сдѣлать.

— Увы! Это прекрасно въ теоріи, но...

— Я не знаю, что вы хотите сказать, но, такъ какъ слишкомъ долго объяснять вамъ то, что думаю, доставьте мнѣ удовольствіе и пойдемте со мной.

— Куда это?

— Вы сами увидите.

— Ого! Знаешь, дитя, ты меня интригуешь!

— Подождите, крестный папа, вы собственными глазами увидите сейчасъ то, что васъ интересуетъ.

— Ну, чтожъ, если хочешь, пойдемъ.

— Въ добрый часъ!

Они вышли изъ гостиной. Люси шла впереди съ фонаремъ въ рукѣ. Спустившись съ лѣстницы, дѣвочка остановилась.

— Смотрите сюда!—сказала она.

— А, эта дверь основательно заставлена; ее не легко будетъ открыть!

— Не правда-ли?

— Конечно. Кому пришла въ голову такая прекрасная мысль?

— Я послѣ скажу это вамъ. Сначала осмотрите окна нижнихъ комнатъ и эту вторую дверь.

— Но почему-же ты не сказала мнѣ этого прежде? Мы тутъ въ настоящей крѣпости и можемъ выдержать осаду! — вскричалъ онъ въ восторгѣ.

— О, вы ужъ слишкомъ далеко заходите, крестный, въ вашемъ восхищеніи!

— Честное слово, нѣтъ, дѣвочка! Я говорю то, что думаю. Но кто-же могъ устроить всѣ эти баррикады? Такъ здѣсь есть въ домѣ люди, которыхъ я не видѣлъ и которыхъ твой отецъ оставилъ, чтобы сдѣлать все это и защищать насъ въ случаѣ нападенія?

— Увы, нѣтъ, крестный! Здѣсь никого нѣтъ, кромѣ насъ.

— Тогда я теряюсь въ догадкахъ и отказываюсь отгадывать.

— Но вы еще не все осмотрѣли, крестный!—сказала весело Люси.

— Развѣ есть еще что-нибудь?

— Конечно, пойдемте со мной.

— Нѣтъ сомнѣнія, что я все это вижу во снѣ, — проговорилъ Вилльямсъ. — Я сплю, это очевидно. Укуси-ка мой мизинецъ, дѣточка!

— Не стоитъ трудиться, вы вовсе не спите.

— Ты полагашь?

— Совершенно увѣрена въ этомъ.

— Ну, если ужъ ты не сомнѣваешься въ этомъ, мнѣ нечего больше сказать. Куда-же мы идемъ?

— Вы увидите сами, крестный.

— Это вѣрно. Ты настоящій живой логогрифъ. Надо отдать тебѣ справедливость, ты умѣешь заинтересовывать.

— Вамъ это не нравится?

— Я этого не говорю.

— Тогда идемъ.

Когда Люси показала Вилльямсу два уложенныхъ и запряженныхъ фургона и осѣдланныхъ лошадей въ конюшнѣ, онъ отказывался вѣрить своимъ глазамъ: то, что онъ видѣлъ,

превышало всѣ границы возможнаго. Онъ смѣялся, плакалъ и цѣловалъ свою крестницу, не помня себя отъ радости.

— Мы спасены! — вскричалъ онъ съ восхищеніемъ. — Все предусморѣно, все сдѣлано. Но скажи-же мнѣ, наконецъ, дитя мое, кто совершилъ это чудо?

— Вы непремѣнно хотите это знать?

— Полагаю, что хочу очень!

— Въ такомъ случаѣ, крестный,—сказала Люси, бросаясь на шею къ своему крестному отцу, — автора этого чуда зовутъ... Она остановилась и посмотрѣла на Вилльямса.

— Зовутъ?..—спросилъ онъ.

— Любовью!

— Какъ? Что ты говоришь?

— Это правда, крестный. Это наша любовь къ родителямъ вдохновила насъ, дала намъ силы, необходимыя для того, чтобы исполнить задачу, результаты которой такъ удивили васъ.

— Скажи лучше: „восхитили„. Такъ значитъ это ты и твои друзья, которые....

— Да, крестный.

— Но вѣдь отъ этого съ ума можно сойти! Такое самоотверженіе поразительно! Обними меня еще разъ, дѣточка!

— Сколько только вамъ будетъ угодно! Но я должна предупредить васъ, что у насъ былъ помощникъ, безъ силы котораго мы-бы пропали. Безъ него намъ никогда не удалось этого сдѣлать.

— А! Въ такомъ случаѣ представь его мнѣ, я счастливъ буду пожать ему руку.

— Вы хотите сказать—лапу?—проговорила Люси, смѣясь отъ всей души.

— Гм! Какъ-же это такъ?

— Я хочу сказать, что это помощникъ никто иной, какъ мой славный Добрякъ.

— Какъ, онъ? И это правда?

— Конечно, крестный папочка!

— Чортъ возьми, я не хочу быть обвиненнымъ въ томъ, что не держу своего слова!—вскричалъ онъ смѣясь.

— Такъ вы пожмете ему лапу?—весело сказала Люси.

— Нѣтъ, насмѣшница, но я докажу ему свою благодарность такъ, что ему это доставитъ удовольствіе, я въ этомъ увѣренъ.

И онъ позвалъ Добряка, приласкалъ его и сталъ кормить хлѣбомъ и сахаромъ. Не можемъ умолчать о томъ, что тотъ принялъ, какъ ласки, такъ хлѣбъ и сахаръ съ несомнѣннымъ признакомъ самаго живого удовольствія.

— Ну, что вы на это скажете, сударыня?

— Скажу, что вы такой чудесный и что я васъ люблю всей душой.

— Ну, и отлично! Я тебя тоже люблю! Но гдѣ-же твои братья? Неужели, покончивъ съ дѣломъ они улеглись спать?

— О, крестный, какъ вы можете такъ думать про нихъ!

— Но вѣдь я ихъ не видалъ до сихъ поръ, ты должна согласиться съ этимъ. Почему они не были съ тобой?

— Просто потому, что они оба сторожатъ на терассѣ, на крышѣ дома, чтобы вовремя замѣтить непріятеля и предупредить насъ, если только скваттерамъ придетъ въ голову направиться въ эту сторону.

— Хорошъ я, нечего сказать! — вскричалъ Вилльямсъ мнѣ надо было самому догадаться объ этомъ! Но это великолѣпно! Ни одного ложнаго шага, ни одной ошибки, ничего не забыто! Я буду всегда это помнить!

— Чтобы бранить насъ за это? — проговорила Люси съ лукавымъ видомъ.

— Чтобы любить васъ и осыпать ласками, всѣхъ, сколько васъ ни есть! Честное слово, теперь я не жалуюсь на положеніе, въ которомъ мы находимся, потому что видѣлъ и испыталъ то, чего—не будь такого положенія— я быть можетъ, никогда-бы не имѣлъ счастія видѣть и испытать. Благодарю, дѣти мои, вы мнѣ вернули на часъ мою моло-

дость и былую свѣжесть чувствъ. Какъ это хорошо, Богъ мой! Какъ хорошо быть любимымъ и самому любить такъ сильно!

Онъ вытеръ непрошенную слезу, которая заблестѣла на его рѣсницахъ. Наступило молчаніе. Виллькямсъ задумался.

Уже съ нѣкоторыхъ поръ стрѣльба слышалась все ближе и ближе, распространяясь, повидимому, на большое пространство. Сухой, потрескивающій звукъ выстрѣловъ раздавался безостановочно и съ необыкновенной силой. Огромное зарево окрасило небо краснымъ отблескомъ: это горѣли домики рабочихъ, которые разбойники подожгли изъ чувства мести къ ихъ хозяину. По временамъ влажнымъ ночнымъ вѣтеркомъ доносились до обитателей нашего дома глухіе крики, вызывая въ нихъ чувство ужаса: они понимали, что если разбойники въ концѣ концовъ одолѣютъ защитниковъ плантаціи, то не замедлятъ открыть и ихъ убѣжище.

— Надо во что-бы то ни стало покончить съ этимъ! — сказалъ вдругъ Виллькямсъ, топнувъ ногой.—Всякая увѣренность лучше, чѣмъ эта неопредѣленность положенія, полная ужаса.

— Что-же вы хотите сдѣлать?

— Чортъ возьми! Я хочу съ своей стороны попробовать быть полезнымъ; до сихъ поръ я игралъ довольно таки незавидную роль во всемъ этомъ дѣлѣ. Но теперь настало время выйти и мнѣ на сцену!

— Я не понимаю васъ крестный папа, но вы пугаете меня!

— Успокойся, дѣточка: ничего нѣтъ страшнаго въ томъ, что я собираюсь сдѣлать!

— Что-же это въ такомъ случаѣ?

— Я просто думаю разбудить моихъ двухъ негровъ, Аполлона и Януса, и послать ихъ на развѣдки. Хотя они и трусливы, но обладаютъ хитростью и ловкостью. Я увѣренъ, что они живо принесутъ намъ самыя свѣжія и вѣрныя новости съ поля битвы.

— Но какъ-же они выдутъ изъ дому? Надо будетъ, значитъ—открыть дверь?

— Ахъ, ты, хитрая дѣвочка! Вѣдь если ты заставила обѣ двери, такъ ужъ, значитъ, мы не нуждались-бы въ нихъ на случай бѣгства?!

— Конечно, крестный папа! Есть потайной ходъ, который показалъ мнѣ папа. Но думаете-ли вы, что было-бы благоразумно въ томъ положенiи, въ какомъ мы теперь находимся,—довѣрить такой важный секретъ слугамъ хоть и преданнымъ быть-можетъ, но во всякомъ случаѣ трусливымъ? Вѣдь, именно потому, что они такъ трусливы, ихъ не трудно будетъ запугать и вывѣдать все, что угодно!

— Чортъ знаетъ, что за логика у этого ребенка!— вскричалъ Вилльямсъ. —Какъ разсуждаетъ эта дѣвочка! Честное слово, ты права, дитя мое, потому что тайну, которую довѣрилъ тебѣ твой отецъ, надо хранить до послѣдней минуты. Такъ-то будетъ лучше для всѣхъ!

— Спасибо, крестный папочка, но тогда какъ-же сдѣлать, чтобы послать негровъ на развѣдки? Нодо-бы все-таки узнать что нибудь вѣрное о томъ, что происходитъ въ большомъ домѣ.

— Это вѣрно, дитя, непремѣнно нужно узнать. Какъ-же намъ иначе знать, слѣдуетъ-ли намъ оставаться здѣсь или бѣжать? Надо выйти изъ этого неопредѣленнаго положенія!

Онъ ударилъ себя по лбу, въ надеждѣ, не осѣнитъ-ли его какая-нибудь удачная мысль, но вдохновенiе совершенно покинуло его въ данную минуту, и онъ не смотря на всѣ свои старанія не могъ ничего выдумать.

— Крестный!—скромно произнесла Люси, тихонько трогая его за руку.

-- А? Что? Чего тебѣ, малютка?

— Мнѣ кажется, я нашла средство, какъ выйти изъ нашего положенія.

— Хорошо, меня это нисколько не удивляетъ. Ты исполнена такой мудрости, что еще заставишь меня повѣрить въ существованiе фей!

— О, крестный папа!—сказала смѣясь Люси.

— Я говорю тебѣ то, что думаю. Но въ чемъ-же твое средство? Разсказывай!

— Оно очень просто.

— Самыя простыя средства — всегда самыя лучшія! — проговорилъ Вилльямсъ наставительнымъ тономъ. — Ну, говори, дитя, я слушаю.

— Мнѣ кажется, что если пріотворить немного окно, то негры легко спустятся изъ него съ помощью веревки; такимъ-же способомъ они могутъ и подняться неверхъ, тѣмъ болѣе, что окна не выше, чѣмъ на четыре или пять метровъ отъ земли.

— Вотъ это идея! Великолѣпно, восхитительно! И какъ я не додумался до этого самъ! Нѣтъ, что и говорить, у этой дѣвочки отличная голова! — вскричалъ Вилльямсъ, цѣлуя Люси. — Подожди минуточку! Гдѣ мнѣ достать веревокъ?

— Онѣ въ передней, вы увидите тамъ цѣлый пучокъ веревокъ въ углу налѣво, около стола.

— Отлично, я найду ихъ, не безпокойся объ остальномъ.

И онъ быстрыми шагами вышелъ изъ гостиной а черезъ четверть часа вернулся въ сопровожденіи Аполлона и Януса: послѣдній несъ толстую связку веревокъ.

Негры были, повидимому, не слишкомъ довольны тѣмъ доказательствомъ довѣрія, какое собирался дать имъ ихъ господинъ.

Вилльямсъ оглянулся кругомъ, но Люси не было въ комнатѣ.

— Славно!—вскирчалъ онъ съ нетерпѣніемъ. — Куда-же она дѣвалась? У этого ребенка — ртуть вмѣсто крови въ тѣлѣ, она ни минуты не можетъ оставаться спокойно на мѣстѣ! Куда-же она пошла вмѣсто того, чтобы ждать меня здѣсь? Что-же я теперь буду дѣлать?

Негры тайкомъ обмѣнялись взглядами: послѣ такихъ

словъ своего господина, бѣдняги считали себя уже спасенными. Но ихъ надежда не замедлила разсѣяться, какъ дымъ: послышались торопливые шаги, и почти въ ту-же минуту вошла Люси.

— Какъ вы уже успѣли вернуться, крестный!—вскричала она.—Однако, вы скоро это сдѣлали!

— Дѣло не въ этомъ, сударыня! А почему вы меня не дожидались, какъ я сказалъ вамъ?

— Я пошла предупредить братьевъ.

— А! хорошо! Но какое-же дѣло твоимъ братьямъ до этого, скажи на милость?

— Очень большое, мнѣ кажется!

— Какъ-же это такъ? Не угодно-ли тебѣ объясниться, по крайней мѣрѣ?

— Конечно, крестный! Еслибы я не предупредила братьевъ, то они, увидя двухъ негровъ, спускающихся изъ окна, могли-бы подумать, что тѣ покидаютъ насъ и измѣняютъ,— и пожалуй выстрѣлили-бы въ нихъ.

— Ну, я вижу, что ничего не умѣю предугадывать; но, къ счастью, ты съ своей стороны ничего не забываешь.

Негры задрожали съ ногъ до головы при одной мысли о той опасности, какой они могли-бы подвергнуться, еслибы дѣвочка не предупредила ее вовремя.

— Что мы теперь станемъ дѣлать?

— Мы откроемъ это окно.

— Ну, маршъ за работу! И живо; дѣти мои, у насъ времени немного.

Негры молча повиновались.

— Хорошо ли вы поняли мои приказанія?

— Да, господинъ!—отвѣтилъ Янусъ.

— Повтори, что я сказалъ.

— Вы посылаете насъ на развѣдки, чтобы знать, не собираются-ли скваттеры въ эту сторону.

— Такъ, а еще что?

— Мы должны,—продолжалъ Янусъ,—подойти какъ можно ближе, но такъ, чтобы насъ не замѣтили, и какъ

только точно узнаемъ, въ какомъ положеніи дѣла, поскорѣе вернуться назадъ.

— Такъ вѣрно. Привяжите покрѣпче эту веревку. Хорошо! Еще одно слово: когда вы вернетесь, вы ударите три раза въ ладоши и произнесете только одно слово: „*Люси*". Хорошо-ли вы поняли меня?

— Да, господинъ!

— Ну, тогда отправляйтесь въ путь!

Оба негра влѣзли на окно, обхватили руками веревку и благополучно сползли по ней на землю; потомъ они пустились бѣгомъ и почти моментально исчезли въ густомъ кустарникѣ.

Вилльямсъ втащилъ въ окно веревку, заперъ окно и ставню и, усѣвшись въ кресло со вздохомъ облегченія, произнесъ:

— Теперь будемъ ждать ихъ возвращенія!

— Да, крестный папа, а я воспользуюсь этимъ временемъ, чтобы посмотрѣть, не надо-ли чего мамѣ.

— Такъ, такъ; ступай, дѣточка!

Дѣвочка тихонько и осторожно вошла въ спальню своей матери.

Глава X.

Какъ хитрый вождь команчей обманулъ стараго скваттера, который самъ думалъ обмануть его.

Теперь мы вернемся къ полковнику и его друзьямъ, которыхъ мы давно уже покинули, слишкомъ увлекшись—сознаемся въ этомъ откровенно—одной очаровательной дѣвочкой, по имени Люси, такой доброй, преданной и развитой не по лѣтамъ.

Тотъ планъ дѣйствій, который былъ выработанъ на общемъ совѣтѣ полковникомъ, индѣйскимъ вождемъ, управляющимъ и Гранмезономъ, былъ приведенъ въ исполненіе отъ начала до конца, за исключеніемъ того пункта, который касался удаленія женщинъ и дѣтей плантатора: какъ мы

говорили уже, они согласились только перейти въ другой домикъ.

Черная Птица, согласно рѣшенію совѣта, вскочилъ верхомъ на лошадь и во весь духъ помчался въ лагерь своихъ воиновъ. Въ часъ, назначенный старымъ скваттеромъ, онъ былъ уже на лугахъ рѣки Зеленой. Онъ привелъ съ собой не сорокъ пять воиновъ, какъ обѣщалъ, а сто двадцать, и все самыхъ отборныхъ и самыхъ храбрыхъ своего племени.

Черная Птица былъ не только необыкновенно храбрымъ вождемъ, но и обладалъ испытанной проницательностью и хитростью; въ другой средѣ, чѣмъ та, въ которой ему приходилось упражнять свои таланты, онъ въ своей военной ловкости и хитрости не уступилъ-бы самымъ тонкимъ и опытнымъ дипломатамъ. Онъ далеко не довѣрялъ словамъ стараго скваттера и подозрѣвалъ, что тотъ не сообщилъ ему своихъ настоящихъ намѣреній, тѣхъ средствъ, которыя разсчитывалъ пустить въ ходъ для того, чтобы захватить врасплохъ плантаторовъ, и той дѣйствительной силы, какою онъ располагалъ для этого предпріятія. Что-же касается до обѣщаній, на которыя скваттеръ былъ такъ щедръ по отношенію къ нему, то Черная Птица слишкомъ хорошо и съ давнихъ поръ зналъ этихъ бродячихъ охотниковъ, не имѣвшихъ ни вѣры, ни законовъ, это позорное пятно бѣлой расы, къ которой они принадлежатъ и которую безчестятъ своимъ вѣроломствомъ, любовью къ грабежу и въ особенности жестокостью, далеко превышающей свирѣпость самыхъ безжалостныхъ изъ краснокожихъ,—слишкомъ хорошо, повторяю, зналъ все это, чтобы повѣрить хотя одному слову стараго разбойника.

На разстояніи версты отъ луговъ рѣки Зеленой, Черная Птица раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части: одну—въ сорокъ пять человѣкъ, надъ которой онъ самъ принялъ команду, и другую—изъ семидесяти пяти воиновъ, начальство надъ которыми поручилъ своему другу, очень опытному старому вождю, прозванному Аллигаторомъ за его хитрость, на котораго Черная Птица могъ вполнѣ положиться, что-бы ни

случилось. Оба вождя отошли въ сторонку, выкурили трубку мира и стали держать совѣтъ, длившійся около получаса; затѣмъ, когда они согласились во всѣхъ пунктахъ, присоединились къ воинамъ, которые за все время совѣщанія неподвижно и молча сидѣли на своихъ лошадяхъ, точно изваянія изъ флорентинской бронзы. Вожди церемонно раскланялись другъ съ другомъ и затѣмъ разстались.

Аллигаторъ разставилъ свой отрядъ въ линію по индѣйскому обычаю, потомъ всталъ во главѣ его, повернулъ на право и не замедлилъ скрыться во мракѣ ночи вмѣстѣ со своими воинами. Черная-же Птица, напротивъ, продолжалъ быстро ѣхать впередъ со своими сорока пятью воинами, которыхъ онъ оставилъ около себя. Онъ ѣхалъ съ такой быстротой, что въ полночь былъ уже въ преріяхъ, среди зеленыхъ волнъ,—какъ разъ въ тотъ моментъ, когда и скваттеры подъѣзжали туда съ противуположной стороны. Встрѣтившись, бѣлые и краснокожіе привѣтствовали другъ друга самымъ любезнымъ образомъ, обнаруживая признаки живѣйшей дружбы. Это было въ порядкѣ вещей; но Черная Птица съ перваго-же взгляда замѣтилъ, что скваттеровъ было больше полутораста, среди которыхъ вождь узналъ многихъ разбойниковъ прерій. Индѣецъ ожидалъ подобной вещи и предвидѣлъ измѣну со стороны своего союзника. Предупрежденный такимъ образомъ, онъ держался насторожѣ, притворяясь, разумѣется, что ничего не замѣчаетъ.

— Добро пожаловать, вождь!—сказалъ старый скваттеръ, приближаясь къ нему съ добродушнымъ выраженіемъ лица.

— Старый отецъ видитъ, что Черная Птица держитъ свое слово!—отвѣтилъ индѣецъ.

— А я еще вѣрнѣе сдержу свои обѣщанія!—поспѣшилъ увѣрить старый скваттеръ.

Черная Птица вмѣсто отвѣта только склонилъ голову.

— Мой братъ,—продолжалъ скваттеръ,—можетъ совершенно самостоятельно аттаковать домъ плантатора, который мы осадимъ только послѣ того, какъ разграбимъ и уничтожимъ сахарныя, кофейныя и рисовыя плантаціи, и подожжемъ

хижины негровъ и рабочихъ. Каждый свободенъ дѣйствовать, какъ ему угодно, за свою собственную отвѣтственность. Что скажетъ на это мой краснокожій братъ?

— Черная Птица скажетъ: „это хорошо"!

— Но постойте!

— Въ чемъ дѣло?

— Былъ сдѣланъ договоръ между всѣми союзниками.

— Уши вождя открыты, чтобы слушать.

— Вся добыча, полученная союзниками, должна быть снесена въ одно мѣсто.

— Для чего?

— Чтобы раздѣлить ее между всѣми и чтобы у каждаго была одинаковая часть.

— Кто рѣшилъ это?

— Всѣ вожди.

— Черная Птица — одинъ изъ первыхъ вождей своего племени, и онъ отсутствовалъ, когда было постановлено это рѣшеніе на совѣтѣ.

— Сознаю, что поступили неправильно, но что сдѣлано, то сдѣлано!

По лицу индѣйца скользнула загадочная улыбка: неожиданно представлялся случай, котораго онъ ожидалъ, а онъ былъ не изъ такихъ людей, чтобы упустить его.

— Мои блѣднолицые братья будутъ держать новый совѣтъ.

— Это невозможно!—сказалъ любезно скваттеръ.

— По какой причинѣ?

— Нѣтъ времени! И такъ, вы не признаете этого условія?

— Нѣтъ!

— Почему?

— Черная Птица уже сказалъ: „потому, что этотъ договоръ былъ принятъ въ его отсутствіе".

— Однако мнѣ кажется...

— Старый отецъ неправъ. Вождь команчей не повинуется никому, и его плѣнные должны принадлежать только ему.

Добыча, захваченная имъ, —это его собственность. Онъ ничего не дѣлитъ, все должно идти въ его хижину.

— Ну, ну, вождь, вы ужъ черезчуръ обидчивы!

— Черная Птица сказалъ и не повторитъ своихъ словъ. Онъ уходитъ со своими воинами.

— Вождь не сдѣлаетъ этого!

Черная Птица пожалъ плечами.

— Прощайте!—сказалъ онъ.

— И такъ, вождь уѣзжаетъ со своими воинами?

— Тотчасъ-же.

— Куда онъ ѣдетъ?

— Туда, куда идетъ ягуаръ, когда онъ охотится. Черная Птица свободенъ и можетъ идти, куда хочетъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы становитесь противъ насъ.

— Развѣ я сказалъ это сѣдому отцу?

— Нѣтъ, но таково ваше намѣреніе, я въ этомъ увѣренъ! Ну, подумайте-же хорошенько! Въ то время, какъ мы теряемъ время, наши друзья начинаютъ уже приступать къ дѣлу.

Дѣйствительно, скваттеры и разбойники, составившіе очевидно заранѣе планъ дѣйствія, разсыпались по всѣмъ направленіямъ и уже подожгли нѣсколько одиноко стоявшихъ хижинъ Въ разныхъ мѣстахъ раздавалась стрѣльба—нападеніе началось. Слышались злобные, отчаянные крики и видно было при свѣтѣ зарева отъ пожара, какъ женщины и дѣти, обезумѣвъ отъ страха, спасались бѣгствомъ, въ то время, какъ мужчины старались схватить разбойниковъ. Однако, несмотря на быстроту аттаки, начатой заразъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, опытный глазъ краснокожаго вождя замѣтилъ, что разбойники, при всѣхъ ихъ усиліяхъ и томъ видимомъ успѣхѣ, который, казалось, увѣнчивалъ ихъ труды, начинали отступать; и это совершалось тѣмъ легче, что они сражались безпорядочно, не имѣя вождя, который управлялъ-бы ихъ дѣйствіями. Единственный человѣкъ, который еще, пожалуй, могъ-бы измѣнить и поправить положеніе дѣлъ разбойниковъ,—это былъ старый скваттеръ; но его задержи-

валъ Черная Птица, и онъ не могъ принять участіе въ аттакѣ.

— Покончимъ скорѣй разговоры!—вскричалъ онъ.—Ваше счастье въ нашихъ рукахъ. Я дамъ вамъ все, чего вы только потребуете.

— Вождь сказалъ уже „нѣтъ". Слишкомъ поздно!

— Но это измѣна! — вскричалъ скваттеръ раздраженно.

— Ты лжешь: Черная Птица никогда не былъ измѣнникомъ по отношенію къ своимъ друзьямъ! Смотри, вотъ мой отвѣтъ!

И раньше, чѣмъ скваттеръ понялъ угрожавшую ему опасность, Черная Птица схватилъ томагаукъ, висѣвшій у него за поясомъ, размахнулся имъ надъ головой несчастнаго и нанесъ такой страшный ударъ по его черепу, что скваттеръ упалъ, не успѣвъ произнести ни звука. Одинъ прыжокъ, — и вождь былъ уже на своемъ противникѣ, добилъ его, скальпировалъ, потомъ вскочилъ на своего коня и испустилъ военный крикъ. Этотъ крикъ былъ повторенъ съ двухъ сторонъ со страшной силой, а изъ третьяго мѣста раздалось неистовое „ура"!

Въ то время, какъ Черная Птица устремился во главѣ своихъ воиновъ на разбойниковъ, Аллигаторъ сталъ аттаковать ихъ съ другой стороны. Напуганные разбойники бросились бѣжать по единственному направленію, которое казалось имъ свободнымъ. Но едва достигли они опушки лѣса, какъ были встрѣчены страшной стрѣльбой: рабочіе плантаціи, съ полковникомъ и управляющимъ во главѣ, бросились на нихъ со штыками; разбойники были окружены. Но они не принадлежали къ людямъ робкаго десятка; напротивъ, отчаяніе удвоило ихъ мужество, тѣмъ болѣе, что, не щадя никогда своихъ враговъ, они знали, что имъ нельзя ждать пощады ни отъ плантаторовъ, ни отъ краснокожихъ. Произошла такимъ образомъ страшная, отчаянная схватка, результатомъ которой было то, что почти всѣ остались тутъ-же на мѣстѣ, и только немногимъ удалось прорвать ту цѣпь, которая ихъ

окружала, и исчезнуть во мракѣ ночи. Десять рабочихъ было убито, и самъ Черная Птица былъ раненъ.

У полковника было сердце настоящаго солдата, и онъ былъ настолько-же свирѣпъ въ сраженіи, какъ добръ и сострадателенъ послѣ побѣды. Онъ велѣлъ поднять раненыхъ разбойниковъ, перенести въ походный госпиталь и перевязать ихъ также старательно, какъ и своихъ людей. Когда съ этимъ было покончено, онъ отправилъ нѣсколькихъ человѣкъ въ разныя мѣста плантаціи, чтобы увѣриться, что опасность миновала. Только тогда, освободившись отъ заботъ, полковникъ подумалъ о своей семьѣ и направился къ домику, который служилъ убѣжищемъ. Его сопровождали лейтенантъ и Черная Птица: послѣдній увѣрялъ, что его рана—не тяжелая и что о немъ не надо безпокоиться.

Трое мужчинъ были уже недалеко отъ домика, когда начало разсвѣтать. Едва собирались они выйти изъ лѣсу, какъ замѣтили, на близкомъ разстояніи другъ отъ друга, двухъ негровъ. Полковника встревожило это обстоятельство.

— Что-бы это значило? — прошепталъ онъ. — Неужели разбойники появились въ этой сторонѣ?

Управляющій и вождь обмѣнялись взглядомъ, полнымъ опасенія.

— Идемъ!—сказалъ полковникъ.—Быть можетъ мы безпокоимся по напрасну.

Они вышли изъ лѣсу и очутились на открытомъ пространствѣ, въ серединѣ котораго стоялъ домикъ, выглядѣвшій такимъ мрачнымъ и молчаливымъ, точно онъ былъ покинутъ своими обитателями.

— Странно, —замѣтилъ управляющій. — Судя по тому, что мы сами видѣли, была отчаянная битва, а между тѣмъ двери и окна заперты. Очевидно, что осаждавшіе не проникли внутрь дома. Что-же такое произошло? Надо узнать.

— Не безпокойтесь объ этомъ, я беру это на себя, — сказалъ Черная Птица, старавшійся побороть боль, которую причиняла ему его рана.—Пускай мой другъ посмотритъ за бѣлымъ вождемъ, а я войду въ домъ и открою двери и окна.

— Какъ вамъ угодно!—отвѣтилъ тотъ, и присоединился къ полковнику.

Вождь распустилъ лассо, привязанное къ его поясу, и забросилъ его на крышу дома такъ, что узелъ зацѣпился за ея остріе. Тогда Черная Птица натянулъ лассо, чтобы удостовѣриться въ его прочности, и, обхвативъ его, сталъ съ невѣроятной силой и ловкостью карабкаться вверхъ, цѣпляясь колѣнями и пользуясь всѣми неровностями стѣны, какъ подпорками. Ночь была свѣтлая; видно было, какъ днемъ. Индѣецъ отыскалъ наконецъ трапъ, сообщавшійся съ нижними этажами, и, наклонившись внизъ, замѣтилъ лѣстницу. Тогда онъ сталъ осторожно спускаться по ней и очутился наконецъ на площадкѣ перваго этажа. Здѣсь онъ остановился на минуту, чтобы передохнуть, а затѣмъ, несмотря на рану, бодро пустился въ путь, хотя темнота кругомъ была такая, что глазъ выколи. Но никакое препятствіе не могло удержать храбраго команча. Онъ поворачивалъ на поворотахъ, шелъ дальше и дальше, пока не добрался до комнаты госпожи Курти. Здѣсь на столѣ горѣлъ ночникъ.

Вождь вздохнулъ съ облегченіемъ и, оглянувшись кругомъ, замѣтилъ фонарь. Тогда онъ зажегъ его и возобновилъ свои поиски. Комнаты, какъ наверху, такъ и внизу, были пусты: домъ былъ покинутъ. Однако ничто не обнаруживало, чтобы бѣгство совершено было внезапно, подъ вліяніемъ какой-нибудь опасности: все было въ порядкѣ, и каждая вещь стояла на своемъ мѣстѣ. И такъ, обитатели оставили домъ вполнѣ добровольно. Но почему госпожа Курти и ея дѣти покинули свое убѣжище и какимъ образомъ устроили они свой отъѣздъ? Вотъ чего Черная Птица не могъ объяснить себѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ двери и окна были основательно заставлены цѣлыми баррикадами изнутри. Бѣглецы не оставили послѣ себя никакихъ признаковъ которые могли-бы направить на ихъ слѣдъ. Вооруженный фонаремъ, Черная Птица тяжело спустился съ лѣстницы, останавливаясь на каждой ступенькѣ, потомъ сталъ очищать

проходъ къ одной изъ дверей, которую ему наконецъ и удалось открыть.

Полковникъ и управляющій очень безпокоились, что вождь такъ долго не показывался и не зная, чему это приписать, рѣшились попытать невозможнаго, чтобы только выйти изъ неопредѣленнаго и мучительнаго положенія, — какъ вдругъ дверь открылась и въ ней показался Черная Птица.

— Ну?—спросилъ его полковникъ.

— Непріятель не былъ въ домѣ,— отвѣтилъ вождь уже сильно ослабѣвшимъ голосомъ;—ничего не тронуто въ комнатахъ, все въ порядкѣ!

— Но моя жена? Мои дѣти? Мой другъ Вилльямсъ? Почему-же они не показываются? — вскричалъ полковникъ съ возраставшимъ безпокойствомъ.

— Потому-что домъ покинутъ.

— Покинутъ!

— Да, всѣ уѣхали.

— Какимъ образомъ?

— Все доказываетъ, что бѣгство было добровольное и что ничто не принуждало ихъ бросать домъ.

Глава XI.

Какимъ образомъ Вилльямсъ захотѣлъ очутиться въ роли лѣсного бродяги и какъ онъ понялъ, что былъ неправъ.

Что-же произошло на самомъ дѣлѣ въ домикѣ? Почему планъ бѣгства былъ приведенъ въ исполненіе?—Сейчасъ мы объяснимъ это.

Когда Люси, разставшись со своимъ крестнымъ отцомъ, Вилльямсомъ Гранмезономъ, вернулась въ комнату своей матери, она очень удивилась, увидѣвъ, что больная была уже совершенно одѣта и полулежала въ креслѣ-качалкѣ, которое было придѣлано къ двумъ стальнымъ кругамъ, что позволяло качаться на немъ, какъ въ гамакѣ. Госпожа Курти улыбалась; ея блѣдность исчезла; легкій румянецъ разли-

вался по ея лицу; взглядъ былъ спокоенъ. Она притянула къ себѣ дочь и нѣсколько разъ поцѣловала ее.

— Какая ты неосторожная, дорогая мама! — вскричала дѣвочка, ласкаясь въ свою очередь къ матери.

— Успокойся, милая Люси!—отвѣчала госпожа Курти.— Мнѣ теперь хорошо, я уже больше не страдаю. Нѣсколько часовъ крѣпкаго сна уничтожили—надѣюсь, навсегда,— всѣ признаки нервнаго припадка; осталась только легкая усталость.

— Правда-ли, мамочка?—тревожно спросила Люси.

— Увѣряю тебя, что это такъ, моя дорогая!

— Но зачѣмъ-же вы поднялись среди ночи?

— Какъ знать! — сказала госпожа Курти какимъ-то страннымъ голосомъ.—Можетъ быть и лучше, чтобы я была готова?..

— Для чего-же мамочка?

— Почемъ я знаю? Вдругъ намъ придется внезапно уѣхать!

Мать и дочь съ минуту смотрѣли другъ на друга со страннымъ выраженіемъ въ лицахъ, потомъ упали другъ другу въ объятія.

— Такъ вы знаете все, не правда-ли? — спросила Люси немного смущенно.

— Я присутствовала при твоемъ длинномъ разговорѣ съ крестнымъ отцомъ, хотя ты и не видала меня.

— Такъ вы насъ слышали?

— Конечно, я поступила не очень деликатно и не совѣтую тебѣ когда-нибудь слѣдовать моему примѣру; но я хотѣла все знать! Я желала точно знать, какія опасности отъ меня скрывали.

— И кромѣ того,— сказалъ смѣясь Вилльямсъ, показываясь на порогѣ комнаты, — до сихъ поръ не найдено другого средства, чтобы хорошо слышать, какъ подслушиванье.

— Фи, господинъ Вилльямсъ! — вскричала госпожа Курти тѣмъ-же добродушнымъ тономъ.—Если я и позволила себѣ это, то только ради исключительности случая, иначе я бы не рѣшилась!

— Ба! Вѣдь мы въ своей семьѣ! И потомъ, за послѣдніе два часа я узналъ вашу дочь: она слишкомъ умна, чтобы пускать въ ходъ это средство иначе, какъ въ такихъ-же отчаянныхъ положеніяхъ, какъ наше.

— Хорошо! Вы загладили вашу вину, и я васъ прощаю.

Она протянула ему руку, на которой онъ запечатлѣлъ почтительный поцѣлуй.

— Благодарю! А теперь позвольте мнѣ присоединиться къ Люси, чтобы побранить васъ.

— Нѣтъ, не браните меня, мой другъ, вы оказались-бы неправы. Увѣряю васъ, что я чувствую себя отлично; мое нездоровье было чисто нравственнаго характера. То, что я узнала, радикально вылечило меня, такъ какъ показало мнѣ моихъ дѣтей такими, каковы они на самомъ дѣлѣ.

— Какъ это?

— Выслушайте меня. Что было причиной страданій, которыя меня мучили и наконецъ совсѣмъ сломили мои силы? Убѣжденіе, что если случится несчастье, мнѣ невозможно будетъ защищать и охранять моихъ дѣтей!

— И что-же?

— Теперь я самая счастливая изъ матерей! Я нисколько не боюсь за нихъ: не я буду ихъ оберегать, а напротивъ,— они защитятъ меня. Мать такой дочери, какъ Люси, и такихъ сыновей, какъ Джорджъ и Джемсъ, должна гордиться, потому-что знаетъ, что она не одна и можетъ найти опору въ самоотверженіи дочери и мужествѣ сыновей.

И, заключивъ Люси въ объятія, она прижала ее къ своему сердцу, проливая слезы радости и любви.

— Мама, дорогая мама!—проговорила Люси.

— Ты забываешь мою сестру Дженни, а она тоже ужасно любитъ тебя. Если ее нѣтъ возлѣ тебя, то потому-что она немного устала.

— Ты права, милочка, съ моей стороны это неблагодарно—забыть бѣдняжку Дженни, такъ какъ я знаю, что она всегда ведетъ себя умницей!

— Спасибо,—отвѣтила дѣвочка радостно; — Дженни будетъ очень счастлива, когда я скажу ей это.

Вдругъ въ окно донесся стукъ торопливо бѣгущихъ ногъ, удары въ ладоши и имя „Люси", произнесенное отчаяннымъ голосомъ. Дѣвочка бросилась изъ комнаты, открыла окно гостиной и бросила изъ него конецъ веревки.

Веревка была сейчасъ-же схвачена, и двое негровъ прыгнули въ комнату; потомъ они вытащили веревку, закрыли окно и заставили его ставней. Все это было сдѣлано съ той быстротой, какую даетъ только страхъ. Когда они почувствовали себя въ безопасности. возбужденіе, поддерживавшее ихъ до этого времени, сразу упало, и они опустились на паркетъ, дрожа всѣми членами и бросая кругомъ растерянные взгляды съ очевидной цѣлью—убѣдиться, что имъ нечего было опасаться.

То, что мы такъ долго разсказывали, произошло на самомъ дѣлѣ съ быстротой молніи. Люси дѣйствовала инстиктивно, не разсчитывая и не размышляя. Госпожа Курти и Виллььямсъ еще не пришли въ себя отъ изумленія, какъ уже все было кончено.

— А, вотъ вы и вернулись, мои милые!—сказалъ Виллььямсъ, входя въ гостиную въ сопровожденіи госпожи Куртисъ.—Что значитъ весь этотъ шумъ? Неужели вы едва не отдались въ руки непріятеля?

— О, нѣтъ, масса, мы слишкомъ осторожны для этого!—отвѣчалъ Аполлонъ.

— Что-же въ такомъ случаѣ произошло?

— О, масса, — возразилъ негръ, — мы встрѣтили двухъ цвѣтныхъ людей съ плантаціи!

— Вы хотите сказать—двухъ негровъ?

— Это одно и то-же, масса.

— Что вамъ сказали эти люди?

— Ничего ровно, масса, они бѣжали, преслѣдуемые болѣе, чѣмъ пятьюдесятью скваттерами, и такъ устали, что не могли бѣжать дальше. Мы пустились бѣжать такъ быстро, какъ только могли. На плантаціи все горитъ. Лѣса

полны скваттеровъ, разбойниковъ изъ прэріи и дикарей. О, какое несчастье, масса! Стрѣльба не прекращается, намъ всѣмъ придется умереть! О! О!

— Замолчи, дуракъ, ты не знаешь самъ, что говоришь. Страхъ отнялъ у тебя и тѣ крохи ума, которыми ты былъ одѣленъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ни слова правды!

— О, масса! Янусъ и я, мы видѣли это сами.

— Тебѣ только казалось, что ты это видѣлъ.

— Я думаю, — замѣтила госпожа Курти, — что, хотя многое въ этомъ разсказѣ можно приписать страху, въ немъ есть доля правды. Какъ ты полагаешь, Люси моя милочка?

— Дорогая мама, если ужъ вы мнѣ позволяете сказать свое мнѣніе, то я скажу, что эти люди ничего не видѣли, ничего не слышали и преспокойно скрывались все время въ кустахъ.

— Гм! — сказалъ Вильямсъ. — Я полагаю, что ты преувеличиваешь, думая такимъ образомъ.

— Почему же, крестный папа? Всѣмъ извѣстна трусость этихъ людей; кромѣ того, они и лгуны къ тому-же, какъ всѣ негры. Можно ли довѣрять ихъ словамъ? Возможно-ли, спрашиваю я васъ, чтобы мой отецъ, который такъ храбръ и имѣетъ такихъ преданныхъ помощниковъ, какъ Черная Птица, который такъ любитъ насъ и командуетъ ужъ не знаю сколькими отборными воинами своего племени, — чтобы они могли быть побѣждены кучкой разбойниковъ, которые хотятъ только одного — грабить?

— Такъ ты, значитъ, такого мнѣнія, что мы должны здѣсь остаться?

— Да. Подумайте только, какъ огорченъ будетъ мой отецъ, когда, прогнавъ разбойниковъ, поспѣшитъ сюда, чтобы обнять насъ, — и не найдетъ насъ здѣсь?

— Ты права, — сказала госпожа Куртисъ. — Нашъ долгъ — остаться здѣсь!

— Если бы только мы не подвергались настоящей опасности, какъ теперь! — замѣтилъ Вилльямсъ.

— Боже мой, милый Билльямсъ, какъ я огорчена, что вы пріѣхали къ намъ какъ разъ въ такое тяжелое время!

— Почему-же такъ? Напротивъ, я чувствую себя прекрасно. По крайней мѣрѣ, это вывело меня изъ моей спокойной и монотонной жизни, дало мнѣ новыя впечатлѣнія.

— Не слишкомъ-ли ужъ сильныя? — прервала госпожа Курти.

— Ба! Немножко больше, немножко меньше, объ этомъ не стоитъ безпокоиться! И такъ, мы остаемся!

— Да, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока это будетъ возможно.

— Такъ и сдѣлаемъ.

Негры вышли изъ комнаты и, по приказанію своего хозяина, вооружившись ружьями, отправились караулить на крышѣ дома.

Это приказаніе не вызвало съ ихъ стороны неудовольствія, потому что они чувствовали себя на этомъ посту въ полной безопасности, почти недоступными для непріятеля.

Люси и ея мать разбудили Дженни, на тотъ случай еслибы пришлось спасаться бѣгствомъ. Вилльямсъ, оставшись одинъ въ гостиной, принялся прогуливаться взадъ и впередъ, отдавшись своимъ мыслямъ. Несмотря на дурную репутацію, которая установилась за нимъ, онъ не имѣлъ вида струсившаго человѣка. Эта одинокая прогулка продолжалась болѣе получаса, ничѣмъ не потревоженная. Вилльямсъ приоткрылъ окно и время отъ времени высовывался изъ него, чтобы окинуть взглядомъ окрестности и увѣриться, что все было по-прежнему спокойно. Убѣждаться въ этомъ было не трудно, потому что ночь была свѣтлая и можно было видѣть далеко во всѣ стороны. Бросивъ послѣдній взглядъ на окрестности, Вилльямсъ вынулъ великолѣпные часы, лежавшіе въ карманѣ его жилета.

— Четверть третьяго, — сказалъ онъ въ полголоса; — надо только запастись терпѣніемъ! Все это прекрасно кончится.

Онъ потеръ руки и прибавилъ:

— Это, однако, очень забавно, и такія волненія только молодятъ меня. Эта маленькая Люси—настоящее сокровище! Все равно, лучше, если бы это милое семейство расквиталось за свой страхъ!

Но едва успѣлъ онъ докончить послѣднія слова, какъ случай, который, очевидно, злорадно подстерегалъ его,—каждый знаетъ, какъ любятъ случаи разрушать всѣ построенныя людьми комбинаціи,—захотѣлъ, повидимому, неожиданно изобличить его во лжи. Въ кустарникѣ послышался внезапно сильный шумъ, раздались два выстрѣла, и почти тотчасъ-же дюжина людей, вооруженныхъ съ ногъ до головы, выбѣжала изъ лѣсу.

— Богъ мой! — вскричалъ Вилльямсъ. — Я, кажется, слишкомъ рано успокоился. Это мѣняетъ положеніе дѣлъ.

И онъ осторожно оглянулся кругомъ. Выбѣжавшіе люди, въ которыхъ, по ихъ костюму, легко было признать скваттеровъ и разбойниковъ прерій, остановились при видѣ дома, который они недовѣрчиво осматривали, и стали быстро и шепотомъ разговаривать между собой.

— Гм! Они совѣщаются. Не дадимъ-же имъ время обдумать планъ нападенія!

Разговаривая такимъ образомъ самъ съ собой, Вилльямсъ вытянулъ лѣвую руку и досталъ великолѣпный карабинъ, который стоялъ въ углу, прислоненный къ стѣнѣ.

— Ничего не можетъ быть проще, какъ нанести первый ударъ!—И онъ прибавилъ смѣясь,—А полковникъ увѣренъ, что я не умѣю выстрѣлить изъ ружья! Хотѣлъ-бы я, чтобы онъ былъ здѣсь. Онъ увидѣлъ-бы, такъ-ли я неловокъ, какъ онъ думаетъ.

Затѣмъ, ни мало не заботясь объ опасности, которой онъ подвергался, Вилльямсъ широко распахнулъ окно, поднялъ на плечо карабинъ и два раза спустилъ курокъ. Двое людей упали.

— Это меньшее, чего можно было ожидать, — сказалъ онъ, закрывая снова окно, — и съ поразительнымъ хладно-

кровіемъ сталъ снова заряжать ружье. Въ ту-же секунду съ платформы раздалось со страшнымъ трескомъ пять ружейныхъ выстрѣловъ.

— Гм! Повидимому, они поняли тамъ наверху мой сигналъ. Отлично, посмотримъ-же на результаты!

И онъ поспѣшилъ отворить окно.

Всѣ выстрѣлы попали въ цѣль.

— Славно! — вскричалъ Билльямсъ. — Никого больше нѣтъ. Тѣ, въ кого не попали, скрылись въ лѣсу. Не годится ждать ихъ возвращенія.

— Они, должно быть, пришли въ ярость отъ оказаннаго имъ пріема, а мы не въ состояніи долго выдержать въ этомъ деревянномъ домикѣ, который они легко подожгутъ и который вспыхнетъ, какъ спичка. Богъ мой! Печально спасаться такимъ образомъ, точно трусу, передъ разбойниками, не имѣющими ни законовъ, ни вѣры. Имѣй я только троихъ или четверыхъ смѣльчаковъ, я-бы продержался здѣсь, чего-бы это ни стоило, — даю голову на отсѣченіе! Но добрая, милая госпожа Курти, которую я зналъ еще совсѣмъ крошечной, и эти славныя дѣти, такія нѣжныя и преданныя, — не могу-же я подвергать ихъ такимъ опасностямъ?! Нѣтъ, это невозможно! Къ тому-же, я далъ слово самому полковнику. Что онъ подумаетъ обо мнѣ, которому онъ довѣрилъ дорогія для него существа, чтобы охранять и оберегать ихъ?! Ну, надо ѣхать! Это приказываютъ долгъ и дружба. И нельзя колебаться въ этомъ.

Согласно своей укоренившейся привычкѣ, Билльямсъ, думая, что онъ одинъ, произнесъ этотъ длинный монологъ громко, не замѣтивъ, что уже нѣсколько минутъ, какъ госпожа Курти слушала его, остановившись на порогѣ гостиной. Полагая вѣроятно, что наступилъ моментъ прервать этотъ монологъ, госпожа Курти подошла къ своему старому другу и проговорила, тихо опуская ему руку на плечо.

— Ну, разстроенный человѣкъ, ждутъ только васъ. Что вы тутъ дѣлаете?

— Я...

— Вы мечтали, какъ всегда, не правда-ли?

— Честное слово, это очень возможно. Но развѣ мы уѣзжаемъ?

— Конечно. Или вы хотѣли-бы выдержать осаду этихъ разбойниковъ?

— Я! Боже меня сохрани!

— Если такъ, то пойдемте.

— Я готовъ.

Люси открыла потайной выходъ на дворъ, къ которому изъ конюшенъ и сараевъ велъ подземный ходъ, достаточно широкій для того, чтобы могли проѣхать всадники и даже телѣги, нагруженныя вещами. Этотъ подземный ходъ постепенно спускался все ниже и, наконецъ, кончался пещерой на прогалинѣ, на склонѣ холма, покрытаго лѣсомъ.

Оба негра Вилльямса правили фургонами; госпожа Курти, ея служанки и Дженни, помѣстились въ повозкѣ, приспособленной для этого; Вилльямсъ, Люси, Джорджъ и Джемсъ ѣхали верхомъ; пони госпожи Курти и лошади негровъ были привязаны ко второму фургону.

Когда старательно закрыли потайной выходъ, всѣ пустились въ путь.

— У тебя что-то печальный видъ,— сказалъ Вилльямсъ своей крестницѣ.—Тебѣ грустно?

— Да, крестный папа! — отвѣтила та, подавляя вздохъ.

— Отчего-же?

— Потому-что намъ не слѣдовало уѣзжать.

— О! О! А разбойники-то?

— Эти разбойники были просто бѣглецами; они бродили безъ всякой цѣли. Я увѣрена, что вслѣдъ за ними мы увидѣли-бы нашихъ друзей. Замѣтили-ли вы, что мы дали семь выстрѣловъ, а они съ своей стороны не отвѣчали намъ тѣмь-же?

— Должно быть они бросились въ лѣсъ, чтобы сплотиться со своими.

Дѣвочка покачала головой.

— Ихъ было всего семь, крестный папа, и всѣ они остались на мѣстѣ.

— Быть можетъ ты и права, — возразилъ задумчиво Виллльямсъ.—Бѣгство наше было немного поспѣшно!

— Даже черезчуръ поспѣшно.

— Но у тебя должно быть есть какая-нибудь идея въ головѣ, что ты говоришь мнѣ все это.

— О, вѣдь я не могу разсуждать, какъ взрослая!

— Это правда. Но, въ замѣнъ опытности, которая приходитъ только съ годами, ты доказала въ теченіе послѣднихъ часовъ, что обладаешь рѣдкой проницательностью. Я долженъ даже признать, что ты оказала всѣмъ намъ очень важныя услуги!

— О, крестный папа! Вы ужъ черезчуръ хвалите меня и преувеличиваете мои заслуги!

— Нѣтъ, то, что я говорю — только голая правда. Ну, а теперь повѣдай мнѣ откровенно свою тайную мысль.

— Для чего-же, крестный?

— Ты такъ часто оказывалась права въ теченіе этой ночи, что можетъ быть и теперь правда будетъ на твоей сторонѣ.

— Вы хотите этого?

— Я прошу тебя объ этомъ.

— Ну, такъ я убѣждена, что мы сдѣлаемъ ошибку, быть можетъ непоправимую, если еще дальше продолжимъ наше бѣгство.

— Что-же-бы стала-ты дѣлать?

— Надо остановиться тамъ, гдѣ мы теперь находимся. Здѣсь мы подождемъ часъ, потомъ я вернусь въ домъ, отъ котораго мы еще недалеко отъѣхали, и увѣрена, что найду тамъ отца, который ждетъ нашего возвращенія.

— Что заставляетъ тебя это предполагать?

— Сама не знаю; я не съумѣю этого объяснить, но чувствую, что говорю правду. Мое сердце чуетъ, что такъ есть на самомъ дѣлѣ.

— Это еще ничего не доказываетъ, положимъ. Напро-

тивъ, я съ своей стороны думаю, что самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать — это удалиться какъ можно скорѣе изъ этихъ мѣстъ и прямо ѣхать въ Новый Орлеанъ.

— Но кто-же покажетъ намъ дорогу?

— Я и мои негры: мы сдѣлали только-что этотъ конецъ и слѣдовательно хорошо знаемъ его.

— Я сдѣлала все, что только было въ моихъ силахъ, крестный папа!—печально сказала дѣвочка.—Дѣлайте теперь, что вамъ угодно.

Было около полудня, когда они пріѣхали въ пещеру, и все маленькое общество расположилось отдыхать. Жара была тропическая. Въ ожиданіи того, чтобы зной спалъ, всѣ размѣстились походнымъ лагеремъ на опушкѣ густого лѣса; кругомъ было мрачно, пустынно и дико. Въ то время, какъ госпожа Курти и дѣти пробовали немного отдохнуть послѣ столькихъ волненій, которыя имъ пришлось испытать, — Вилльямсъ со своими неграми знакомился съ окрестностями, чтобы оріентироваться и выяснить дорогу, которая могла-бы какъ можно скорѣе привести въ Новый Орлеанъ. Къ своему большому удивленію, Вилльямсъ, выйдя изъ пещеры и увидѣвъ широкую панораму, развернувшуюся передъ его глазами, не узналъ ни одного изъ тѣхъ мѣстъ, которыя обратили на себя его вниманіе во время его путешествія на плантацію. Вилльямсъ путешествовалъ въ первый разъ и былъ совершенно незнакомъ съ пустыней. Никогда въ жизни не выѣзжалъ онъ изъ города, въ которомъ родился. Теперь онъ впервые рискнулъ выбраться изъ четырехъ стѣнъ. При всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, онъ обладалъ странностью нѣкоторыхъ людей—никогда ни въ чемъ не сомнѣваться и считать себя способнымъ добиться всего, чего-бы только ему ни вздумалось. Ему даже и въ голову не приходило, что для того, чтобы отправляться въ такой длинный путь, надо было хорошо знать дорогу.

Внимательно осмотрѣвъ мѣстность, онъ принужденъ былъ самъ себѣ сознаться, что рѣшительно не знаетъ, гдѣ находится; но никогда-бы въ жизни онъ не признался громко,

въ присутствіи кого-бы то ни было, въ своей ошибкѣ. Онъ рѣшилъ, въ видахъ изслѣдованія мѣстности, отправиться впередъ со своими неграми, еще менѣе свѣдущими въ дорогѣ, чѣмъ онъ. Сначала все шло прекрасно, и наконецъ онъ напалъ на мѣста, которыя онъ уже видѣлъ и которыя были несомнѣнно на дорогѣ въ Новый Орлеанъ. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ часовъ странствованія по саваннамъ онъ хотѣлъ вернуться назадъ въ лагерь, но положеніе дѣла оказалось болѣе сложнымъ и бѣднымъ Вилльямсомъ овладѣло смущеніе.

Идя впередъ, онъ не оставлялъ на деревьяхъ никакихъ знаковъ, по которымъ могъ-бы найти обратный путь, а шелъ наугадъ, надѣясь на счастливый случай; вѣроятно, въ теченіе двухъ или трехъ часовъ, употребленныхъ имъ на поиски, онъ измѣнилъ направленіе, а найти дорогу по солнцу было невозможно, потому-что погода перемѣнилась и небо покрылось тучами. Словомъ, послѣ напрасныхъ поисковъ, онъ, около шести часовъ вечера, страшно утомленный, опустился на землю въ мрачномъ отчаяніи. Единственная жалоба, вырвавшаяся изъ его устъ, была слѣдующая:

— Я несу заслуженную кару! Люси права. Въ ея маленькой головкѣ больше здраваго смысла, чѣмъ во всей моей огромной особѣ. Не слѣдовало мнѣ бродить въ незнакомой мѣстности, въ которой нѣтъ ни дорогъ, по которымъ можно было-бы оріентироваться, ни людей, у которыхъ-бы разспросить о томъ, что надо.

Въ лагерѣ между тѣмъ царствовало безпокойство.

Вилльямсъ отправился на развѣдки около одиннадцати часовъ утра; становилось уже темно, а онъ все не возвращался. Госпожа Курти разговаривала съ дѣтьми объ этомъ долгомъ отсутствіи, которое она не знала, чему приписать. Каждый высказывалъ свое мнѣніе.

— Милая мама,—сказала Люси,—мой крестный папа не знакомъ съ этими мѣстами. Пожалуй, онъ заблудился!

— Да хранитъ насъ Богъ отъ такого несчастія!

— Да,—замѣтилъ Джорджъ,—онъ заблудился; иначе онъ

давно-бы вернулся назадъ. Вѣроятно онъ думалъ, что въ пустынѣ можно также гулять, какъ по улицамъ Новаго Орлеана!—прибавилъ онъ ехидно.

— Молчи, Джорджъ, это не хорошо — то, что ты говоришь.

— Мамочка!

— Пожалуйста, ни слова больше. Что-же намъ дѣлать?— прибавила мать.

— Идти искать!—сказала Люси.

— Но кому-же идти?

— Я пойду, если вы ничего не имѣете противъ.

— Я иду съ тобой!—сказалъ Джорджъ.

— Нѣтъ,—замѣтила дѣвочка,—ты останешься съ мамой, а меня проводитъ Джемсъ.

— Очень охотно!—отозвался мальчикъ вставая.

— Постойте, дѣти! Неужели вы думаете, что я соглашусь потерять васъ всѣхъ?

— Но вѣдь нельзя-же намъ оставить крестнаго отца бродить по саваннамъ!

— Къ сожалѣнію, нельзя, это правда!

— Успокойтесь, мамаша, мнѣ не грозитъ никакая опасность. Вы знаете, я много гуляла съ Черной Птицей. Вождь научилъ меня нападать на слѣдъ и не теряться въ незнакомыхъ мѣстностяхъ. Я увѣрена, что со мной ничего не случится!

— Люси!—Я буду тебя защищать.

— Я послушаюсь васъ, если вы непременно потребуете, чтобы я осталась, но пожалуйста пустите меня.

— О, злая дѣвочка!—вскричала мать. — Дѣлай, что хочешь!

Люси не заставила себя просить второй разъ и ушла въ сопровожденіи Джемса собираться въ путь; черезъ пять минутъ они уже уѣхали. Топотъ удалявшихся лошадей вывѣлъ бѣдную мать изъ задумчивости.

— Люси, Люси!—вскричала она рыдая.—Вернись назадъ, я не хочу, чтобы ты уѣхала! Вернись!

Но дѣти были уже далеко и не слышали ея возгласовъ. Невозможно было-бы описать безпокойство госпожи Курти. Около восьми часовъ вечера Джорджъ прибѣжалъ къ ней.

— Мамаша, мамаша!—вскричалъ онъ.— Перестань плакать, вотъ и они! Я увѣренъ, что это они.

Дѣйствительно, вдали, въ полутьмѣ, блестѣли краснымъ огонькомъ факелы, медленно приближаясь къ лагерю.

Раньше, чѣмъ покинуть мѣсто стоянки, Люси дала понюхать своему ньюфаундленду, Добряку, платье Виллььямса и потомъ велѣла умному животному искать его. Кромѣ того она не забыла отмѣчать дорогу, чтобы не заблудиться на обратномъ пути. Но главнымъ образомъ она разсчитывала на поистинѣ удивительный инстинктъ собаки, который, какъ она надѣялась, доставитъ ее назадъ цѣлой и невредимой.— Меньше, чѣмъ черезъ два часа, Добрякъ привелъ дѣтей къ тому мѣсту, гдѣ Вилльямсъ, обезсиленный отчаяніемъ, лежалъ на землѣ.

Люси и Джемсъ уже нѣкоторое время слышали крики и даже настоящій вой: это плакали несчастные два негра, убивавшіеся возлѣ своего господина, который даже впалъ въ забытье, истощенный усталостью, такъ какъ сдѣлалъ столько верстъ, что могъ-бы три раза дойти прямой дорогой до Новаго Орлеана. Первой заботой Люси было подать помощь своему крестному отцу, именно — помочить его виски свѣжей водой и влить ему въ ротъ нѣсколько капель рому. Съ своей стороны и Джемсъ тоже не терялъ времени: справедливо сообразивъ, что Вилльямсъ не въ силахъ будетъ держаться на лошади, онъ велѣлъ неграмъ смастерить наскоро носилки.

Заботы Люси увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Вилльямсъ испустилъ глубокій вздохъ и открылъ глаза. Сначала онъ, казалось, ничего не видѣлъ кругомъ; но вдругъ у него что-то блеснуло въ глазахъ, на лицѣ появилось выраженіе счастья и несказанной благодарности.

— О!—вскричалъ онъ слабымъ, едва внятнымъ голосомъ, который однако скоро окрѣпъ и принялъ обычную

твердость,—О,—Люси! Такъ это ты меня спасаешь отъ вѣрной смерти!

— Не будемъ говорить объ этомъ, крестный папочка,— весело отвѣтила дѣвочка;—развѣ я не крестная ваша дочка? Какъ-бы то ни было, вы теперь опять оправились и выглядите отлично. Забудемъ прежнія неудачи и вернемся какъ можно скорѣе въ лагерь, гдѣ моя мама просто умираетъ отъ безпокойства, поджидая нашего возвращенія.

— Охотно вѣрю этому. Бѣдная, дорогая Лаура! Сколько ей пришлось вынести! Какъ она должна дрожать за тебя и твоего брата!

Онъ попробовалъ приподняться, но это оказалось ему не подъ силу, такъ какъ онъ былъ еще слишкомъ слабъ. Тогда Джемсъ сказалъ неграмъ, чтобы они тихонько подняли его и положили на носилки.

Затѣмъ всѣ тронулись въ обратный путь; впереди всѣхъ радостно бѣжалъ Добрякъ, показывая дорогу. Возвращеніе продолжалось болѣе четырехъ часовъ, потому что приходилось двигаться очень медленно, а отъ времени до времени даже останавливаться и дѣлать короткій привалъ, чтобы дать возможность неграмъ отдохнуть и набраться новыхъ силъ.

Возвращеніе въ лагерь было настоящимъ тріумфомъ. Госпожа Курти плакала и смѣялась въ одно и тоже время, и цѣловала своихъ дѣтей, въ особенности Люси, самопожертвованіе которой спасло Вилльямсу жизнь.

Глава XII.

О томъ, какимъ образомъ пожаръ можетъ оказать пользу.

Только черезъ три дня Вилльямсъ окончательно поправился отъ тѣхъ тяжелыхъ испытаній, которыя ему пришлось пережить.

Для него, привыкшаго къ утонченной роскоши и до-

вольству, и жизнь котораго протекала до сихъ поръ такъ тихо и мирно, было нелегко очутиться лицомъ къ лицу съ ужасной предсмертной агоніей, въ нѣдрахъ пустыни, вдали отъ всякой человѣческой помощи; результатомъ этого явилось то, что его тщеславное хвастовство было сломлено навсегда. Къ несчастью только, это случилось слишкомъ поздно, чтобы исправить то зло, которое онъ, самъ того не подозрѣвая, причинилъ близкимъ ему людямъ.

— Невѣжество—это величайшее изъ золъ, какъ сказалъ какой-то ученый!—произнесъ Вилльямсъ ввидѣ публичнаго покаянія.

И онъ первый заговорилъ о томъ, чтобы вернуться назадъ и черезъ подземный ходъ войти снова въ покинутый ими домикъ.

— Ахъ, мой другъ,—кротко замѣтила госпожа Курти,—еслибы вы сейчасъ-же сообщили мнѣ вашъ раговоръ съ Люси, сколькихъ несчастій мы могли бы избѣгнуть!

— Правда, это было-бы гораздо лучше.

— Дорогая мама,—сказала Дженни, краснѣя, какъ вишня,—и мнѣ приходило въ голову тоже самое, что Люси.

— Почему же ты не сказала мнѣ этого сейчасъ-же?

— Но я просто не рѣшилась сказать!

— Милыя дѣти,—замѣтила госпожа Курти,—въ томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ мы теперь находимся, каждый долженъ высказывать всѣ мысли, какія только приходятъ ему въ голову.

— Тѣмъ болѣе,—прибавилъ Вилльямсъ, — что дѣти вообще обладаютъ непосредственнымъ и вѣрнымъ чутьемъ и здравымъ смысломъ, и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ влеченій своего сердца. Если бы Дженни имѣла смѣлость высказать вслухъ то, что она думала, быть можетъ всѣ наши несчастія уже давно-бы теперь кончились.

— О, прости меня, мама!—вскричала дѣвочка.

— Забудемъ объ этомъ,—сказала госпожа Курти;—должно-быть мы не далеко отъѣхали отъ пещеры. Почему-бы намъ не вернуться сейчасъ-же назадъ?

— Милая мама, ничто не мѣшаетъ намъ вернуться въ пещеру, но боюсь, что это все-таки не удастся намъ!

— Почему-бы намъ и не вернуться къ пещерѣ, если мы отъѣхали отъ нея всего на какихъ- нибудь нѣсколько верстъ?

— Это правда, конечно, но вѣдь ты знаешь, что разстоянія въ пустынѣ очень трудно опредѣлять, все зависитъ отъ того, чтобы хорошенько изучить то направленіе, по которому ѣдешь, и отмѣчать нѣкоторыя мѣста по дорогѣ, чтобы по нимъ разыскать затѣмъ обратный путь. Но мы не сдѣлали этого, когда выѣхали изъ пещеры; мы отправились на удачу, заворачивая то направо, то налѣво, въ поискахъ удобнаго мѣста для стоянки, и не заботясь о томъ направленіи, по которому ѣхали?

— И такъ, по твоему мнѣнію, мы заблудились?

— Увы, да! Посмотрите кругомъ: всѣ эти лѣса, долины, холмы такъ похожи другъ на друга,—они нисколько не отличаются отъ другихъ такихъ-же лѣсовъ, долинъ и холмовъ. Какъ найти дорогу въ этомъ невѣроятномъ хаосѣ!

— Конечно, мы не съумѣемъ этого сдѣлать. Но твоя собака, Добрякъ? Вѣдь у нея превосходное чутье и необыкновенный инстинктъ: она можетъ легко найти ту дорогу, которую мы ищемъ.

Дѣвочка печально покачала головой.

— Ты сомнѣваешься въ этомъ?—сказала мать, отъ вниманія которой не ускользнуло это безнадежное движеніе.

— Добрякъ не найдетъ дороги, милая мама, потому-что мнѣ будетъ невозможно дать понять ему, чего я отъ него хочу.

Было рѣшено, для того, чтобы не углубиться еще дальше въ незнакомую мѣстность, что они останутся стоять лагеремъ на томъ-же мѣстѣ. Люси, Вилльямсъ, оба негра и Добрякъ должны были одни отправиться на поиски дороги, а Джорджъ и Джемсъ — остаться оберегать госпожу Курти, Дженни и негритянокъ.

Поиски тянулись нѣсколько дней и имѣли единствен-

нымъ результатомъ то, что лѣнивые ходоки были измучены до полнаго изнеможенія. Люси не жаловалась и была настоящимъ олицетвореніемъ терпѣнія, мужества и поразительнаго самоотверженія. Вилльямсъ былъ первый, который призналъ полную безполезность безцѣльныхъ поисковъ, которые и не могли увѣнчаться успѣхомъ. Онъ откровенно высказалъ это госпожѣ Курти, которая, понявъ наконецъ всю тщетность безплодныхъ усилій, рѣшилась отказаться отъ надежды найти пещеру. Тогда оставалось только сняться съ мѣста и отправиться впередъ, направляя путь къ востоку.

Послѣ долгаго странствованія по голой пустынѣ, на которой не видно было ни одного дерева, бѣглецы добрались, наконецъ, до опушки огромнаго лѣса и расположились на отдыхъ подъ его первыми деревьями. Около десяти часовъ вечера разразилась гроза и пришлось искать пріюта подъ густыми вѣтвями. Но въ четыре часа утра гроза утихла, и небо стало снова лазурево-голубымъ, усѣяннымъ блѣдными звѣздами.

Американскіе лѣса состоятъ обыкновенно изъ одного вида деревьевъ и защищены—приблизительно на протяженіи одного километра—цѣлой чащей непроходимаго кустарника и ліанъ, сквозь которые можно пробиться только съ топоромъ въ рукѣ. Растительность уменьшается, утончается и исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ воздуху становится менѣе и солнце не въ силахъ проникнуть въ чащу. Тогда эти лѣса принимаютъ дикій и внушительный видъ, деревья ростутъ по прямымъ линіямъ, образуя огромныя аллеи, исчезающія изъ виду по всѣмъ направленіямъ; въ тоже время не видно около нихъ ни одной травинки. Деревья—всѣ одного и того-же вида—до такой степени похожи другъ на друга, ростутъ такъ симметрично, что ихъ невозможно отличить другъ отъ друга и—кто недостаточно знакомъ съ жизнью въ этихъ мѣстностяхъ и не умѣетъ оріентироваться — тотъ послѣ нѣсколькихъ шаговъ теряетъ вѣрное направленіе и не въ силахъ найти его снова; остается только вертѣться въ одномъ и томъ-же кругу.

Таковъ былъ и тотъ лѣсъ, черезъ который надо было проѣхать нашимъ бѣглецамъ.

Какъ только солнце поднялось на небѣ довольно высоко, Люси и Вилльямсъ отправились знакомиться съ мѣстностью.

Вернулись они довольно разочарованные, въ особенности Вилльямсъ, который очень сожалѣлъ, что не послѣдовалъ совѣтамъ Черной Птицы.

— Никогда намъ не удастся пробраться сквозь этотъ лѣсъ!—сказалъ онъ уныло.

— О, крестный папа, какъ вы можете такъ говорить!—отвѣтила Люси, — Подумайте только что по ту сторону отъ лѣса должна быть совсѣмъ близко пещера!

— Ну, что-же?—спросила госпожа Курти, когда оба развѣдчика вернулись къ мѣсту стоянки.

— Ужасно! — сказалъ только Вилльямсъ, который еще находился подъ живымъ впечатлѣніемъ того, что видѣлъ.— Если мы только вступимъ въ этотъ чудовищный лѣсъ, то уже никогда не выйдемъ изъ него.

— Крестный папа!—сказала съ упрекомъ Люси.

— Я долженъ сказать правду, какъ она ни ужасна!— возразилъ тотъ. — Здѣсь вовсе нѣтъ протоптанныхъ дорожекъ, только однѣ узкія и прямыя аллеи, безконечно убѣгающія въ диль. Придется бросить фургоны и навьючить вещи на лошадей. Что съ нами будетъ, если даже предположить, что намъ посчастливится не заблудиться, но это кажется мнѣ, впрочемъ, невозможнымъ?!

Дѣвочка молчала: ея крестный отецъ говорилъ правду, и ей нечего было отвѣтить на это.

— Что мы будемъ дѣлать? — проговорила госпожа Курти.—Мы совсѣмъ обезсилѣли отъ усталости и почти остались безъ припасовъ.

— Мама,—сказала Люси,—сколько разъ мой отецъ и выговорили намъ: „будьте настойчивыми, не теряйте бодрости; кто упорно добивается своего, того и Богъ не оставляетъ“!

— За себя я не боюсь,—сказала госпожа Курти,—но у меня не хватаетъ мужества смотрѣть на ваши страданія!

— О, мама, дорогая мама! — вскричала Дженни. — Мы вовсе не страдаемъ, а терпѣливо переносимъ наше положеніе!

— Если бы ты знала,—замѣтилъ Джемсъ,—какъ мы съ Джорджемъ гордимся тѣмъ, что можемъ тебя охранять и беречь твой сонъ.

— О, да, милая мама,—горячо отозвался и Джорджъ,—мы съ Джемсомъ теперь стали совсѣмъ взрослыми мужчинами!

— Что касается меня, дорогая мамочка, — сказала съ рѣшительнымъ видомъ Люси,—то я говорю тебѣ отъ имени всѣхъ насъ, что мы привеземъ тебя къ папѣ, котораго мы всѣ такъ любимъ и къ которому уже скоро вернемся!

Когда всѣ немного успокоились послѣ этой простой, но въ то-же время трогательной сцены, разговоръ продолжался.

— Надо однако покончить съ этимъ вопросомъ,—замѣтилъ Вилльямсъ.—Зачѣмъ намъ здѣсь останавливаться?

— Увы, я сама не знаю, что будетъ лучше! —печально отвѣтила госпожа Курти.

— Но вѣдь не можемъ-же мы остаться здѣсь!—сказала Люси.

— Почему-бы и нѣтъ?—спросилъ Вилльямсъ.

— По многимъ причинамъ, крестный папа! Прежде всего потому, что здѣсь нѣтъ воды для питья, потомъ—мы тутъ не будемъ достаточно защищены; намъ доказала это гроза, разыгравшаяся сегодня ночью. Кромѣ того, здѣсь нѣтъ дичи, а не можемъ-же мы питаться только нашими припасами?!

— Это все основательные доводы!—сказалъ Вилльямсъ.

— Да,—прибавила госпожа Курти;—но думаешь-ли ты, что мы все это найдемъ въ лѣсу?

— Нѣтъ, не думаю, мамаша!

— Въ такомъ случаѣ я возвращаюсь къ прежнему своему вопросу: что-же намъ дѣлать?

— Мнѣ кажется, я отыскала средство! —проговорила Дженни.

— Какое средство, моя дѣвочка?

— Для того, чтобы имѣть хорошую воду.

— Въ чемъ-же оно?

— Посмотрите сюда, въ эту сторону; развѣ вы не замѣчаете тамъ внизу массу деревьевъ?

— И то правда,—радостно воскликнула Люси.—Дженни спасетъ насъ всѣхъ.

— Какимъ это образомъ? Я еще ничего не понимаю!—сказала госпожа Курти.

— Эти деревья, такія свѣжія и развѣсистыя, — въ то время какъ по всѣмъ другимъ направленіямъ не видно ни одного—доказываютъ, что здѣсь есть какой-нибудь источникъ воды, вѣроятно впадающій въ рѣку Красную; съ его помощью мы скоро найдемъ дорогу домой.—Въ какую-бы рѣку онъ ни впадалъ, въ немъ навѣрное есть сколько нибудь воды.

— А въ водѣ рыбы!—закричалъ радостно Джемсъ.

— Совершенно вѣрно,—замѣтилъ смѣясь Джорджъ.—По крайней мѣрѣ у насъ будетъ сразу питье и ѣда!

— Этотъ рядъ деревьевъ—совсѣмъ близко отъ насъ. Мы должны сейчасъ-же запречь лошадей и отправиться туда!—сказалъ Джемсъ.

— Да, это будетъ самое лучшее, что мы только можемъ сдѣлать!—подтвердилъ и Вилльямсъ.

— Ѣдемте, — сказала госпожа Курти, обнимая и цѣлуя Дженни, которая сіяла отъ радости, что ей удалось сдѣлать такое важное открытіе.

Часъ спустя, маленькій караванъ расположился лагеремъ по берегу довольно широкой рѣчки съ чистой, какъ кристаллъ, водой; казалось, она перерѣзала лѣсъ насквозь. Скоро наловили рыбы и зажарили ее на кострѣ. Вода оказалась превосходной. Наши бѣглецы пріободрились и стали надѣяться на лучшее будущее.

— Ну, что-же мы теперь предпримемъ?—спросилъ Вильямсъ.

Погода стояла восхитительная, и наши путешественники мирно бесѣдовали послѣ ужина.

— Вотъ что намъ надо сдѣлать,—сказала Люси.—Необходимо,—не покидая берега рѣки, которая не позволитъ намъ заблудиться больше того, что уже есть,—провести въ лѣсу дорогу, чтобы можно было укрыться тамъ подъ большими деревьями, потому что теперь какъ разъ сезонъ грозъ и намъ непремѣнно нуженъ кровъ.

— Вполнѣ разумно!—замѣтилъ Вилльямсъ.

— Но какъ мы проведемъ дорогу? Вѣдь мы не піонеры и не лѣсные бродяги!

— Это правда, крестный папа, но мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи очень простое средство.

— Ба! Какое-же это?

— То, которымъ пользуются индѣйцы, крестный папа: поджечь деревья.

— Богъ мой! Это идея! Мы славно освѣтимъ лѣсъ.

— Вовсе не такъ ужъ сильно, какъ вы думаете, крестный папа. Только одна опушка будетъ горѣть, да и то не вся, но этого будетъ достаточно для нашихъ цѣлей.

— Честное слово, это превосходная мысль!

— Тѣмъ болѣе, что огонь, кромѣ того, что откроетъ передъ нашими глазами болѣе обширные виды, еще можетъ оказать намъ другую важную услугу.

— Не буду этого отрицать, дѣточка. Но когда мы за это примемся?

— Съ восходомъ солнца, крестный.

— Почему-же не сейчасъ?

— Потому что намъ необходимо принять предосторожности.

— Какія-же, напримѣръ?

— Во-первыхъ, самимъ уйти отсюда, а затѣмъ занять такое мѣсто, гдѣ-бы мы могли не бояться звѣрей, которыхъ, должно быть, выгонитъ лѣсной пожаръ какъ разъ въ нашу сторону.

— Богъ мой! Это требуетъ размышленія. Ты права, дитя мое, примемся за это дѣло завтра.

На другой день, за два часа до восхода солнца, бѣглецы отправились на довольно высокій холмъ на берегу рѣки, на вершину котораго фургоны въѣхали безъ особеннаго труда.

Виллъямсъ, Джорджъ и Джемсъ собрали хворостъ въ четыре или пять большихъ кучъ, на разстояніи одна отъ другой, и подожгли ихъ, какъ только увидѣли, что маленькій караванъ достигъ вершины холма. Потомъ они вскочили на лошадей и поскакали во всю прыть къ холму.

Величественное зрѣлище представлялъ лѣсъ, объятый пламенемъ, съ его столѣтними деревьями, которыя корчились и трещали со страшнымъ трескомъ, похожимъ на удары грома. Множество животныхъ всевозможныхъ видовъ покинули свои логовища и, гонимыя пожаромъ, бросились искать новаго пріюта подъ другими деревьями. Быть можетъ, лѣсъ выгорѣлъ-бы весь цѣликомъ, еслибы не разразилась страшная гроза, которая залила пожаръ ливнемъ, не стихавшимъ больше восьми часовъ. На третій день, съ восходомъ солнца. воздухъ былъ наполненъ цѣлыми облаками дыма, но огня уже не видно было.

Лѣсъ выгорѣлъ на довольно значительное пространство и такимъ образомъ передъ нашими бѣглецами открылась великолѣпная дорога. На пятый день нашъ караванъ пустился въ путь и сталъ огибать рѣку. Подъ вечеръ была выбрана купа столѣтнихъ деревьевъ, гдѣ и размѣстились на ночлегъ. Черезъ нѣсколько часовъ все общество погрузилось въ глубокій сонъ, но было внезапно разбужено громкимъ лаемъ Добряка.

— Боже мой!—вскричала Люси, протирая глаза.—Что случилось?

Она вскочила на ноги однимъ прыжкомъ и хотѣла позвать Добряка; но вдругъ остановилась на мѣстѣ, какъ вкопанная, и стала прислушиваться. Ей почудилось точно кто-то говоритъ недалеко отъ нея. Вдругъ она испустила радостный крикъ и бросилась къ кому-то съ распростертыми

объятіями: это былъ ея отецъ. Черная Птица, управляющій и человѣкъ двѣнадцать рабочихъ съ плантаціи сопровождали его.

Когда первое волненіе немного улеглось, дѣло объяснилось. Оказалось что Черная Птица долго находился между жизнью и смертью, такъ какъ его рана все не заживала. Наконецъ, черезъ двое сутокъ, еще не вполнѣ поправившись, онъ во что-бы то ни стало захотѣлъ отправиться на поиски бѣглецовъ. Лай Добряка помогъ ему напасть на ихъ слѣдъ и открыть ихъ присутствіе.

Люси разсказала до мельчайшихъ подробностей все, что произошло съ ними за это время, съ тѣхъ поръ, какъ бѣглецы покинули домъ. Выставляя самоотверженіе своихъ братьевъ и сестры, дѣвочка совсѣмъ не упоминала о томъ, что сдѣлала сама, но эта скромность съ ея стороны только придала еще большую цѣну той настоящей роли, которую она играла во всемъ этомъ дѣлѣ. Полковникъ, не смотря на то, что онъ былъ закаленнымъ, суровымъ и испытаннымъ солдатомъ, плакалъ, какъ ребенокъ, слушая ея разсказъ, и даже самъ Черная Птица былъ взволнованъ.

Нельзя описать радости полковника по поводу свиданія съ своей семьей, которую онъ считалъ потерянной навѣки. Затѣмъ госпожа Курти сообщила мужу о самоотверженномъ поведеніи дѣтей, въ особенности же Люси.

— Не считая того, что и я обязанъ ей жизнью, — прибавилъ Вилльямсъ съ чувствомъ. — Безъ нея я погибъ-бы безвозвратно въ этой пустынной мѣстности, — я этого никогда не забуду!

Глава XIII.

Въ которой Черная Птица обнаруживаетъ свои дипломатическіе таланты.

Все общество вернулось на плантацію. Черная Птица уѣхалъ къ своему племени. Къ Вилльямсу Гранмезону возвра-

тилась вся его ясность ума, беззаботность и прежняя веселость. Онъ не упускалъ случая восхищаться умомъ и дѣтской граціей своей крестницы. Та была болѣе, чѣмъ когда-нибудь, любимицей всѣхъ: ея поступки въ то смутное и опасное время, которое имъ всѣмъ пришлось пережить, значительно подняли ее въ глазахъ всѣхъ и въ особенности ея отца и матери, которые съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уважали умственныя и душевныя качества своей удивительной дочери. Люси, напротивъ того, не подозрѣвала даже той важной роли, которую ей приписывали, и заботилась только о томъ, чтобы быть полезной и пріятной всемъ окружающимъ: казалось, что въ такомъ препровожденіи времени только и заключалось для нея счастье. Тѣмъ не менѣе, тотъ, кто съумѣлъ-бы читать въ глубинѣ ея души, увидѣлъ-бы, что у нея было одно чувство и мысль, внушенныя великодушіемъ, но предметомъ которыхъ не были окружавшіе ее непосредственно люди.

Случалось даже, что минутами эти мысли такъ сильно овладѣвали ею,—а это бывало довольно часто, — что на ея чистомъ лбу появлялось легкое облачко.

О чемъ-же мечтала миссъ Люси?

Если читатель согласенъ послѣдовать за нами до хижины, которую она выстроила для Черной Птицы, онъ не замедлитъ узнать это.

Раньше, чѣмъ покинуть плантацію и вернуться домой съ воинами своего племени, у Черной Птицы былъ длинный разговоръ съ миссъ Люси, который закончился слѣдующими словами вождя:

— Ваконда (Богъ) полюбилъ Лѣсной Шиповникъ и говоритъ ея устами; желаніе моей дочери будетъ исполнено. Черная Птица отправится на поиски двухъ женщинъ и не вернется назадъ, пока не найдетъ ихъ!

Чтитатель, вѣроятно уже догадался, что тѣ двѣ женщины, говорилъ Черная Птица, — тѣ самыя, которыхъ мы видѣли среди скваттеровъ: та старуха, которая, изъ чувства благодарности за то, что отецъ Люси помиловалъ ея мужа и

сыновей, пришла къ Люси и дала ей такой полезный совѣтъ,— и ея дочь; благодаря этимъ двумъ женщинамъ, были избавлены отъ вѣрной смерти тѣ, кого Люси любила больше всего на свѣтѣ--ея отецъ, мать, братья, сестра, Виллььямсъ Грапмезонъ, наконецъ, — она сама. И отъ какой смерти! Имъ предстояло или быть убитыми, или погибнуть среди пламени!

Чувство благодарности къ этимъ женщинамъ не давало ей покою. Что съ ними сдѣлалось? — Люси не знала этого. Очевидно, онѣ не сопровождали скваттеровъ во время ихъ аттаки плантаціи, которая кончилась для нихъ такъ неудачно.

Женщинъ не нашли ни среди мертвыхъ, ни среди раненыхъ; кромѣ того, Черная Птица, убившій въ прэріяхъ стараго скваттера однимъ ударомъ томагаука, видѣлъ тамъ сыновей его, но не замѣтилъ ни жены его, ни дочери, которыя очевидно оставались въ лагерѣ, не далеко отъ берега рѣки Красной, куда вождь дошелъ по слѣдамъ старухи.

Люси предчуствовала горе и отчаяніе этихъ двухъ женщинъ, потерявшихъ всѣхъ своихъ родныхъ (семь братьевъ были убиты всѣ до одного) и оставшихся теперь совсѣмъ одинокими въ чужой, пустынной мѣстности, во власти самыхъ свирѣпыхъ разбойниковъ, лѣсныхъ бродягъ и пиратовъ прэрій. Кто защититъ ихъ теперь? Кто позаботится объ ихъ пропитаніи? Кто станетъ для нихъ охотиться, ловить рыбу, а въ случаѣ надобности и красть для нихъ?

У старой женщины, несмотря на ея суровый и высокомѣрный видъ, было не злое сердце: это доказывалъ ее поступокъ, а дочь ея, очень похожая на нее по наружности, должно быть, имѣла съ ней сходство и въ нравственномъ отношеніи.

Какія несчастія или преступленія могли довести человѣка, который былъ мужемъ одной изъ женщинъ и отцомъ другой, до того жалкаго состоянія, до какого онъ опустился, увлекая за собой при своемъ паденіи и обѣихъ женщинъ?

Теперь этотъ человѣкъ искупилъ всѣ свои грѣхи. Но

онѣ, не сдѣлавшія, быть можетъ, ничего дурнаго въ своей жизни, несли еще большую кару, что было несправедливостью. Какъ загладить хотя-бы сколько-нибудь эту несправадливость и смягчить печальную участь этихъ женщинъ?

Люси знала, что ея отецъ и мать, складъ души которыхъ походилъ на ея собственный, согласятся на всѣ ея просьбы по поводу этихъ женщинъ, если только онѣ будутъ разумны; но захотятъ-ли сами эти женщины принять доказательства симпатіи со стороны тѣхъ, которые были причиной смерти мужа и дѣтей для одной изъ нихъ и отца и братьевъ для другой?

Казалось, повидомому, трудно установить мирныя и дружескія отношенія между хозяевами плантаціи и этими несчастными, положеніе которыхъ было почти невозможно исправить. А между тѣмъ какъ разъ именно этой цѣлью и задалась миссъ Люси, рѣшивъ во что-бы то ни стало добиться своего.

Поступокъ жены скваттера, который спасъ жизнь всей семьѣ, глубоко тронулъ Люси. Но, помимо этого чувства, было еще что-то, что влекло ее къ этой женщинѣ, что-то говорившее ей, что не слѣдовало судить ее по внѣшности и что въ ней, подъ нѣсколько грубой оболочкой, хранятся сокровища доброты, мужества и самоотверженія. Поэтому она хотѣла во что-бы то ни стало разыскать и увидѣть снова эту женщину, чтобы — если только это было хотя, сколько-нибудь возможно—доставить ей спокойствіе, довольство и счастье.

И почему-бы это было вполнѣ не возможно? Затрудненія, правда, были очень велики, но Люси была убѣждена, что когда возмется за правое и доброе дѣло, то напремѣнно получитъ помощь свыше, такъ какъ само небо встанетъ на ея сторону, а слѣдовательно правда должна во чтобы то ни стало восторжествовать.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ мыслей Люси отправилась подѣлиться своими желаніями съ Черной Птицей, котораго она считала за лучшаго человѣка, способнаго помочь ей

достигнуть той цѣли, которую она себѣ поставила. И она не ошиблась въ разсчетахъ: Черная Птица вполнѣ понялъ всѣ ея интересы.

Онъ уѣхалъ. Порученіе, взятое имъ на себя, состояло во первыхъ въ томъ, чтобы отыскать двухъ женщинъ, а во вторыхъ—разузнать, какъ онѣ живутъ, и собрать самыя точныя свѣдѣнія на ихъ счетъ, насколько только это окажется возможнымъ,—не только относительно ихъ настоящей, но и прошлой жезни. Наконецъ, ему поручено было также выразить старой женщинѣ желаніе Люси видѣть ее и — въ случаѣ, если та согласится, исполнить это желаніе — назначить свиданіе въ какомъ-нибудь мѣстѣ, которое было-бы не слишкомъ далеко отъ плантаціи.

Индѣйскій вождь пропадалъ цѣлую недѣлю. Какъ только онъ вернулся, къ нему въ хижину сейчасъ-же явилась Люси,

— Ваконда покровительствуетъ моей дочери, — сказалъ ей Черная Птица.—Все, что она не предпринимаетъ, удается ей!

— Вождь,—отвѣтила Люси, — великій воинъ и умный человѣкъ: онъ умѣетъ побѣждать всѣ препятствія и добиваться того, что задумаетъ. Нашелъ-ли онъ этихъ двухъ женщинъ?

Тогда Черная Птица разсказалъ на своемъ своеобразномъ и образномъ языкѣ, съ помощью телеграфныхъ знаковъ, то, что ему удалось узнать и что онъ сдѣлалъ. Его разсказъ можно вкратцѣ резюмировать слѣдующимъ образомъ.

Оказалось вполнѣ вѣрнымъ, что изъ семи сыновей стараго скваттера ни одинъ не остался въ живыхъ послѣ ихъ нападенія на землю плантатора: сорокъ пять воиновъ команчей, подъ командой Аллигатора, положили на мѣстѣ многихъ изъ тѣхъ, которые хвастались, что ограбятъ плантацію и перѣрежутъ горло хозяевамъ.

Тѣ изъ скваттеровъ, лѣсныхъ бродягъ и разбойниковъ прэрій, которымъ удалось избѣжать выстрѣловъ со стороны бѣлыхъ изъ каменнаго дома и воиновъ, во главѣ которыхъ

стоялъ Черная Птица, бросились въ лагерь на берегу рѣки Красной, чтобы завладѣть всѣмъ тѣмъ, что осталось послѣ людей, погибшихъ въ аттакѣ: скотомъ, хлѣбомъ, палатками, порохомъ, ружьями и т. д. Всѣ эти вещи оставались подъ охраной женщинъ. Но Аллигаторъ понялъ ихъ движеніе и отгадалъ намѣренія; онъ считалъ, что добыча, найденная ими въ лагерѣ,—какъ-бы она ни была мала—окажется болѣе на мѣстѣ въ рукахъ храбрыхъ команчей, чѣмъ у этихъ негодныхъ скваттеровъ или разбойниковъ прэрій. Онъ созвалъ всѣхъ своихъ воиновъ, которымъ уже нечего было здѣсь дѣлать, такъ какъ непріятелей больше не осталось, велѣлъ имъ слѣдовать за собой и направился къ лагерю на рѣкѣ Красной. Тамъ уже распоряжалось человѣкъ пятнадцать разбойниковъ, явившихся первыми съ поля битвы или бѣжавшихъ оттуда: они хватали все, что только имъ попадетъ подъ руку, убивая прикладами ружей или закалывая женщинъ, которыя пытались остановить грабежъ. Та-же участь угрожала женѣ стараго скваттера (теперь уже вдовѣ, хотя она еще сама не знала этого) и дочери его, когда Аллигаторъ и его воины налетѣли на лагерь, какъ вихрь, и вторично обратили въ бѣгство эту кучку жалкихъ и подлыхъ людей.

Несчастныя женщины, ожидавшія своихъ мужей и увидѣвшія вмѣсто нихъ команчей воиновъ, не знали, надѣяться, ли имъ или страшиться. Онѣ не знали, что это значитъ, и всѣ одновременно засыпали воиновъ вопросами, а когда узнали, что скваттеры были разбиты и что очень немногимъ изъ нихъ удалось избѣгнуть смерти, то — смотря по темпераменту — нѣкоторыя принялись отчаянно кричать, другія-же предались мрачному и безмолвному горю.

Вниманіе Аллегатора было въ особенности привлечено вдовой и дочерью стараго скваттера, такъ какъ послѣдняя обладала дѣйствительно поразительной красотой.

Такъ какъ въ общемъ у команчей не было никакой вражды со скваттерами, и даже ведя одинаковый образъ жизни, они иногда оказывали другъ другу взаимныя услуги, то Аллигаторъ былъ затрудненъ тѣмъ, что ему слѣдовало

предпринять относительно этихъ женщинъ. Всѣхъ женщинъ было тридцать и дѣтей двѣнадцать. Слѣдовало-ли отнять отъ нихъ все ихъ имущество и припасы и такимъ образомъ обречь ихъ на медленную голодную смерть, такъ какъ, очевидно, другого результата не могло быть въ этомъ случаѣ?

Еслибы эти женщины были индіанками, дѣло было-бы другое: краснокожія добываютъ себѣ средства къ пропитанію тамъ, гдѣ женщины бѣлыхъ умираютъ съ голоду. Индіанки могутъ въ крайности питаться жабами, мышами, змѣями, ящерицами, пауками, червяками, травами, даже особаго рога иломъ, находящимся на днѣ нѣкоторыхъ рѣкъ; женщины-же бѣлой расы скорѣе умрутъ, чѣмъ станутъ поддерживать свое существованіе подобными съѣстными припасами. Самъ по себѣ Аллигаторъ не отличался особенно нѣжнымъ характеромъ, но онъ боялся не угодить Черной Птицѣ, который, какъ ему было извѣстно, придерживался нѣкоторыхъ гуманныхъ взглядовъ, вообще мало распространенныхъ среди краснокожихъ, но относительно которыхъ команчи были болѣе воспріимчивы. Вотъ почему онъ рѣшилъ сдѣлать всѣхъ этихъ женщинъ своими плѣнницами, занявъ лагерь и сдѣлавъ распоряженіе, чтобы никакое насиліе не было произведено надъ этими несчастными и чтобы имъ оказывалось даже вниманіе и уваженіе, пока Черная Птица, извѣщенный о положеніи дѣла, не рѣшитъ ихъ участи.

Но гдѣ пропадалъ Черная Птица? Очевидно, онъ былъ въ каменномъ домѣ.

Посланъ былъ воинъ на развѣдки, который принесъ извѣстіе, его вождь былъ тяжело раненъ, но что надѣялись спасти его. И Аллигаторъ рѣшилъ ждать, пока не выздоровѣетъ Черная Птица.

Черная Птица, какъ мы уже знаемъ, поправился и вернулся къ своему племени, т. е. поднялся къ озерамъ. такъ какъ его воины уже давно покинули ту мѣстность, гдѣ они охотились съ нимъ на бизоновъ. Они ушли изъ нея согласно его приказанію, но онъ не зналъ, что часть ихъ,

подъ начальствомъ Аллигатора, оставалась въ лагерѣ на рѣкѣ Красной, ожидая, чтобы Черная Птица окончательно поправился. Слѣдствіемъ такого недоразумѣнія было болѣе продолжительное отсутствіе вождя команчей, который, вернувшись къ своимъ, гдѣ разсчитывалъ найти и Аллигатора, долженъ былъ отправиться на поиски за своимъ лейтенантомъ, съ которымъ и встрѣтился наконецъ въ лагерѣ на берегу рѣки Красной. Вмѣстѣ съ этимъ была исполнена и его задача по отношенію къ вдовѣ и дочери стараго скваттера: онѣ были у него теперь въ рукахъ и такимъ образомъ первая часть его порученія оказывалась исполненной. Онъ могъ распоряжаться теперь ихъ жизнью. Но какъ онѣ встрѣтятъ его? Знали-ли онѣ, что это былъ онъ, который—какъ онъ выражался сообразно своимъ вѣрованіямъ—„послалъ бѣлую собаку охотиться въ землю его предковъ“? Это былъ очень важный вопросъ, потому что, еслибы вдова скваттера знала въ точности, какъ обстояли дѣла, это возбудило-бы въ ней, какъ и въ дочери ея, отвращеніе къ нему и недовѣріе къ тому, что онъ имѣлъ ей предложить.

Но мало было вѣроятія, чтобы несчастныя женщины могли знать подробности относительно смерти скваттера: скваттеры, бѣжавшіе съ поля битвы, вернулись въ лагерь только съ цѣлью ограбить имущество погибшихъ въ сраженіи и мало заботились о томъ, чтобы сообщить несчастнымъ женщинамъ объ обстоятельствахъ битвы, въ которой они потерпѣли полную неудачу: женщины-же съ своей стороны думали только о томъ, чтобы вымолить у нихъ себѣ пощаду, и имъ было не до вопросовъ. Съ другой стороны, и команчи Аллигатора не дали времени низкимъ грабителямъ дѣлать какія-либо сообщенія, да наконецъ и сами не могли многаго знать: до такой степени неожиданна и свирѣпа была схватка, въ которой трудно было что-нибудь разобрать.

Какъ-бы то ни было, надо было дѣйствовать, и Черная Птица объявилъ прежде всего плѣнницамъ, что онѣ свободно, но что онъ желаетъ знать, какъ распорядятся онѣ своей свободой. Есть-ли у кого нибудь изъ нихъ друзья или

родные въ этихъ мѣстахъ, къ которымъ онѣ захотѣли-бы вернуться?

Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—воины племени команчей проводятъ ихъ до жилищъ ихъ близкихъ. Если-же у нихъ нѣтъ здѣсь никого, то онъ совѣтовалъ имъ обратиться къ покровительству владѣльца каменнаго дома, который справедливъ, добръ и благороденъ, и съ его помощью найти на плантаціи средства для удовлетворенія своимъ потребностямъ.

Нѣкоторыя изъ женщинъ выразили желаніе, чтобы имъ дали возможность вернуться въ Чикаго, гдѣ онѣ надѣялись найти средства къ пропитанію. Другія объявили, что не желаютъ ничего лучшаго, какъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, работая на владѣльцевъ плантаціи. Что касается до вдовы скваттера, то она сказала, что проситъ только одного—чтобы ее съ дочерью оставили на свободѣ оплакивать тѣхъ, которыхъ онѣ потеряли; когда-же Черная Птица пробовалъ возражать ей, она прибавила, что во всякомъ случаѣ никогда не приметъ помощи со стороны тѣхъ людей, которые были убійцами ея мужа и сыновей.

— Мать моя,—замѣтилъ ей Черная Птица,—не знаетъ тѣхъ, кто сломилъ бѣлый дубъ и его семерыхъ сыновей. Сѣдая Голова хотѣлъ обмануть воиновъ изъ племени команчей, и тогда тѣ вооружились противъ скваттеровъ. Это они главнымъ образомъ разбили блѣднолицыхъ и повергли ихъ на землю. Еслибы мою мать освѣтили лучи истины, она поняла-бы, что это самъ сѣдой старикъ затѣялъ несправедливый бой съ воинами племени команчей и съ хозяевами каменнаго дома. Ваконда любитъ справедливость и наказываетъ тѣхъ, чье сердце не признаетъ законовъ. Моя мать,—прибавилъ онъ,—очень хорошо знаетъ это сама, такъ какъ сочла себя обязанной предупредить господина изъ каменнаго дома о тѣхъ злостныхъ планахъ, которые Сѣдая Голова построилъ противъ него.

При этихъ словахъ вдова скваттера, которая до сихъ поръ не плакала, вдругъ закрыла лицо руками и разрази-

лась рыданіями, судорожно потрясавщими все ея тѣло. Тогда дочь взяла ея голову обѣими руками и прижала къ своей груди; потомъ, склонившись къ ней лицомъ, тоже залилась слезами.

Послѣ минуты молчанія Черная Птица продолжалъ:

— Въ тотъ день, когда моя мать поступила такимъ образомъ, ее озарилъ своимъ свѣтомъ самъ Ваконда, и если Великій Духъ не могъ помѣшать тому, чтобы Сѣдая Голова и его семь молодыхъ сыновей пали мертвыми во время сраженія, то онъ благословилъ ту, у которой хватило мужества пожертвовать самыми дорогими чувствами сердца и благородно исполнить свой долгъ. И теперь, когда моя мать пережила смерть Бѣлаго Дуба и сыновей, она за то пріобрѣла себѣ среди тѣхъ, которыхъ спасла отъ смерти, семью, которая будетъ болѣе привязана къ ней изъ чувства благодарности, чѣмъ та, съ которою ее связывали узы родства.

— Они убили моихъ сыновей!—проговорила среди рыданій несчастная мать.

— Это не они убили ихъ, а мои воины, — возразилъ Черная Птица.—Сѣдая Голова обманулъ ихъ, и они отомстили за себя. Что будетъ теперь дѣлать моя мать?

— Мнѣ остается только умереть, такъ какъ у меня нѣтъ больше силъ жить!—отвѣтила съ трудомъ вдова скваттера.

— Разсудокъ моей матери помутился отъ горя. Она забываетъ, что у нея есть обязанности, которыя ей надо исполнять, и что у нея остается еще дочь.

— Это правда!—вскричала бѣдная старуха, отодвигая отъ себя дочь и всматриваясь въ нее сквозь слезы съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Потомъ она прибавила:

— Бѣдное дитя! Какую ужасную участь я тебѣ приготовила!

И, заключивъ дочь въ объятія, она въ свою очередь прижала ее страстно къ своей груди и стала покрывать ея лицо поцѣлуями.

Когда Черная Птица дошелъ до этого мѣста въ своемъ

разсказѣ, Люси не могла дольше сдерживать свое волненіе и сама залилась слезами. Но это продолжалось нѣсколько минутъ; затѣмъ она снова овладѣла собой и на губахъ ея даже заиграла улыбка, хотя на рѣсницахъ еше сверкали слезы точно жемчугъ; она просила Черную Птицу разсказывать дальше.

Вождь передалъ продолженіе своего разговора со вдовой скваттера.

— Моя мать,—сказалъ Черная Птица, когда ему показалось, что вдова немного успокоилась,—горячо любитъ свою дочь и дочь отвѣчаетъ ей тѣмъ-же. Это значитъ, что онѣ обѣ достойны быть любимыми. Ваконда благоволитъ къ справедливымъ и добрымъ людямъ: онъ не допуститъ, чтобы моя мать и ея дочь остались одинокими среди пустынной мѣстности.

— Вождь—благородный воинъ, онъ принимаетъ участіе въ несчастныхъ,—отвѣтила старая женщина.—Не можетъ-ли онъ указать намъ средство, какъ отправиться въ Чикаго?

— У Черной Птицы нѣтъ такого средства, о которомъ спрашиваетъ его матъ, но онъ можетъ легко достать его при посредствѣ Лѣснаго Шиповника, своего друга и дочери владѣльца каменнаго дома. Но для этого надо, чтобы моя мать сама поговорила съ Лѣснымъ Шиповникомъ.

— Вождь очень мудръ, но не ошибается-ли онъ, возлагая надежду на дочь плантатора? Если это та прелестная дѣвочка, съ которой я только разъ говорила по поводу того дѣла, о которомъ только-что упоминалъ вождь, то она, повидимому, слишкомъ молода, чтобы быть намъ полезной; что-же касается до ея родителей, то они, узнавъ, что дѣло касается тѣхъ несчастныхъ, которыя уже одинъ разъ вымолили пощаду для своихъ близкихъ, сейчасъ-же отвернутся отъ нихъ и не захотятъ сдѣлать имъ добра.

— Моя мать несправедливо судитъ о Лѣсномъ Шиповникѣ и ея родителяхъ, потому-что плохо знаетъ ихъ. Лѣсной Шиповникъ любима Господиномъ жизни. Она—великая

чародѣйка и имѣетъ большое вліяніе на своихъ родителей, которые любятъ ее самой горячей любовью. У владѣльца каменнаго дома — справедливое сердце, способное понять мысли другихъ людей; онъ умѣетъ отличать добрыхъ отъ злыхъ и ничто не заставитъ его отвернуться отъ васъ и измѣнить своему стремленію дѣлать добро. Онъ пойметъ, что моя мать не принимала участія въ поступкахъ Сѣдой Головы, которому она повиновалась только нехотя.

Тогда сопротивленіе вдовы скваттера было, повидимому, совершенно побѣждено.

Тѣмъ не менѣе, ей было непріятно показаться передъ приличными людьми въ тѣхъ лохмотьяхъ, которыя служили ей и ея дочери одеждою, такъ какъ имъ уже давно не представлялось случая обновить свои костюмы, а жизнь въ дикой мѣстности не приспособлена для того, чтобы беречь платье.

— Справедливое сердце и честная жизнь—лучшія украшенія женщины!—просто отвѣтилъ Черная Птица.

Было затѣмъ условлено, что вождь вернется въ каменный домъ предупредить миссъ Люси о томъ, что послѣзавтра она увидитъ вдову и дочь скваттера около домика, гдѣ семейство Курти скрывалось во время нападенія и гдѣ та, которую Черная Птица прозвалъ Лѣснымъ Шиповникомъ, такъ сильно поразила своимъ умомъ и находчивостью своего крестнаго отца, Вилльямса Гранмезона.

Глава XIV.

Миссъ Люси даетъ новыя доказательстаа своего нѣжнаго сердечка и ума.

Люси горячо поблагодарила Черную Птицу за то, что онъ исполнилъ въ точности ея порученіе, и затѣмъ спросила у него совѣта, надо-ли ей сейчасъ-же предупредить родителей объ ея сношеніяхъ съ женщинами изъ лагеря

съ рѣки Красной, или-же слѣдуетъ сначала подождать, что скажетъ ей завтра вдова скваттера.

Люси не представляла себѣ, что могутъ дѣлать эти женщины въ Чикаго: очевидно, онѣ встрѣтили-бы тамъ однихъ чужихъ для себя людей, у которыхъ не было-бы никакого основанія принимать въ нихъ участія, между тѣмъ какъ здѣсь ея родители могли имѣть только одно желаніе—вознаградить ихъ возможно лучше за ту огромную услугу, которую онѣ имъ оказали, и этимъ вознагражденіемъ было-бы то, что они обезпечили-бы имъ спокойное и пріятное существованіе при исполненіи нетрудныхъ и приличныхъ обязанностей. То, что ей только-что разсказалъ Черная Птица по поводу данныхъ имъ обѣщаній женщинамъ, оставшимся въ лагерѣ скваттеровъ (съ тѣмъ условіемъ, если хозяинъ каменнаго дома подтвердитъ ихъ),—подало ей мысль и относительно тѣхъ обязанностей, которыя можно было-бы предложить тѣмъ двумъ женщинамъ, въ которыхъ она принимала такое участіе: онѣ могли-бы руководить работами своихъ товарокъ. Люси нѣсколько разъ слышала отъ отца и управляющаго Леона Маркэ, что у нихъ большой недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, въ особенности для такихъ сельскихъ работъ, которыя обыкновенно исполняютъ женщины, какъ сборъ фруктовъ, хлѣба, сахара, кофе и т. д. Такимъ образомъ, сразу-же находилась работа для женъ скваттеровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для тѣхъ двухъ женщинъ, дѣла которыхъ она принимала особенно близко къ сердцу. Можно было, слѣдовательно, одновременно оказать пользу плантаціи и отблагодарить тѣхъ, къ которымъ она чувствовала признательность. Да и чего только не заслуживала та женщина, которая, чтобы исполнить свой долгъ и предотвратить страшное преступленіе, не поколебалась выдать своего мужа и сыновей, которые и расплатились своей жизнью за попытку исполнить свои злостныя намѣренія?!

Вождь команчей думалъ, что можно сейчасъ-же сообщить обо всемъ Курти, потому-что все-равно нельзя было приходить къ какому-нибудь рѣшенію безъ согласія съ его сто-

роны. По просьбѣ Люси, онъ взялъ на себя передать ему то, что она придумала.

Какъ родителямъ Люси, такъ и Вилльямсу стало совѣстно, что они не подумали раньше о судьбѣ несчастныхъ женщинъ, самоотверженный поступокъ которыхъ спасъ все населеніе плантаціи, а для нихъ самихъ былъ причиной потери близкихъ людей и самаго ужаснаго горя.

И всѣ они покрывали поцѣлуями Люси, благодаря ее за ея счастливую находчивость. Рѣшено было собрать совѣтъ, чтобы потолковать о предстоящихъ перемѣнахъ въ плантаціи. Дѣло было очень важное, такъ-какъ касались того, чтобы ввести въ свои владѣнія тридцать женщинъ, о которыхъ ничего не было извѣстно и которыя могли принести одинъ вредъ, если-бы обладали испорченными и вѣроломными характерами, или же, напротивъ, способствовать процвѣтанію плантаціи, если-бы оказались трудолюбивыми и хорошаго поведенія. Не легко было находить женщинъ, которыя бы соглашались работать на новыхъ участкахъ земли, и поэтому, въ томъ случаѣ, если-бы онѣ оказались хорошими работницами, это было-бы настоящимъ счастьемъ для плантаціи.

Такимъ образомъ созванъ былъ семейный совѣтъ, на которомъ немедленно стали обсуждать этотъ вопросъ, такъ какъ нельзя было терять времени: на другой день въ десятомъ часу дня вдова скваттера должна была уже ждать Люси и Черную Птицу около домика. Въ этомъ совѣтѣ принимали участіе мужъ и жена Курти, Черная Птица, Вилльямсъ Гранмезонъ и управляющій, Леонъ Маркэ. Вилльямсъ спросилъ у индѣйскаго вождя, каковы были женщины, находившіяся въ лагерѣ на рѣкѣ Красной. Черная Птица могъ на это отвѣтить только то, что ихъ всѣхъ осталась двадцать одна: девять были убиты скваттерами и разбойниками, бѣжавшими съ поля битвы, чтобы ограбить лагерь, а раньше ихъ было тридцать; изъ нихъ двѣнадцать принадлежали къ бѣлой расѣ, а девять было негритянокъ. Это было все, что могъ сообщить честный команчъ. Члены со-

вѣта сильно затруднялись, откуда имъ почерпнуть свѣдѣнія о нравственной сторонѣ интересовавшихъ ихъ женщинъ. Тогда Вилльямсъ Гранмезонъ напомнилъ, что такое представляли изъ себя скваттеры вообще, эти настоящіе разбойники, подонки общества, которыя выбрасываются нѣдрами городовъ, эти люди, способные на все. Это были скваттеры (нищіе, бродяги, авантюристы и воры), которые, когда въ Нью-Іоркѣ хотѣли устроить центральный паркъ на пустопорожней землѣ, которую они занимали, едва не сожгли весь городъ: они увѣряли, что эта земля на которой они построили какія-то жалкія деревянныя и земляныя хижины, принадлежала имъ по праву давности, такъ-какъ они первые завладѣли ею. Когда-же ихъ хотѣли выселить оттуда, ихъ ярость не знала границъ: они бросились въ лучшіе кварталы города съ факеломъ въ одной рукѣ и револьверомъ въ другой, и потребовалась помощь правильнаго отряда національной гвардіи, который присоединился къ полиціи и далъ настоящее сраженіе этимъ опаснымъ бродягамъ, продолжавшееся цѣлыхъ два дня съ неслыханнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ; въ этомъ сраженіи было убито нѣсколько тысячъ этихъ жалкихъ людей. Оставшіеся въ живыхъ скрылись въ окрестностяхъ, гдѣ живутъ и до сихъ поръ. И развѣ не такъ дѣйствовали тѣ скваттеры,— прибавилъ Вилльямсъ,—которые явились сюда, чтобы убить насъ? Каковы-же могутъ быть женщины въ этомъ сборищѣ бродягъ, воровъ и разбойниковъ? Какой примѣръ подадутъ онѣ тѣмъ разбойникамъ, которыхъ мы уже имѣемъ у себя? Какіе нравы внесутъ они съ собой?

Леонъ Маркэ сказалъ, что относительно того, что касалось мужчинъ, Виллыямсъ былъ совершенно правъ, хотя положеніе дѣлъ и измѣнилось за послѣдніе годы и теперь среди скваттеровъ много есть людей скорѣе несчастныхъ, чѣмъ преступныхъ; но не сходился съ нимъ въ его мнѣніи относительно женъ скваттеровъ; онъ увѣрялъ, что большинство изъ нихъ доходило до такого печальнаго состоянія отчасти оттого, что онѣ не могли противодѣйство-

вать деспотизму своихъ мужей, которые заставляли ихъ за собой слѣдовать подъ угрозой смерти, отчасти-же потому, что мужья рисовали передъ ихъ глазами перспективу великолѣпныхъ помѣстій, пріобрѣтенныхъ даромъ и съ затратой очень малаго труда: земля ничего не стоила, а изъ лѣсу можно было выстроить цѣлые дворцы; въ саваннахъ-же стоитъ только походить нѣсколько дней, и тогда достанешь себѣ цѣлые стада бизоновъ и столько лошадей, сколько только пожелаешь. Часто случалось, что мужья, говорившіе такимъ образомъ, сами вѣрили своимъ словамъ, обманутые въ свою очередь какими нибудь лживыми разсказами. Кромѣ того, ничего не было невозможнаго въ томъ, чтобы подобные надежды осуществились и на самомъ дѣлѣ мужественными и трудолюбивыми людьми, которые явились-бы на новую землю въ большомъ числѣ и со всѣми нужными инструментами. Конечно, къ этому прибѣгали только въ крайности, когда не имѣли уже никакихъ средствъ пропитанія въ городѣ: тогда шли завоевывать пустыню, т. е. обрабатывать ее. Но, когда встрѣчались со страшными препятствіями и начинали терпѣть крайнюю нужду, легко вовлекались въ грабежъ и разбой. По большой части, однако, въ женщинахъ возбуждало отвращеніе подобное существованіе и онѣ терпѣли его только по принужденію. По крайней мѣрѣ, Маркэ готовъ былъ поклясться въ томъ, что это вѣрно относительно вдовы и дочери стараго скваттера: онъ видѣлъ ихъ всего два раза, но этого было достаточно, чтобы убѣдиться, что онѣ невинныя жертвы, и такое лестное мнѣніе объ нихъ только оправдывается, по его словамъ, ихъ поступкомъ.

Госпожа Курти согласилась съ мнѣніемъ Леона Маркэ. Она прибавила, что надо сдѣлать попытку измѣнить людей къ лучшему и что, во всякомъ случаѣ, имъ нечѣмъ было особенно рисковать: надо только учредить легкій надзоръ надъ этими женщинами и при малѣйшемъ проступкѣ со стороны одной изъ нихъ отправлять виновную въ Чикаго, причемъ путевыя издержки вычитать изъ ея жалованья.

Полковникъ былъ одного мнѣнія съ своей женой, и та-

кимъ образомъ на совѣтѣ было принято рѣшеніе, согласное съ желаніемъ хорошенькой Люси.

На другой день, немного раньше десяти часовъ великолѣпнаго іюньскаго дня, Люси Курти, верхомъ на своемъ пони, и Черная Птица, также верхомъ, въ сопровожденіи Добряка, который прыгалъ и радостно лаялъ, отправились по направленію къ домику, гдѣ они должны были встрѣтить вдову и дочь скваттера. Но, къ великому удивленію ихъ, они не нашли тамъ никого. Тогда они подумали, что женщины просто только запоздали и сейчасъ явятся. Люси пришло въ голову поѣхать къ нимъ навстрѣчу по тому направленію, откуда онѣ должны были придти; но такъ-какъ могло случиться, что онѣ почему-нибудь явятся съ другой стороны, то она просила Черную Птицу подождать около домика, чтобы не вышло недоразумѣнія. И Люси уѣхала въ сопровожденіи Добряка, который бѣжалъ въ тѣни ея пони.

Домикъ былъ расположенъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ Леонъ Маркэ, мѣсяцъ тому назадъ, въ первый разъ увидѣлъ стараго скваттера съ его женой, дочерью и семью сыновьями. Читатель припомнитъ, вѣроятно, что это мѣсто находилось среди дѣвственнаго лѣса, который Леонъ Маркэ изслѣдовалъ съ цѣлью отыскать какой-нибудь источникъ воды, подходящій для того, чтобы поставить на немъ пильную мельницу, проэктируемую имъ. Со стороны домика и большого дома лѣсъ, кончавшійся угломъ, слегка заходилъ за предѣлы плантаціи, въ саванны, которые тянулись далеко по обѣимъ берегамъ рѣки Красной до лагеря скваттеровъ, гдѣ воины изъ племени команчей, подъ начальствомъ Аллигатора, охраняли женщинъ, найденныхъ ими тамъ. По тропинкѣ, перерѣзавшей этотъ уголъ лѣса, и ѣхала теперь Люси со своимъ Добрякомъ. Прошло съ четверть часа, какъ вдругъ дѣвочкѣ послышались гдѣ-то отчаянные крики. Добрякъ, чуя опасность для своей госпожи, сейчасъ-же бросился впередъ и исчезъ за поворотомъ тропинки.

Снова раздались крики, точно призывавшие на помощь, и Люси старалась угадать направленіе, откруда они доно-

сились, какъ вдругъ Добрякъ снова показался, отчаянно лая. Въ нѣсколько прыжковъ онъ очутился около лошади, и тогда лай этого вѣрнаго и умнаго животнаго сдѣлался точно еще болѣе настойчивымъ и сильнымъ: Люси поняла, что Добрякъ просилъ ее поторопиться, такъ-какъ должно быть произошло что нибудь необыкновенное.

— Идемъ, идемъ!—сказала она ему.—Веди меня! Тогда Добрякъ, переставъ лаять, бросился впередъ, а молодая наѣздница поѣхала за нимъ рысью: она не могла пустить своего пони въ галопъ, потому-что узкая дорожка сильно извивалась все время.

Между тѣмъ крики все раздавались, становясь постепенно ближе и яснѣе; скоро не могло уже быть сомнѣнія въ томъ, что кричали женщины. Какъ разъ въ это время Люси выѣхала изъ лѣсу, и передъ ней открылось безконечное пространство, покрытое травой вышиной съ метръ; легкій вѣтерокъ, пробѣгая по этому обширному зеленому лугу, вздымалъ на немъ волны, какъ на морѣ.

Здѣсь слышались уже пронзительные крики и, казалось, совсѣмъ близко, но какъ внимательно ни смотрѣла Люси во всѣ стороны, она не могла замѣтить ничего, кромѣ огромнаго пестраго ковра, который окружалъ ее со всѣхъ сторонъ.

Лай Добряка, совсѣмъ потонувшаго въ высокой травѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ была Люси, одинъ только и выдавалъ его присутствіе, такъ-какъ она не только не видѣла его, но не могла даже замѣтить слѣды въ травѣ, которые привели-бы ее къ нему. Съ другой стороны, человѣческіе крики внезапно прекратились, такъ-что можно было думать, что уже все было кончено...

Какъ, неужели она опоздала? Исчезла-ли самая опасность или-же жертвы уже обезсилѣли отъ страданій?

Люси стояла неподвижно, оцѣпенѣвшая отъ ужаса. Вдругъ Добрякъ снова выпырнулъ изъ травы съ отчаяннымъ лаемъ. Остановившись передъ лошадью, онъ посмотрѣлъ своей госпожѣ въ самые глаза, и лай его сдѣлался еще болѣе бѣшенымъ. Потомъ онъ повернулся въ ту сторону, откуда

явился, сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ впередъ, снова вернулся къ дѣвочкѣ, ясно приглашая ее слѣдовать за собой. Тогда Люси вполнѣ поняла, что ей нечего было бояться; очевидно, никто не могъ сдѣлать ей зла; ей не угрожала опасность ни со стороны людей, ни со стороны животныхъ, иначе Добрякъ не дѣйствовалъ-бы такимъ образомъ. Теперь она была увѣрена, что дѣло касалось только того, чтобы спасти кого нибудь, какъ тогда съ индѣйцемъ, и рѣшилась слѣдовать за собакой; но она еще чувствовала легкій страхъ, который не могла побороть въ себѣ. И она стала медленно двигаться впередъ среди моря травы, почти совсѣмъ скрывавшей ея пони. Ѣхать приходилось съ крайней осторожностью, сообразуясь съ движеніями Добряка, который подвигался разсчитаннымъ шагомъ, каждую секунду поворачивая голову къ своей хозяйкѣ, точно желая дать ей понять, что она не должна ѣхать быстрѣе его. Сначала молодая дѣвушка ѣхала по ровному мѣсту, но затѣмъ мѣстность стала мало по малу повышаться, наконецъ Люси въѣхала на холмъ, съ вершины котораго передъ ней открылось ужасное зрѣлище: двѣ женщины (въ одной изъ нихъ Люси сейчасъ-же узнала вдову скваттера, а другая, вѣроятно, была ея дочь), на разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ нея, выбивались изъ силъ, стараясь выбраться изъ зыбкаго мѣста, въ которое онѣ погрузились уже по поясъ. Лица женщинъ выражали ужасъ; чувствуя, что ихъ все больше и больше тянетъ въ глубину и что у нихъ нѣтъ силъ бороться съ опасностью, онѣ тѣмъ не менѣе безсознательно бились изъ инстиктивнаго чувства самосохраненія, но потеряли уже голосъ отъ испуга и не могли больше звать на помощь...

На сколько ужасно было положеніе этихъ несчастныхъ женщинъ, на столько-же поведеніе Добряка было трогательно.

Бѣдное животное хотѣло непремѣнно помочь несчастнымъ, но его удерживалъ отъ этого инстинктъ опасности: онъ ощупывалъ, все продолжая лаять, почву, которая, какъ онъ чувствовалъ, уходила у него подъ ногами, и не рѣшался

броситься къ женщинамъ; сознаніе безпомощности выражалось у него въ жалобномъ воѣ.

Люси стояла на мѣстѣ, точно парализованная во всѣхъ движеніяхъ этимъ ужаснымъ зрѣлищемъ и тоже не въ состояніи произнести ни слова. Но черезъ секунду на глазахъ у нея показались слезы, она вышла изъ своего состоянія оцѣпенѣнія и стала искать средства помочь погибавшимъ женщинамъ. Но что было дѣлать? Она сейчасъ-же сообразила, что не слѣдовало дѣлать попытокъ приблизиться къ несчастнымъ жертвамъ: это значило-бы встать въ такое-же положеніе, въ какомъ были онѣ сами, и сдѣлаться для нихъ безполезной. Еслибы у нея только была длинная веревка, чтобы бросить имъ! Но веревки не было. Ей пришла въ голову мысль объ уздечкѣ ея пони; но та была слишкомъ коротка.

Вдругъ она вспомнила, что видѣла въ лѣсу, на тропинкѣ, длинную сломанную вѣтку дерева... Она вскрикнула отъ радости и сказала, обращаясь къ женщинамъ:

— Не теряйте бодрости! Не шевелитесь! Я нашла средство спасти васъ!

И, повернувъ пони назадъ, она исчезла изъ виду. Черезъ десять минутъ она уже вернулась, вооруженная очень длинной и гибкой вѣткой, привязанной къ сѣдлу и волочившейся за лошадью. Вѣтка была длиной по крайней мѣрѣ въ четыре метра, этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы вытащить женщинъ, не рискуя быть самой втянутой въ болото. Люси слѣзла съ лошади, осторожно подошла какъ можно ближе къ тому мѣсту, гдѣ почва начинала уже дѣлаться зыбкой, и протянула шестъ (это слово подходило къ найденной ею вѣткѣ), вдовѣ скваттера, та въ свою очередь протянула руку дочери, и Люси безъ особеннаго труда вытащила обѣихъ на твердую почву. И это было какъ разъ во время, потому что, когда Люси вернулась къ нимъ со своей вѣткой (настоящей вѣтвью спасенія), онѣ погрузились въ болото уже почти по плечи.

Въ то время, какъ Люси спасала ихъ, не было произне-

сено ни одного слова. Какъ только женщины увидѣли себя внѣ опасности, силы оставили ихъ и онѣ упали въ обморокъ. Люси достала флаконъ съ нюхательной солью и дала понюхать обѣимъ женщинамъ по очереди, отчего онѣ почти сейчасъ-же пришли въ себя. Едва вернулось къ нимъ сознаніе, какъ явился Черная Птица.

Встревоженный долгимъ отсутствіемъ Люси, онъ рѣшился покинуть свой выжидательный постъ и отправился по лѣсной тропинкѣ вплоть до открытаго мѣста, поросшаго травой, гдѣ Добрякъ, почуявшій его приближеніе, выбѣжалъ къ нему на встрѣчу и провелъ дальше до своей госпожи. Вождь былъ пораженъ случившимся и спрашивалъ женщинъ, какимъ образомъ онѣ могли попасть въ это торфяное болото, когда имъ было такъ легко избѣжать его, еслибы онѣ все шли самымъ берегомъ рѣки, гдѣ была вѣрная тропинка.

Вдова скваттера отвѣтила, что, боясь опоздать, она уговорила дочь сократить дорогу, идя по діагонали. И это она, мать, первая ступила на эту зыбкую почву; дочь ея прибѣжала къ ней на помощь и была втянута въ свою очередь. Сначала онѣ могли кричать о помощи и кричали изъ всѣхъ своихъ силъ, но, когда почувствовали, что погрузились по колѣно въ какой-то полужидкой теплой массѣ, похожей на илъ, и что ихъ втягиваетъ все глубже и глубже какая-то страшная бездна, противъ которой всякая борьба съ ихъ стороны была-бы безполезна, — тогда, лицомъ къ лицу съ такой ужасной смертью, ими овладѣло какое-то оцѣпенѣніе и онѣ не въ силахъ были произнести ни звука. О, какъ онѣ были благодарны тому ангелу, который явился въ эту минуту передъ ними и вырвалъ ихъ какимъ-то чудомъ изъ страшной могилы, гдѣ онѣ теперь были-бы уже похоронены! И онѣ цѣловали ноги Люси, у которой, послѣ предыдущаго чрезмѣрнаго напряженія нервныхъ силъ, наступила реакція, и она вдругъ почувствовала себя дурно: она поблѣднѣла, какъ полотно, и стала дрожать всѣми членами. Но, не желая поддаваться охватившей ею слабости, дѣвочка употребляла

всѣ усилія, чтобы держаться на ногахъ, и только прислонилась къ своему пони.

Черная Птица быстро открылъ сумку, гдѣ находился напитокъ, оказавшій ему когда-то такую большую услугу, и заставилъ дѣвочку проглотить нѣсколько капель, послѣ чего краска снова показалась на ея блѣдномъ лицѣ и въ то-же время живительная теплота разлилась по всѣмъ ея членамъ. Черезъ нѣсколько минутъ она уже совершенно оправилась.

Теперь, конечно, вдова скваттера не могла уже ни въ чемъ отказать Люси.

— Мы, моя дочь и я,—вполнѣ въ вашемъ распоряженіи,—сказала она ей.—Дѣлайте съ нами, что только вамъ будетъ угодно!

— Я буду счастлива, — отвѣтила Люси, — если съумѣю хоть сколько нибудь утѣшить васъ въ вашихъ несчастіяхъ. Я хочу, чтобы вы познакомились съ моими родителями, которые такъ добры и чувствуютъ къ вамъ такую признательность. Мы поговоримъ вмѣстѣ съ ними, посовѣтуемся и, если вамъ не понравится то, что вамъ будетъ предложено, вамъ дадутъ возможность вернуться въ Чикаго и устроиться тамъ приличнымъ образомъ.

Мать и дочь согласились съ предложеніемъ Люси, и всѣ отправились по дорогѣ къ большому дому.

Не будемъ передавать тѣхъ поздравленій и выраженій восторга, предметомъ которыхъ сдѣлалась Люси со стороны своихъ родныхъ и всѣхъ обитателей плантаціи, когда стало извѣстно, что она спасла жизнь еще двоимъ. Но ея отецъ и мать, покрывая ея лицо поцѣлуями и слезами радости, говорили ей въ тоже время, что она поступила неосторожно, такъ какъ слишкомъ рисковала своей жизнью.

— Что случилось-бы, — замѣтилъ ея крестный отецъ,—еслибы и ты была втянута въ страшную бездну?

— Добрякъ пришелъ-бы мнѣ на помощь!

— Но вѣдь ты отлично знаешь, что тогда и онъ погрузился-бы въ болото, и вмѣсто помощи тебѣ, въ результатѣ оказалось-бы только лишняя и ненужная никому жертва.

— Быть можетъ. Во всякомъ случаѣ, у меня оставалась-бы еще одна надежда: Черная Птица не замедлилъ-бы явиться, а такъ какъ при немъ всегда есть его лассо, то онъ бросилъ-бы его его намъ и спасъ-бы насъ всѣхъ.

— Но ты могла-бы успѣть погрузиться въ болото и исчезнуть изъ глазъ!

— Вовсе нѣтъ! Я гораздо меньше, слабѣе и легче, чѣмъ эти дамы, и потребовалось-бы больше времени, для того, чтобы болото покрыло меня съ головой. Да и Черная Птица явился какъ разъ вовремя, чтобы спасти погибавшихъ, въ случаѣ, еслибы моя вѣтка оказалась недѣйствительной.

Такъ старалась скромная дѣвочка умалить свою заслугу, ту опасность, которой она подвергалась, и то мужество, которое она выказала. Ея крестный отецъ пересталъ упрекать ее и только любовался ею съ восторгомъ.

— И затѣмъ,—продолжалала Люси, — хотите я докажу вамъ, что ничѣмъ ровно не рисковала? Ну, такъ знайте-же, что, когда я приближалась къ краю болота, чтобы протянуть вѣтку, я обхватила рукой уздечку моего пони, такъ что съ помощью этой уздечки съумѣла-бы выскочить на твердую землю, еслибы даже почва стала уступать подъ моими ногами.

Тогда госпожа Курти еще разъ поцѣловала дочь и сказала, что беретъ назадъ слова „злая и неосторожная дѣвочка“, которыми только-что назвала ее.

Недѣлю спустя, вдова скваттера совершенно свыклась съ порядками и жизнью на плантаціи, также, какъ и ея дочь. Всѣ знали уже теперь исторію этой несчастной женщины.—Она принадлежала къ хорошей бретонской семьѣ изъ окрестностей С.-Мало. Во время далекаго плаванія она вышла замужъ за капитана парохода, съ которымъ, спустя нѣсколько лѣтъ, поселилась на островѣ С.-Пьерръ, гдѣ ея мужъ, человѣкъ вспыльчивый и грубый, натворилъ бѣдъ; его обвинили въ злоупотребленіяхъ, и онъ бѣжалъ въ Соединенные Штаты. Здѣсь, перекочевывая изъ города въ городъ—изъ Бостона въ Нью-Іоркъ, изъ Новаго Орлеана

въ Чикаго,—онъ опускался все ниже и ниже и кончилъ тѣмъ, что ушелъ въ дикую, пустынную мѣстность, увлекая за собой и несчастную жену. Изъ десяти дѣтей оставалось въ живыхъ восемь къ тому времени, когда Леонъ Маркэ встрѣтилъ скваттера въ первый разъ на прогалинѣ дѣвственнаго лѣса. Сыновья походили на отца: у нихъ былъ такой-же характеръ, та-же вспыльчивость, грубость и нахальство. Мать и дочь были жертвами этихъ людей; отецъ постоянно угрожалъ имъ смертью. Но въ этой глуши, гдѣ они жили, для несчастныхъ немыслимо избавиться отъ этого ужаснаго тиранства. Кромѣ того, госпожа Оберъ (это было имя вдовы скваттера) считала, что ея обязанности, какъ жены, не позволяли ей бросить мужа, которому, несмотря на его дурное обращеніе съ ней, она безусловно повиновалась. Въ концѣ концовъ смерть ея мужа и сыновей была настоящимъ избавленіемъ какъ для нея, такъ и для ея дочери, которая была вылитымъ портретомъ своей матери въ физическомъ и нравственномъ отношеніи. Теперь она чувствовала себя вполнѣ счастливой среди честныхъ людей, которые употребляли всѣ усилія, чтобы заставить ее забыть прошлое. Госпожа Курти поставила ее во главѣ мастерской полотенъ, и для вдовы было большимъ утѣшеніемъ это полезное и вмѣстѣ съ тѣмъ почетное занятіе. Что-же касается до Генріеты Оберъ, то она помогала матери исполнять ея обязанности. Обѣ онѣ питали ко всему семейству Курти безграничную преданность, Люси-же была ихъ идоломъ.

Другихъ женщинъ изъ лагеря съ рѣки Красной, пожелавшихъ остаться на плантаціи, пристроили—смотря по ихъ силѣ, уму и способностямъ—къ разнымъ работамъ въ поляхъ и дома, и почти всѣ онѣ старались, какъ только могли, чтобы только не возбудить неудовольствія хозяевъ и не быть отосланными въ Чикаго; желавшихъ же возвратиться снабдили на дорогу нѣсколькими долларами и шкурами бизоновъ, а въ провожатые дали воиновъ Аллигатора, которые должны были довести ихъ почти до самаго города.

Не прошло и году, какъ Генріетта Оберъ сдѣлалась

госпожей Леонъ Маркэ. Свадьбу отпраздновали въ Новомъ Орлеанѣ, гдѣ молодые и остались на мѣсяцъ у Вилльямса Гранмезона.

. . . .

Эту несложную исторію разсказалъ мнѣ, много лѣтъ тому назадъ, самъ полковникъ Курти.

Люси превратилась теперь изъ прелестнаго ребенка въ образцовую мать. Ея сестра Дженни и братья, Джорджъ и Джемсъ, пользуются большимъ уваженіемъ въ Новомъ Орлеанѣ, гдѣ они принадлежатъ къ высшему обществу. Полковникъ, его жена и Вилльямсъ Гранмезонъ еще живы и чувствуютъ себя счастливыми, что, конечно, вполнѣ естественно. Госпожа Оберъ умерла на плантаціи на рукахъ у дочери и зятя Маркэ—арендаторовъ полковника Курти, а въ ближайшемъ будущемъ—и собственниковъ этого прекраснаго помѣстья, управлять которымъ имъ помогаютъ четверо сыновей— здоровые молодцы, ростомъ и силой (но только этимъ) напоминающіе своего дѣдушку и дядей, убитыхъ во время нападенія на ту самую землю, процвѣтанію которой они теперь способствовали всѣми своими силами.

Добрякъ умеръ отъ старости у своей хозяйки, любимый всѣми.

Черная Птица два раза въ годъ приходилъ провести недѣли двѣ у Лѣсного Шиповника, и приносилъ ей въ видѣ подарка мѣха, которые и заставлялъ ее брать отъ него. Остальное время года онъ большею частью проводилъ на плантаціи, которую онъ принялъ подъ свое покровительство и которую охранялъ съ помощью своихъ воиновъ противъ малѣйшихъ покушеній на нападеніе со стороны скваттеровъ или степныхъ разбойниковъ.

Конецъ.